

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции,
посвященной 100-летию окончания
гражданской войны и интервенции
на Дальнем Востоке

БЛАГОВЕЩЕНСК, 2021

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЛАГОВЕШЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции,
посвященной 100-летию окончания
Гражданской войны и интервенции
на Дальнем Востоке
(Благовещенск, 13 мая 2021 г.)

Благовещенск
Издательство БГПУ
2021

ББК 66.3 (255) 612 я431
И 90

И 90 **ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ:** материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию окончания Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (Благовещенск, 13 мая 2021 г.) / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2021. – 182 с.

ISBN 978-5-8331-0428-6

В сборник включены доклады преподавателей и научных сотрудников, а также аспирантов, магистрантов, студентов, принявших участие во Всероссийской научно-практической конференции «История Гражданской войны на Дальнем Востоке и история русской эмиграции» (Благовещенск, 13 мая 2021 г.).

Конференция была посвящена 100-летию окончания Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке, вошла в серию мероприятий, запланированных на 2020-2022 гг. и приуроченных к 100-летию Великой Российской революции и Гражданской войны, организованных Дальневосточным отделением Российского исторического общества (РИО) совместно с Российской академией наук (РАН), научными организациями и вузами Дальневосточного федерального округа.

*Редакция не несет ответственности за точку зрения автора,
а также стилистическое оформление текста*

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Благовещенского государственного педагогического университета*

ISBN 978-5-8331-0428-6

© Издательство БГПУ, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

13 мая 2021 г. на базе Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «История Гражданской войны на Дальнем Востоке и история русской эмиграции».

Конференция была посвящена 100-летию окончания Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке и вошла в серию мероприятий, запланированных на 2020-2022 гг. и приуроченных к 100-летию Великой Российской революции и Гражданской войны Дальневосточным отделением Российского исторического общества (РИО) совместно с Российской академией наук (РАН), научными организациями и высшими учебными заведениями Дальневосточного федерального округа.

Конференция была организована при участии Института Конфуция БГПУ, Научно-образовательного центра «Восток-Запад», действующего при кафедре всеобщей истории, философии и культурологии БГПУ, Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского, Амурского отделения Российского исторического общества и Института истории, археологии и этнографии Дальнего Востока ДВО РАН.

В конференции приняли участие в очном и заочном формате более 30 ученых из самых разных регионов России, в том числе директор Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, председатель Дальневосточного отделения РИО, член-корреспондент РАН Н.Н. Крадин.

В качестве почетного гостя участие в конференции принял председатель правления Российского исторического общества, исполнительный директор Фонда «История Отечества» К.И. Могилевский.

Большой интерес вызвал доклад «"Трудные вопросы" истории Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России», который на пленарном представил А.В. Кузин, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и специальных исторических дисциплин БГПУ.

Доклады участников конференции были представлены на двух секциях, работа которых состоялась на базе Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского и филиала ГБУ АО «АОКМ» – музейно-выставочный центр «Дом И.А. Котельникова».

В рамках работы конференции состоялась презентация фильма «Волочаевские дни» (2021 г., режиссер А. Елаш). Документально-игровой фильм для школьников (12+) «Волочаевские дни» производства АНО «Дальневосточное агентство по развитию интернет-безопасности» – это попытка осмысления непростого периода в истории России, о котором рассказывается максимально простым языком.

После конференции для ее участников, в том числе студентов историко-филологического факультета БГПУ, директором Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского Е.В. Ивановой была организована увлекательная экскурсия по залам с экспонатами, имеющим и отношение к истории Великой Российской революции и Гражданской войны.

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**ИСТОРИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
И
ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ**

**ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(БЛАГОВЕЩЕНСК, 13 МАЯ 2021 Г.)**

Абинякин Роман Михайлович, канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории России
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Орёл)
taurus.ra75@yandex.ru

**ПРИКАЗЫ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ
ОБ ОСОБОМ УЧЕТЕ БЫВШИХ БЕЛЫХ ОФИЦЕРОВ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-1922 ГГ.**

УДК 94(47).091
DOI 10.48344/BSPU.2021.32.75.001

Аннотация. В статье рассматривается особый учет бывших белых офицеров как временная система использования и контроля пленных и перебежчиков из Белых армий в конце Гражданской войны. Выявлены, систематизированы и проанализированы нормативные документы, устанавливавшие и регулировавшие правила и процедуру особого учета, а также основания для снятия с него в 1920-1922 гг.

Ключевые слова и фразы: бывшие белые офицеры, особый учет, Красная Армия, Революционный Военный Совет, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК).

Roman Abinyakin, *Cand. Sc. in History, Associate Professor*
Department of Russian History
Orel State University (Orel)
taurus.ra75@yandex.ru

**ORDERS OF THE REVOLUTIONARY MILITARY COUNCIL
ON SPECIAL REGISTRATION FORMER WHITE OFFICERS
IN SOVIET RUSSIA IN 1920-1922**

Abstract. The article deals with the special registration of the former White Guard officers as the contemporary system of location, using and control of the captives and deserters from the White Guard armies in the end of the Civil War in Russia. The normative documents that established and regulated the rules and procedure of special accounting, as well as the grounds for its removal in 1920-1922, were identified, systematized and analyzed.

Key words and phases: the former White Guard officers, a special registration, the Red Army, the Revolutionary Military Council, All-Russian Special Commission (ASC, «Che-Ka»).

К концу Гражданской войны в России возник вопрос пребывания на советской территории многочисленных бывших офицеров Белых армий, которые не пожелали или не смогли эвакуироваться за границу. Первым толчком к этому стало поражение войск адмирала А.В. Колчака, а последним – завершение Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Еще весной 1920 г. Управлением по командному составу Всероссийского Главного Штаба были разработаны «Временные правила об использовании бывших сухопутных офицеров из числа военнопленных и перебежчиков Белых армий» [5, лл. 10-11]. Однако они имели чисто мобилизационные цели и отличались юридической и хронологической неопределенностью. Не прошло и полугодя, как потребовалась их доработка и конкретизация.

Поэтому первым по-настоящему официальным актом, определившим положение «бывших белых офицеров и военных чиновников из пленных и перебежчиков» в Советской России, следует считать приказ Революционного Военного Совета Республики № 1728/326

от 4 сентября 1920 г. [3, лл. 4-6]. Он довольно четко сформулировал требования и ограничения, однако скомпонован весьма хаотично, поэтому напрашивается более логичное и последовательное изложение его содержания. Пункт 3 вводил само понятие «особый учет», ведущийся всем бывшим белым офицерам и чиновникам, переданным окружным военкоматам или состоящим на службе в РККА. Оно подразумевало составление соответствующих списков на двух уровнях. Местный учет осуществлялся штабами округов, фронтов и отдельных армий, которые ежемесячно подавали необходимые данные в Управление по командному составу Всероглавштаба – для ведения общего учета. В послужные списки требовалось заносить подробные о службе в Белых армиях.

Первым шагом для сдавшихся была фильтрация в ближайшем местном особом отделе ВЧК, и те, кого считалось возможным использовать, передавались в соответствующие военные комиссариаты. Вторым шагом было немедленное направление на ускоренные трехнедельные курсы политической и военной подготовки, программа которых содержала всего две дисциплины: структура Советской власти и организация Красной Армии. Они организовывались в Москве и Петрограде, а также – лишь по согласованию с Командным управлением и Особым отделом ВЧК – в других пунктах, с максимальной численностью слушателей в 500 человек, причем не более двух в одном месте. Условием для открытия курсов было наличие в городе рабоче-промышленного центра, окружного военкомата и крупных концлагерей. Как видим, центр далеко не всякого военного округа соответствовал всем трем требованиям.

Третьим шагом становилось направление в войска на командные должности соответственно специальности – «как правило», в действующие или запасные части Западного фронта или внутренних округов, тоже лишь «по соглашению» с особым отделом ВЧК. При этом устанавливались лишь территориальные и количественные ограничения. Во-первых, бывших белых офицеров не назначали в место пленения или сдачи, а также по месту рождения или постоянного жительства; имеющиеся на момент издания приказа нарушения подлежали устранению путем немедленного перевода. Впрочем, отступления от последнего положения были недопустимы только для казаков, а для прочих допускались, принимая во внимание уважительные обстоятельства. То есть бывших белых офицеров при наличии уважительных причин могли назначить даже по месту прежнего проживания, причем для этого требовалось только согласие комиссара их части, а местный особый отдел лишь информировался об этом. Во-вторых, их общее число не должно было превышать 15% наличного состава части или учреждения.

Приказ четко указывал, что бывшие белые офицеры с начала службы в РККА пользуются всеми правами, денежным и вещевым довольствием командного состава Красной Армии, кроме пользования отпуском в течение первого года. Наиболее сенсационно звучал пункт 12, регламентировавший снятие с особого учета. Устанавливалось фактически механическое его прекращение: «По истечении года службы в Красной Армии бывшего офицера или военного чиновника Белых армий он снимается с особого учета, для чего имеющаяся по месту его службы копия анкетной карточки препровождается по команде вместе с соответствующим представлением в Командное управление Всероглавштаба. С этого времени приведенные в настоящем приказе особые правила на данное лицо не распространяются» [3, л. 6].

Приказ РВСР № 1728/326 от 4 сентября 1920 г. поражает своим либеральным характером, весьма нетипичным для Гражданской войны вообще и для современного стереотипного образа большевистского режима, в частности. Бросается в глаза почти полное отстранение органов ВЧК от непосредственного распоряжения принимаемыми в Красную Армию бывшими белыми офицерами сразу после фильтрации, так как в дальнейшем превращались в инстанцию согласования, а не самостоятельных решений. Особые отделы вели дело на каждого из них по месту службы, но не получали полномочий на общий контроль над ними. Особый учет становился исключительной прерогативой органов местного и центрального военного управления, причем только в отношении служащих в Красной Армии, что опровер-

гает не подкрепленное ссылками на источники утверждение С.В. Волкова об «особом учете ГПУ», что якобы «означало не только постоянный надзор, но и почти автоматическое лишение работы» [1, с. 391]. Безусловно, бывшие белые офицеры вне РККА находились под надзором чекистов, однако они не имели никакого отношения к служащим в Красной Армии, для которых их белогвардейское прошлое было основанием для процедуры особого учета как раз при приеме на службу – а не для увольнения.

Кроме того, привлекает внимание, что представление к снятию с особого учета было свободно от консультаций с чекистами. Отметая их попытки вмешаться, военный комиссар Штаба Республики Данилов четко разъяснил специальной телеграммой, что «заклучение особого отдела части, ходатайствующей о снятии бывбелых с особого учета, не требуется» [3, л. 1]. Как видно из текста пункта 12, само представление о снятии – еще до получения решения Командного управления – уже означало прекращение особого учета, что указывало на предполагавшийся массовый его характер.

Довольно мягкие положения данного приказа вполне объяснимы с прагматических позиций в условиях конца лета 1920 г. – броска в Польшу с предполагавшимся «экспортом революции» далее в Европу. Перспектива большой войны, тем более с внешним врагом, делала бывших белых офицеров не только целесообразным, но и вполне надежным резервом пополнения командного состава РККА.

Однако к весне 1921 г. провал «похода в Европу», массовые восстания в РСФСР и завершение Гражданской войны на Дальнем Востоке создали совершенно иную обстановку. Экономическая разруха заставляла всерьез задуматься о радикальном сокращении армии. При внутреннем использовании войск бывшие белые офицеры лишались патриотических мотиваций периода советско-польской войны и уже не внушали прежнего доверия. Перспектива их демобилизации означала прекращение особого учета, что в тех условиях было недопустимо.

Поэтому появился приказ РВСР № 1035/180 от 14 мая 1921 г., заново отредактировавший пункт 12 приказа № 1728/326. Он заметно ужесточил снятие с особого учета, которое теперь «проводится распоряжением комиссара Штаба РККА по согласованию с Особым отделом ВЧК» [3, л. 8]. (В отличие от местных особых отделов, имевшихся в виду в прежнем приказе, здесь речь шла уже о центральном органе – Особом отделе ВЧК.) С этого времени ходатайства о снятии должны были подавать сами бывшие белые офицеры комиссарам своих частей, которые обязывались давать в своем заключении мотивировку для Управления по командному составу Штаба РККА. Командование части фактически отстранялось от этого процесса. В результате процедура, с одной стороны, становилась более индивидуальной и объективной (ибо прежде вообще не требовалось учитывать конкретные служебные обстоятельства), а с другой – приобретала возможности для отклонения ходатайств.

Данный приказ впервые сформулировал положения об особом учете бывших белых офицеров, служащих в гражданском ведомстве. Это носило явно упреждающий характер в свете предполагавшейся демобилизации, так как имеется уточнение, что в годичный испытательный срок засчитывается и прежняя служба в Красной Армии. Однако об особом учете лиц, вообще не служивших в РККА, специально не упоминается. Лишь по смыслу приказа ясно, что их могут рассматривать наравне с демобилизованными, но вначале их следует брать на особый учет. Итак, ходатайства в отношении состоявших на гражданской службе могли возбуждать лишь их непосредственные начальники, передавая их для отзыва в губЧК, а затем в губернский военный комиссариат, откуда материалы восходили опять же в Управления по командному составу Штаба РККА. Очевидно, что штатские лица из числа бывших белых офицеров были более подозрительны для властей, так как вне армии не находились под непрерывным контролем особых отделов и комиссаров, что и вызвало дополнительное требование чекистского заключения.

Вдобавок при положительном решении по ходатайству днем снятия стал считаться день составления заявления, но не сам факт его подачи (как прежде), что ставило подавшего в «подвешенное» состояние на довольно длительный срок.

Следующим этапом эволюции системы особого учета стал секретный приказ РВСР № 1674/330 от 6 июля 1922 г. [2, лл. 529об.-530]. отменивший многие прежние ограничения и существенно смягчивший положение бывших белых офицеров. Прежде всего, им разрешались свободный переход на новые места гражданской службы, увольнение с нее, пользование отпуском, а также свободное перемещение и избрание постоянного места жительства. Исключение составила особая «запретная зона» вдоль западной границы, черноморского побережья и кавказских республик, однако и Москва, и Петроград в нее не вошли. Первоначально запретная зона по Туркестану и Сибири установлена не была и подлежала дополнительному оглашению, что и произошло не позднее октября 1922 г. При смене места жительства вводились обязательные снятие и постановка на учет соответственно в покидаемом и новом пункте как в губвоенкомате, так и в губотделе ГПУ. Военкоматы обязывались производить оформление перехода и перевода бывших белых на общих основаниях, соответственно «Временному руководству по учету и призыву лиц командного состава и административно-хозяйственной службы».

Некоторые положения приказа РВСР № 1674/330 конкретизировались ведомственными циркулярами и инструкциями. Так, циркуляр Главного начальника путей и сообщений №6002875/су от 28 октября 1922 г. [4, лл. 206-206об.]. разъяснял, что отменяется запрет назначать бывших белых офицеров по месту пленения или прежнего жительства, а также вносил изменения в цепочку инстанций прохождения документов о снятии с особого учета служащих в гражданском ведомстве. Теперь непосредственный начальник направлял ходатайство вначале в мобилизационное управление штаба округа, а уже потом оно шло в местный орган ГПУ и далее в прежней последовательности. Это означало, что сначала о целесообразности снятия запрашивалось мнение военного органа и только потом – чекистов. Здесь видны и усиление прагматического подхода к оценке полезности бывшего белого офицера как потенциального командира запаса, и снова рост влияния на решение со стороны военных.

Подводя итоги, отметим, что на протяжении 1920-1922 гг. бывшие белые офицеры находились под юрисдикцией военного ведомства, которое почти монопольно устанавливало, изменяло и контролировало условия их службы и учета. Это означало победу целесообразности и прагматизма над репрессиями и идеологической непримиримостью, оборачиваясь для данной социальной субгруппы довольно сносными условиями существования.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. – М., 2001.
  2. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 4. Оп. 15 «а». Д. 114.
  3. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 7. Оп. 1. Д. 186.
  4. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 7. Оп. 7. Д. 236.
  5. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 11. Оп. 3. Д. 71.
-

Аверченко Сергей Викторович, канд. ист. наук
Кафедра истории войн и военного искусства, преподаватель
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж)
aviator1ww@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ АВИАЦИОННОЙ ТЕХНИКИ В ВООРУЖЁННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ БЕЛЫХ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В 1918-1922 ГГ.

УДК 94(470)“1918/1922”:629.7.083
DOI 10.48344/BSPU.2021.26.18.002

***Аннотация.** В статье исследуются проблемы в организации технической эксплуатации авиационной техники в Воздушных флотах белых армий на Восточном фронте Гражданской войны в России.*

***Ключевые слова и фразы:** авиация, Гражданская война в России, Белые армии, инженер, моторист, механик, техническая эксплуатация, аэроплан, самолёт.*

Sergey Averchenko, Cand. Sc. In History
Subdepartment of History of Wars and Military Art, lecturer
Air Force's Academy named after Professor N.Ye. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin (Voronezh)
aviator1ww@mail.ru

PROBLEMS OF TECHNICAL OPERATION OF AVIATION EQUIPMENT IN THE ARMED FORMATIONS OF THE WHITES ON THE EASTERN FRONT IN 1918-1922

***Abstract.** The article examines the problems in the organization of technical operation of aviation equipment in the Air Fleets of the White Armies on the Eastern Front of the Russian Civil War.*

***Key words and phrases:** aviation, Russian Civil War, White armies, engineer, motorist, mechanic, technical operation, airplane.*

Авиационные части белых на Восточном фронте Гражданской войны в России появились сразу же после создания самих белых военных формирований. В июне 1918 г. начали формироваться Поволжская народная и Сибирская армии. Осенью того же года были образованы вооружённые силы Уфимской директории, позже реорганизованные в Русскую армию адмирала А.В. Колчака. Также имелись достаточно самостоятельные воинские формирования белых в Забайкалье (атамана Г.М. Семёнова) и на Дальнем Востоке. Все они в течение Гражданской войны имели свои авиационные силы.

Первые авиачасти белых в Поволжье, на Урале и в Сибири появились в результате захвата авиационных частей и ремонтных организаций, эвакуированных на Волгу, Урал и в Сибирь весной 1918 г. при демобилизации старой армии. Ряд авиационных частей был захвачен белыми в Самаре, Казани, под Уфой [11, с. 17; 13, с. 31-35, 73]. Также некоторые авиачасти и учреждения успели до начала мятежа Чехо-Словацкого корпуса и начала боевых действий на Восточном фронте доехать до Новониколаевска (Новосибирска), Омска, Красноярска [3, с. 62] и даже Иркутска [13, с. 72], где они и обнаруживались представителями авиационных командований белых.

Авиация белых на Востоке в течение всей своей деятельности испытывала ряд

проблем, связанных с формированием авиачастей, наличием и пополнением материальной части, укомплектованием лётным и техническим составом. Определённые проблемы испытывались и в организации технической эксплуатации аэропланов. Часть этих проблем имела в авиационных формированиях всех белых армий, а часть была присуща только белой авиации Восточного фронта.

Среди общих проблем авиации белых в первую очередь стоит отметить изношенный парк самолётов, доставшихся в наследство от старой Российской армии. В основном это были аэропланы, ранее от нескольких месяцев до нескольких лет использовавшиеся на фронтах мировой войны. К тому же, в условиях падения дисциплины и развала фронта в конце 1917 – начале 1918 гг., зачастую они находились в ужасном техническом состоянии. И на такой технике авиации белых на Восточном фронте пришлось воевать достаточно долго. Как отмечали в известном труде по применению авиации в годы Гражданской войны М.А. Хайрулин и В.И. Кондратьев, ещё весной 1919 г. «колчаковцы вынужденно использовали давно устаревшие «Моран-парасоли», «Буазены» и «Ньюпоры-11», которые уже не встречались в советских фронтовых авиаотрядах» [13, с. 151].

Ярким примером ветхости части имеемой авиатехники в авиации белых на Востоке и чудес, которые творили местные механики и мотористы, служит следующий случай. Летом 1919 г. в мастерских Курганской авиашколы белых под руководством авиамеханика Попова из частей нескольких развалившихся и списанных аэропланов был собран работоспособный самолёт. Под обозначением «Попов-VII» в октябре того же года он служил в 3-м Сибирском авиаотряде на курганском фронте [13, с. 174].

Другой общей проблемой авиации белых было большое количество разных типов самолётов, доставшихся ей. В парке белых авиаотрядов можно было встретить как современные аэропланы, переданные от союзников, так и хорошо знакомые повоевавшие «Буазены», «Мораны», «Фарманы» и другие аэропланы. Попадались очень старые экземпляры, такие как «Фарман-4» выпуска 1910 г. [13, с. 34]. Так, например, 15-й авиаотряд Сибирской армии в сентябре 1919 г. имел в своём составе 3 разведчика «Сопвич», полученных от французов, 1 «Моран-парасоль» и 3 истребителя «Ньюпор-23» [14, с. 144]. Такое разнотипье значительно усложняло как эксплуатацию и ремонт авиационной техники в отрядах, так и снабжение запасными частями.

Третьей общей проблемой белых авиационных формирований была колоссальная нужда во всевозможном авиационном имуществе [7, с. 10]. В захваченных на Урале и Сибири авиачастях это имущество зачастую или отсутствовало изначально при эвакуации их туда, либо было разграблено в пути или на месте. А перелетевшие к белым от красных лётчики пригоняли только сам аэроплан, без всего необходимого инструмента и специмущества.

Качественная же эксплуатация авиационной техники невозможна без многочисленного вспомогательного имущества. Деревянные самолёты с тканевой обшивкой крыльев необходимо хранить в специальных палатках или ангарах. В условиях маневренных боевых действий Гражданской войны о строительстве ангаров говорить не приходилось, а палаток не было. Самолёты стояли на открытом воздухе, они намокали, деревянные части загнивали, металлические – ржавели, немногочисленное электрооборудование – отказывало.

Также сильно затрудняло правильную эксплуатацию авиационной техники отсутствие специального инструмента и различных приспособлений. А авиационный мотор даже того времени без спецключей и приспособлений починить было нельзя. Тогда неисправный мотор приходилось отправлять на ремонт в стационарные мастерские, а это значительно увеличивало сроки ремонта и делало самолёт небоеспособным. В условиях войны и разрухи достать это авиационное имущество было нелегко.

Но на Восточных фронтах Гражданской войны, кроме общих проблем с технической эксплуатацией авиатехники, авиационным частям белых пришлось столкнуться и с рядом специфических трудностей, причиной которых были объективные обстоятельства.

Большинство этих местных, специфических только для Востока, проблем в авиации белых возникало из-за того, что ни до, ни во время Первой мировой войны в данном регионе не было никакой авиации и, соответственно, никакой авиационной инфраструктуры.

Здесь необходимо отметить, что самый первый авиационный отряд в России был сформирован ещё 14 ноября 1911 г. при 4-й Сибирской воздухоплавательной роте в г. Чита. Полёты в нём начались в мае 1912 г. Но уже в марте 1914 г. он был переименован в 23-й корпусной авиационный отряд и переведён в состав 2-й авиационной роты в Варшаву. На этом авиационная история Забайкалья прервалась до появления авиационных отрядов у атамана Г.М. Семёнова [1, с. 36; 12, с. 116-119].

С 8 февраля 1914 г. на Дальнем Востоке России числились сформированными ещё 2 авиаотряда. Первый – Владивостокский крепостной, формировался при Владивостокской крепостной воздухоплавательной роте и базировался в пригороде Владивостока в районе Второй Речки. Вторым – 4-й Сибирский корпусной, формировался при Сибирской воздухоплавательной роте и расположился в селе Спасское (сейчас г. Спасск-Дальний) Приморской области [2, с. 98-100; 8, с. 34-37]. Но до Первой мировой войны они не закончили своё формирование, а с её началом убыли на запад в район боевых действий.

Таким образом, мы видим, что на всём российском пространстве от Урала и до берегов Тихого океана к лету 1918 г. не было мест постоянного базирования военной авиации, структуры снабжения авиации необходимым имуществом и, соответственно, не было на местах специалистов, знакомых с авиационной техникой.

Также на востоке страны не было и ни одного авиационного завода. Как отмечал исследователь авиации белых армий Ю.П. Доронин: «Из 14 авиационных заводов, выпускавших самолёты, в распоряжении белых были три завода – все на территории Вооружённых сил Юга России» [7, с. 9].

Отсутствие авиазаводов и другой авиационной инфраструктуры привело к **первой специфической проблеме для авиации белых на востоке – невозможности пополнять авиацию своей новой техникой или снабжать её запасными частями. Также отсутствие производственных авиационных мощностей вызывало трудности с проведением капитального ремонта авиационной техники**, которая, напомним, в большей своей части была сильно изношена, и иногда просто разваливалась сама, без помощи противника. Командованию белой авиации на Востоке приходилось импровизировать и создавать различные авиационные мастерские. Так, в Красноярской гидроавиационной станции весной 1919 г. своими силами были сделаны 4 комплекта крыльев к имеемым летающим лодкам М-9 [10, с. 452].

В Особом Маньчжурском отряде атамана Г.М. Семёнова для обслуживания авиачастей был сформирован, а скорее всего достался от отступивших колчаковских войск, специальный авиационный поезд-мастерская [9, с. 335-336; 13, с. 179]. Базирование авиамастерской на поезде позволяло оперативно осуществлять ремонт авиатехники в условиях маневренной войны.

Кроме того, отсутствие авиационных заводов в распоряжении белых сил на Востоке не позволяло снабдить строевые авиаотряды необходимым вспомогательным имуществом, важность которого отмечалась выше.

Второй специфической проблемой в области эксплуатации авиационной техники на Востоке была проблема с подготовкой технических специалистов по эксплуатации самолётов: техников, механиков, мотористов, не говоря уже об инженерах. Также как авиачастей и авиазаводов, в восточных регионах страны не было ни одной авиационной школы. А именно в них, наряду с авиационными парками на фронтах, готовили основной контингент младшего технического состава для строевых авиачастей.

Лётный состав авиационных частей, захваченных белыми в момент восстания чехословацкого корпуса и формирования белых вооружённых сил на Урале и в Сибири, в основном офицерский, охотно шёл к ним на службу, а вот с техническим персоналом было

сложнее. Многие механики и мотористы, распропагандированные большевиками, отказывались от службы у белых, дезертировали из захваченных авиачастей, или же заранее уходили с отступавшими красными частями. Тем более, что многие нижние чины этих авиационных отрядов, парков и мастерских, следовали с ними на Восток, только чтобы быстрее и без проблем добраться до своих родных мест, откуда они призывались. Далеко не все они вообще планировали принимать какое-либо участие в начавшейся Гражданской войне. Кстати, похожие проблемы были в авиации красных на Востоке [13, с. 72-73].

Насильно же мобилизованные механики и мотористы не всегда были лояльны своему командованию. Так, например, во время отступления Юго-Западной (Отдельной Оренбургской) армии в апреле 1919 г., при эвакуации 2-го авиаотряда (бывшей Народной армии) в Челябинск, его механики умышленно испортили аэропланы отряда [6, с. 76].

С другой стороны, если мотористы шли на службу добровольно или идейно сочувствовали «Белому делу», то они честно и добросовестно исполняли свои обязанности. Так, лётчик 10-го авиационного отряда Сибирской армии А. Рябов отмечал, что механики в его отряде были не только хороши, но и надёжны [14, с. 126].

Поэтому качественный отбор и хорошая подготовка технического состава для авиации белых имели важное значение.

В августе 1918 г. в Казани белые захватили две авиационные школы: Петроградскую и Гатчинскую. На базе их самолётного парка были созданы 4 авиационных отряда Народной армии, а в оставшейся части пытались наладить подготовку лётного и технического состава [13, с. 34]. Позже на Восточном фронте белые сформировали две авиационные школы: в Кургане (позже эвакуированную в Читу и далее во Владивосток) и с. Спасское (Приморье), в которые были эвакуированы остатки Петроградской и Гатчинской авиашкол [13, с. 145]. В этих школах на специальных курсах и готовили технический состав для авиачастей белых на Востоке. Кроме того, механиков и мотористов готовили в учебных командах при нескольких авиапарках, также сформированных белыми командованиями [7, с. 10]. Так, осенью 1918 г. в Кургане, на базе эвакуированного туда из Самары 6-го авиационного парка ещё царской армии, был сформирован 1-й авиапарк. В нём и ремонтировалась большая часть всех колчаковских аэропланов [13, с. 145].

Из-за нехватки в строевых авиаотрядах технических специалистов, запчастей и специнструмента, неисправные аэропланы часто отправляли для ремонта в авиационные школы. Там для производства этого ремонта привлекали учеников-мотористов. Как справедливо отмечал Ю.П. Доронин: «Это повышало уровень практической подготовки, но отвлекало от учебного процесса» [7, с. 10-11].

Очередной трудностью при подготовке технических кадров для авиации белых на Востоке была острая нехватка учебно-материальной базы: макетов, учебных стендов, и особенно учебной технической литературы. В большинстве своём всё это было растеряно при много численных эвакуациях и перебазированиях, начиная ещё из Петрограда и Гатчины. В этом случае выручило то, что с августа 1918 г. начальником Воздушного флота Народной армии, а затем и начальником Воздушного флота при штабе Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Российского государства стал бывший начальник Гатчинской военной авиационной школы (ВАШ) капитан (в 1919 г. получил звания подполковника и полковника) Дмитрий Александрович Борейко. Он является основоположником научного подхода к организации технической эксплуатации авиационной техники. Работая в ВАШ, он написал несколько книг по сборке и разборке, регулировке и уходу за самолётами Вуазен, Сопвич, Спад-7. А в 1916 г. он опубликовал обобщающий труд по технической эксплуатации аэропланов [5]. Теперь же, возглавив воздушные флоты белых армий на Востоке, Д.А. Борейко добился издания своей книги для обучения по ней лётного и технического состава. [4]. Книга была отпечатана во Владивостоке и авиационные школы с парками получили так нужную им учебную литературу по устройству и технической эксплуатации аэропланов.

Все вышеперечисленные проблемы с эксплуатацией авиационной техники имели свои последствия. Нехватка технического персонала и запчастей в авиаотрядах белых на Востоке не позволяла своевременно ремонтировать неисправные самолёты, что приводило к большому проценту не боеготовой техники, а иногда и к её потерям. Так, при оставлении белыми Казани в сентябре 1918 г. там пришлось бросить 30 неисправных аэропланов различных типов. К концу же казанской операции, в октябре 1918 г., в составе Народной армии боеготовыми были лишь 30% имеемых самолётов (18 из 59) [13, с. 50, 54].

Со временем, в результате принятых мер по подготовке технических кадров, улучшению ремонта авиатехники и снабжения запчастями, ситуация несколько улучшилась. Так, через год, в сентябре 1919 г., в составе колчаковской авиации исправны были уже 62% самолётов (28 из 45) [13, с. 169]. Но всё равно, более трети самолётов в ремонте – это слишком много для периода ведения боевых действий.

В целом же необходимо отметить, что работа авиации белых армий на Восточном фронте Гражданской войны протекала в трудных условиях. Ей были присущи определённые трудности и проблемы, как аналогичные таким же в авиационных формированиях других белых армий, так и специфических, присущих только Восточному фронту. Несмотря на все эти трудности, руководители и личный состав авиационных формирований белых на Востоке смогли создать боеспособные части Воздушного флота, которые, в основном отвечали условиям вооружённой борьбы с противостоящими им частями Красной армии, и они внесли свой, хотя и небольшой, вклад в борьбу за «Белое дело».

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Аверченко С.В. Атаман Семёнов и авиация / Легенды и мифы авиации. Вып. 7: из истории отечественной и мировой авиации: сб. статей / [ред.-сост. Ю.В. Кузьмин]. – М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2015. – С. 33-37.
2. Авиация и воздухоплавание в России в 1907 – 1914 гг. (Сборник документов и материалов). Вып. 6. (1914 г.). – М.: Б. и., 1972. – 142 с.
3. Александров А.О. Победы. Потери... Задачи, подразделения, начальствующий состав, летательные аппараты и вооружение морской авиации и воздухоплавания России, а также список побед и потерь с 1894 по 1920 г. – СПб.: «ИП Комплекс», 2000. – 182 с.
4. Борейко Д.А. Уход за аэропланами и гидроаэропланами. Руководство для военных летчиков, мотористов, хозяев аппаратов и всех авиационных частей по содержанию аэропланов и гидроаэропланов в исправности. С приложением данных для регулировки наиболее употребительных моторов.– Владивосток: Авиационный отдел. Глав. инж. упр., – 1919. – 69 с.
5. Борейко Д.А. Уход за аэропланами и гидроаэропланами. Руководство для военных летчиков, мотористов, хозяев аппаратов и всех авиационных частей по содержанию аэропланов и гидроаэропланов в исправности. С приложением данных для регулировки наиболее употребительных моторов. – Пг.: Ж-л «Воздухоплаватель», 1916 (обл. 1917). – 48 с.
6. Ганин А., Хайрулин М. «Наблюдатель выскочил на крыло...». Авиационные формирования Южного Урала в 1918-1919 годах // Родина. – 2007. – № 9. – С. 74-79.
7. Доронин Ю.П. Авиация белых армий России в годы Гражданской войны и послевоенные годы // Авиация и космонавтика. Вчера, сегодня, завтра.– 2000. – № 3. – С. 9-12.
8. Елисеев С.П. Организационное строительство военной авиации России (1910–1917 гг.). – М.: ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского, 2008. – 184 с.
9. Исповедников Д.Ю. Публикации документов по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917-1923 гг.): источниковедческий и археографический аспекты: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2015. – 374 с.

10. Кузнецов Н.А. Морская авиация и морские летчики в Белом движении на Востоке России (1919) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция, 18-20 мая 2011 г. – СПб., 2011. – Ч. I. – С. 451-472.
11. Столярский С.Э. Краткий исторический очерк развития и организации морской авиации в России с 1911 до начала 1918 года. [– Л.: ВМА РККА им. Ворошилова], 1932. – 18 с.
12. Хайрулин М.А. Военная авиация России: первые шаги // Родина. – 2012. – № 2. – С. 115-119.
13. Хайрулин М.А., Кондратьев В.И. Военлеты погибшей Империи. Авиация в Гражданской войне. – М.: Эксмо, Яуза, 2008. – 432 с.
14. Riaboff A. Gatchina days: Reminiscences of a Russian pilot / Von Hardesty, ed. – Washington: Smithsonian institution press, 1986. – 183 с.

Барабанский Саян Андреевич, магистрант гр. М4119-46.04.01 ИДВР
Департамент истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)
b.f.s@bk.ru

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕЩЕВОГО И ПРОДУКТОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ И БЕЛОЙ АРМИЙ
НА ВОСТОЧНОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В 1918-1920 ГГ.**

УДК 93/94
DOI 10.48344/BSPU.2021.70.28.003

Аннотация. В статье показываються две тыловые службы и их принципы поставок ресурсов на фронт основных сторон конфликта (Белая и Красная армии).

Ключевые слова и фразы: Гражданская война на Востоке России, тыловое снабжение войск, провиант, довольствие военнослужащих, вещевое обеспечение.

Sayan Barabanskiy, magisrtaant (master student) gr. M4119-04.01 History Russian Far East
Department of History and Archaeology, School of Arts and Humanities
Far East Federal University (Vladivostok)
b.f.s@bk.ru

**COMPARATIVE ANALYSIS OF STORAGE AND FOOD SUPPLY OF
THE MILITARY SERVICES OF THE RED AND WHITE ARMY
AT THE EAST THEATER OF WAR IN 1918-1920**

Abstract. The article shows two rear services and their principles of supplying resources to the front of the main parties to the conflict (White and Red Army).

Key words and phrases: Civil war in the East of Russia, logistic supply of troops, provisions, allowances for military personnel, clothing support.

Тема войны является востребованной до сих пор, и связано это не только с событиями, но пересмотром некоторых точек зрения по поводу освещения Гражданской войны со стороны белых армий. Но в России и остальном постсоветском пространстве с 2017 г. начинают отмечаться 100-летние юбилеи революционных событий и Гражданской войны. Не обошло стороной и исследования конфликта в Сибири.

Истоки в принципах обеспечения войск Сибирская армия берёт у Русской Императорской, руководствуясь уставами воинской службы 1912 г., редакцией 1916 г., с поправками военного времени, стараясь соответствовать принятым стандартам царского времени, чтобы военнослужащим было проще адаптироваться к действительной строевой службе. Так, существовал вещевой список имущества, выдаваемый военнослужащему при призыве в действующую армию от августа 1918 г., которая опирается на приказы от 1916 г. [5].

Таким образом, можно увидеть, что Белая армия Колчака базировалась на принципах интендантской службы в войсках, с поправками военного времени, которое позволяло военному управлению закупать хлебную продукцию для нужд вооружённых сил.

За основу обмундирования была взята походная униформа, принятая ещё по итогам военных реформ Николая II, конечно, с поправками на то, что на складах может и не быть вещей из рекомендованного списка. К моменту августа 1918 г. в Сибирской армии повсеместно распространилась система отличительных знаков, разработанная по инициативе командую-

щего Гришина-Алмазова: отказ от погонной системы в пользу нарукавных знаков, разделённые по принципу занимаемой должности без деления на звания, белозелёные знамёна, ленты на кокарды и на рукав [2, с. 38].

При призыве учитывался национальный компонент и первоначально старались комплектовать войска по национальному признаку, об этом свидетельствует телеграмма из Омска в Иркутск, по которой полякам, подлежащим призыву надлежит вступить в польскую национальную армию, формирующиеся при частях союзных чеховоиск. При формировании национальной армии создавались собственные знаки отличия, национальные польские знаки [11].

Согласно списку, Министерством военных дел была выведена таблица рекомендованной стоимости на вещи, при учёте, что расходы, вызываемые призывом и формированием частей войск необходимо проводить в мере действительной надобности из авансов призывников в армию, кои будут ассигновываться Министерством военных и Министерством внутренних дел Государства Российского [15].

По архивным данным, в список вещей на выдачу входили: нательная рубаха - 5 руб. 25 к., исподние брюки - 4 руб. 12 к., портянки холщёвые пара - 1 руб. 50 к., утиральник - 2 руб. 35 к., носовой платок - 50 к., сапоги - 25 руб. 83 к., походная суконная рубаха - 27 руб. 25 к., рубаха гимнастическая - 8 руб., шаровары летние - 6 руб., шинель серошинельного сукна - 28 руб. 75 к., фуражка походная суконная - 8 руб. 75 к., ремень поясной - 1 руб. 98 к., простыня - 4 руб. 50 к., подушная наволочка нижн./верх. - 3 руб. 37 к., одеяло - 13 руб. 25 к., тюфячная наволочка - 7 руб. 25 к. [12]. Разумеется, с поправками на обстановку кризиса и опустошения складов, список вещей мог быть неполным, что фиксировалось в личной книжке военнослужащего и плата за них, в случае необходимости, не изымалась. На практике же, из-за отсутствия военных складов на территории дислокации тыла, из-за полного отсутствия производственных сил по заготовке тёплых вещей, Сибирская армия страдала от дефицита элементарных вещей в обмундировании: вместо шинелей зачастую носили одеяла [3, с.150], или же стёганные телогрейки обр. 1915 г. на вате [13].

Частично дефицит покрывала иностранная помощь (преимущественно, от британцев), что подтверждают архивные данные: так, например, 11 января 1920 г. призванным солдатам и офицерам выдали из Иркутского военного вещевого склада №2: 229 пар ботинок, 243 пары летних обмотков, 257 телогреек на вате, 264 брюк на вате, 217 каракулевых папах обр.1912 г., 213 аршин ткани для портянок, 110 английских мундиров, 110 пар ботинок, 110 пар суконных обмотков, 110 суконных рукавиц и 43 русские шинели [15]. Для офицерского состава была составлена отдельная ведомость, по которой было выдано: 12 поясов английских офицерских (британская портупейная система), 12 подтяжек для брюк, 12 суконных одеял, 12 пар кожаных ботинок, 4 пар суконных обмотков для ног [15].

Продуктовое обеспечение строилось по принципу комплектования из местного производства, рассчитывая на широкую ресурсную базу Сибири, главным компонентом которого считался хлеб. Для заготовки армии хлеба Министерство продовольствия выдавало разрешение объединениям и частным лицам на покупку хлебной продукции, муки и зерна [5]. Далее, купленный товар доставлялся на хранение в сыпные пункты, после чего доставлялся в интендантское управление, где и раздавались по частям.

Исходя из ведомостей о приходе/расходе продуктов, можно предположить, что рацион питания солдата был более чем разнообразен. Так, например, в ведомости от августа месяца 1919 года о приходе и расходе провианта в запасную часть по Иркутску, фигурируют мука 3 сортов, крупы, сахар, чай, соль, мыло, масло сливочное, рыба, кофе, спички, табак, овёс, дрова и сено для скота. Выданная мука шла не напрямую в часть, так как там она могла быть безвозвратно испорчена, а в специализированные артели при воинских частях, где заготавливался хлеб, и уже готовая хлебная продукция шла на стол военнослужащим, так, артельщику было выдано 478 пудов и 13 фунтов муки. В остальном же остальное шло напрямую в часть, и размер круп составил 379 пудов, сахара 126 пудов, чая 10 пудов, соли 120 пудов, мыла 18

пудов, масла сливочного 41 пудов, рыбы 38 пудов, кофе 3 пуда, спичек 16.000 штук, табака 4 пуда, овса 81 пудов, сена 382 пуда и дров с расчётом на месяц [11]. Но существующая дневная норма выглядела следующим образом: хлеба - два фунта, мяса - полфунта, молочной приправы - на 6,5 копеек, крупы - 32 золотника, масла и сахара - по золотников, чаю - ползолотника, мыла - один фунт в месяц [6].

При управлении воинского начальника Иркутской областью был разработан собственный лист продуктового снабжения. Заметно различие между тыловой частью и прифронтовой. Тыл был не обделён белковой, витаминизированной пищей, в то время как в прифронтовой полосе отчётливо наблюдается обилие мясной пищи.

В августе месяце 1919 г., например, при управлении было израсходовано 4 пуда риса, 157 пудов мясной продукции, рыбы 2 пуда, капусты 1 пуд, картофеля 36 пудов, муки I сорта 13 пудов, круп 23 пуда, лука 1 пуд, сала 5 пудов, масла 32 пуда, соли 35 пудов и перца чёрного 7 фунтов, общей суммой в 12560 суточных пайков из оклада 5 рублей 46 копеек [16].

Дела с мясной продукцией в Сибирской армии обстояли тоже на весьма высоком уровне даже к моменту осени 1919 года. Так, например, в 18 октября на фронт было отправлено 652 пуда и 27 фунтов скотского солёного мяса удовлетворительного качества, что заняло 1 вагон, в котором разместилось 83 бочки [15]. Следом был отправлен вагон с копчёностями, в котором было 170 ящиков: бараньи языки общим весом 88 п. 12 ф., мясо скотское 55 п. 19 ф., баранина 65 п. 27 ф., колбаса краковская I сорта 32 п. 05 ф., II сорта 32 п. 05 ф., московская II сорта 321 п. 34 ф., III сорта 31 п. 04 ф., марки М.К. 32 п. 21 ф.76. Касательно подобных поставок ранее, за июнь месяц 1919 г. на прифронтовую зону было отправлено в общей сложности 3421 п. 20 ф. копчёностей и 1232 п. 20 ф. скотской солонины [14].

Имеет место быть передвижение живого скота для нужд армии. Преимущественно из Борзи была отлажена поставка скотины до Иркутской области, с последующей поставкой до места необходимости. Общей сложностью за июль месяц на фронт было отправлено на фронт 515 голов крупного рогатого скота, в то время как в Иркутске были задержаны 100 голов овец, 200 быков и 200 коров [14].

Отдельное место занимал вопрос изготовления и выдачи сливочного масла. Этим вопросом занимались специализированные артели, производящие продукцию по специальным заказам и контрактам с правительством и округами в отдельности. Оклад заведующего районом по заготовке приравнялся к заработной плате обер-офицеров – 450 руб, а оклад конторщицы был размером в 250 руб. [7]. Маслоделательные артели занимались не только производством конечного продукта, но и скупкой сырья у местного населения от имени военных управлений, её транспортировкой, переработкой [7]. В общей сложности, объём заготавливаемого масла варьировался от 554 до 35.000 пудов в месяц, в зависимости от сезона года. Артели по производству масла находились преимущественно на западных территориях Сибири, так, исходя из архивных данных Иркутской области, известно по крайней мере 2 артелей, занимавшихся производством сливочного масла.

Занимая передовую позицию для полноценного питания, сливочное масло, по мере отхода Русской армии к Иркутску, постепенно стало дефицитным продуктом, и приказом от 30 ноября 1919 г. в тыловых, войсковых частях, управлениях дача сливочного масла была заменена топлёным и сырым салом, в то время как в госпиталях и лазаретах отпуск сливочного масла для довольствия больных и раненных продолжался.

Перед заново образуемым военно-снабженческим аппаратом Советской Республики вставали задачи более обширные, нежели у РИА. Помимо распределения ресурсов, в круг непосредственной работы аппарата входили заготовка и переработка различных видов довольствия.

С лета 1918 г. возникает вопрос о создании органа, ведающего снабжением армии и взаимосвязывающего военного ведомства и гражданский орган – комиссариат продовольствия, и, постановлением совнаркома от 14-го сентября 1918 г. была сформирована центральная комиссия по упорядочению дела продовольственного снабжения армии. Основным

принципом этого органа являлась междуведомственность, которая позволяет достигать баланса потребностей армии и доктриной проддиактатуры.

Функции Цекомпродарма сводились к упорядочению дела снабжения, имели характер контролирующей и содействующей. И, пока в Москве строились планы и схемы, на фронтах Цекомпродарм постепенно организовывал фронтовые, армейские продкомы, которые стали рядовыми пунктами, по которым пошло военно-продовольственное дело.

Как видно из ведомостей о выдаче, рекомендованный список вещевого имущества не всегда соответствует полному его экземпляру и мог быть значительно сокращённым в связи с отсутствием некоторых вещей на складе. Особенно такие сокращения характерны для периода кампании лета 1919 - января 1920 гг., когда наиболее остро требовались солдаты на фронте и военную инициативу уже перехватила РККА.

Хаотично, с точки зрения организационной, сформировывались опродкомы один за другим, но они немедленно развёртывали активные действия в обстановке фронтовой работы. Из хаоса в войсковом самоснабжении, армия перешла на рельсы довольствия через органы компродовольствия. Таким путём организовывалась та база снабжения, которая могла обеспечить довольствование РККА.

Ставя во главу угла первоочерёдность снабжения РККА продовольствием преимущественно перед всеми другими слоями потребителей, продполитика при крайней ограниченности ресурсов настоятельно требовала организации планомерного снабжения Красной армии на твёрдом учёте едоков. Основной задачей являлось добывание продовольственных ресурсов для армии в таких размерах, чтобы покончить с самоснабжением войсковых единиц, при чём добывание ресурсов должно было строго сочетаться как с общим продовольственным положением, так и с продполитикой революции.

Основной идеей построения новых форм продснабжения была следующая: заготовкой ведают гражданские продорганы, распределяют военные отделы снабжения. Последние, будучи аппаратом военного типа из кадров бывшего интендантства, были лишены активной роли. В круг их обязанностей входила лишь техническая роль – хранение заготовленного продовольствия и распределение его между воинскими частями.

Разрешение задачи застоя производственных мощностей страны опродком принимал непосредственное участие. Имея в своём составе налаженные производственные отделы, опродкомы принимали в своё ведение целый ряд предприятий, главным образом из отрасли пище-техники. Благодаря работе опродкомов восстанавливались стоявшие предприятия, изыскивалось сырьё: мельницы, крупорушки, салотопленные, консервные и колбасные заводы, мыловаренные, маслособойные предприятия.

Важной задачей, выходящей за пределы основных функций, являлись возложенные на опродкомы хлебных районов наряды на отправку другим армиям и в центр излишков заготовленного продовольствия. Востфронтом осенью 1919 г. было отправлено в центр в адрес 7-й армии около 2.4 млн. пудов продовольствия. Действуя в тесном соединении с армией, опродкомы учитывали и трофеи. Реализация трофеев в армейские части происходила на ходу в условиях непрерывного движения РККА.

По всем фронтам заготовлено военпродорганами следующее количество продуктов за 1919-1920 операционный год:

- хлеб, зерно, фураж: 31.515.146 пудов;
- объёмистый фураж: 19.094.459 пудов;
- жиры, мясо, рыба: 6.017.779 пудов;
- овощи: 3.611.735 пудов.

Усиленное внимание уделяется консервному вопросу, одному из самых важных элементов питания в практике военного довольствия. Весьма показательна и характерна работа опродкомов Востфронта.

Стоявшие пивоваренные заводы используются для пережигания кофе, сушки овощей и засолки капусты, налаживается производство суррогатного кофе. Заново организуется галет-

ное производство, дававшее до 1.000 пудов готового продукта в день. Крупнейшая сибирская фабрика «Факел» по производству спичек, с осени 1919 г. начинает заготовку древесины и фосфора.

Таким образом, питание в РККА сводилось к норме довольствия №615 от 29.07.1918 г. и ежедневный продовольственный паёк выглядел следующим образом:

- хлеб ржаной: 614 г.;
- крупа разная: 102;
- мука подболточная: 17;
- мясо: 205;
- жиры животные: 34;
- сахар: 34;
- чай: 3.2;
- овощи свежие: 256;
- соль: 34;
- перец: 0.7.

По вопросам вещевого обеспечения при формировании частей РККА приказом народного комиссара по военным делам (наркомвоена) от 30 сентября 1918 г. № 929 разрешалось использовать форму одежды бывшей Русской императорской армии без знаков различия — защитные солдатские или офицерские гимнастёрки, шаровары того же цвета, заправленные в сапоги или обмотки с ботинками, солдатские или офицерские походные шинели (обмундирование военного времени, установленное приказами по военному ведомству от 10 марта 1909 года № 100, и от 7 мая 1912 года № 218). Разрешалось ношение униформы произвольных образцов и гражданской одежды. Широкое распространение с 1919 г. получили британские и американские френчи. Командиры, комиссары и политработники часто носили кожаные фуражки и куртки. Кавалеристы иногда носили гусарские брюки (чакчиры) и доломаны, а также уланские куртки.

Приказом наркомвоена от 7 мая 1918 г. № 326 было объявлено положение о конкурсе по установлению формы обмундирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В разработке формы участвовали такие видные художники, как В.М. Васнецов, Б.М. Кустодиев, М.Д. Езучевский. За основу новой формы было взято походное солдатское обмундирование русской армии: шинель, походная рубаша и шаровары защитного цвета, а также фуражка с козырьком (летний головной убор).

При этом 29 июля 1918 г. приказом наркомвоена № 594 были утверждены первые отличительные знаки, указывающие на принадлежность к РККА: нагрудный знак и значок-кокарда на головной убор [4].

Таким образом, можно увидеть в особенностях обеспечения Белой армии на Востоке России практически катастрофическое положение в выдаче вещевого имущества, которое мало компенсировалось с помощью иностранной помощи, и более менее постоянное и богатое снабжение продуктовое, выраженное в богатстве как мясного рациона, так и рациона, состоящего из круп и овощей. Не отличалось положение и у РККА, в которой тоже были свои исторически сложившиеся проблемы, например, на начальный период войны отсутствие сырьевой базы Урала, который сумели отбить только к лету 1919 г., быстрое развёртывание новых органов, регулирующих поставки на фронт, и т.п. По существу, оба военных формирования снабжались органами, которые были связаны с гражданскими службами заготовки сырья, хоть и отличались по политическому характеру работы, но в формированиях было много схожего, что добавляет исторического интереса.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Волков С.В. Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2011. – №1 (38). – С.111-117
2. Гине Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории. 1918-1920 гг. – Харбин: Общество возрождения России: Тип.-лит. Русской духовной миссии, 1921. – 316 с.
3. Гражданская война, 1918-1921 [Текст] : в трех томах / под общ ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р. П. Эйдемана. – М.: Военный вестник, 1928-1930. - 27 см. Т. 2: Военное искусство Красной армии [Текст]. - 1928. - 418, [2] с. : ил., табл., факс.
4. Восточный фронт адмирала Колчака / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. – М.: Центрполиграф, 2004. – 651 с.
5. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году / Отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: НГУ, 2010. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lib.sale/istoriya-rossii/materialno-tehnicheskoe-obespechenie-64660.html>
6. Государственное Казённое Учреждение Государственный Архив Иркутской области (далее, ГКУ ГАИО). Ф. 354. Оп.2. Д.29. Л.14.
7. ГКУ ГАИО. Ф.454. Оп. 2. Д.26. ЛЛ.6-52.
8. ГКУ ГАИО. Ф.457. Оп. 1. Д.30. Л.15.
9. ГКУ ГАИО. Ф.457. Оп. 1. Д.31. Л.4.
10. ГКУ ГАИО. Ф.457. Оп. 1. Д.30. Л.14.
11. ГКУ ГАИО. Ф.457. Оп. 1. Д.30. Л.17.
12. ГКУ ГАИО. Ф.558. Оп. 1 доп. Д.2. Л.58.
13. ГКУ ГАИО. Ф.558. Оп. 1 доп. Д.11. ЛЛ.95-96.
14. ГКУ ГАИО. Ф.558. Оп. 1. Д.18. ЛЛ.5-9.
15. ГКУ ГАИО. Ф.558. Оп. 1. Д.18. ЛЛ.94-95 об.
16. ГКУ ГАИО. Ф.558. Оп. 1 доп. Д.25. ЛЛ.58-59.
17. ГКУ ГАИО. Ф.558. Оп. 1 доп. Д.25. Л.61.

Белевщук Галина Павловна, аспирант
Департамент истории и археологии
Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)
belevschuk_gp@dyfu.ru

РАБОЧИЙ ВОПРОС В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

УДК 94(571.6)
DOI 10.48344/BSPU.2021.58.12.004

Аннотация. В статье анализируется Конституция Дальневосточной республики, в которой зафиксированы положения, регламентирующие жизнь трудового населения. Конституция ДВР была принята Учредительным собранием 27 апреля 1921 г. Для подготовки предложений о труде, которые должны были быть внесены в основной закон республики в марте 1921 г., была создана подкомиссия, в состав которой вошли представители разных партий в числе 12 человек. Ее председателем был избран будущий министр труда Д.А. Носок-Турский. Данная подкомиссия провела 6 заседаний, на которых были разработаны 13 пунктов, где были зафиксированы все значимые пункты для рабочих: продолжительность рабочего дня, отпуск, социальное страхование, минимальный размер заработной платы.

Ключевые слова и фразы: рабочий вопрос, ДВР, Конституция ДВР.

Galina Belevshchuk, graduate student
Department of History and Archeology
Far Eastern Federal University (Vladivostok)
belevschuk_gp@dyfu.ru

THE WORKERS ' QUESTION IN THE FAR EASTERN REPUBLIC

Abstract. The article analyzes the section of the Constitution of the Far Eastern Republic that regulates the life of workers. The Constitution was adopted by the Constituent Assembly on April 27, 1921. In March 1921, a sub-commission was established to prepare labor proposals. it consists of representatives of different parties, including 12 people. D. A. Nosok-Tursky was elected chairman. The Sub-Commission held 6 meetings, at which 13 items were developed. They recorded all the important points for workers: the length of the working day, vacation, social insurance, and the minimum wage.

Key words and phases: working question, Far Eastern Republic, Constitution of the Far Eastern Republic.

Гражданская война на Дальнем Востоке России, более продолжительная, чем в центральной части страны, имела ряд особенностей. Одной из них было создание на заключительном ее этапе для предотвращения прямого военного столкновения с Японией буферного государства – Дальневосточной республики.

Республика была создана на Съезде трудящихся в г. Верхнеудинске (ныне г. Улан-Удэ) 6 апреля 1920 г. А через год, 27 апреля 1921 г. Учредительное собрание ДВР первого созыва приняло Конституцию Дальневосточной республики. При ее разработке использовался обширный политико-правовой материал: Конституция РСФСР 1918 г., тексты отдельных зарубежных конституций (в частности, Конституции США 1787 г.), а также законы ДВР, её

политические декларации, проект Временной Конституции ДВР (1920 г.), конституционные акты Временного Народного собрания Дальнего Востока [5, с. 81].

Как замечают В.А. Иващенко и Н.Н. Усольцева, основным закон ДВР фиксировал общественный договор между личностью и государством, в котором предусматривалось создание смешанной экономики, гражданского общества, многопартийность, разделение властей, праваи свободы граждан, верховенство закона. Конституция провозглашала широкие гражданские и личные права, причем раздел «О гражданах и их правах» предварял раздел «О властях». Отменялись сословное деление граждан, устанавливалось их равенствоперед законом, гарантировалась свобода слова, печати, совести, выражения собственного мнения, создания союзов и обществ, не преследующихцелей, наказуемых уголовными законами республики [3, с.42].

Конституция ДВР состояла из десяти разделов. В разделе V «Основы народнохозяйственного строя» имелся отдел II, посвященный труду, который отражал основы государственной политики в рабочем вопросе

Историография процесса принятия Конституции ДВР и ее содержания обширна. Хорошо изучено политико-правовое устройство республики, нашедшее отражение в трудах В.В. Сонина [7, 8, 9]. И.В. Стариковымдана характеристика процесса разработки Конституции ДВР и проанализированы ее разделы [10]. О.В. Залесская, рассматривая национальную политику ДВР, отмечала ее отразившиеся в Конституции демократические начала.

Однако рабочий вопрос в ДВР практически не изучен исследователями. Поэтому целью данной статьи является рассмотреть основы рабочего вопроса, закрепленные в Конституции Дальневосточной республики.

Для разработки основных положений о регулировании трудовых отношений, которые должны были войти в общий закон о Конституции ДВР, в марте 1921 г. была создана подкомиссия, в которую вошли представители разных партий. Подкомиссия состояла из 12 человек: 4 представителя от фракции крестьянского большинства (Кожевников, Востиков, Ткачев, Лепихов, Локтев); четверо от фракции коммунистов (Носок-Турский, Кнопинский, Дубровский, Ионов); по одному представителю от фракции крестьянского меньшинства (Молько), социал-революционеров (Беловицкий), социал-демократов (Воронцов) [6, л. 2].

Первое заседание подкомиссии состоялось 16 марта 1921 г. Оно носило организационный характер. На заседании председателем был избран Д.А. Носок-Турский (будущий министр труда ДВР) [6, л. 3]. Второе заседание состоялось уже 18 марта 1921 г., на нем былработан первый пункт основного положения о труде. Он выглядел так: «Ставя себе целью организацию народного хозяйства и равномерного распределения тягот по его восстановлению ДВР признает труд обязанностью всех граждан республики». За данную формулировку проголосовали 7 членов подкомиссии, 2 против и 1 воздержался [6, л. 5]. Также на заседании были рассмотрены и приняты в работу Положения о наемном труде, принятые Президиумом Дальневосточного совета профессиональных союзов (ДВСПС) 20 марта 1921 г., для внесения в Конституцию ДВР. В документе отмечалась важность рабочей силы, потому что, во-первых, она составляет основу народного хозяйства и национального богатства, и, во-вторых, жизнь и здоровье трудящихся находится в тесной зависимости от условий труда и общего благосостояния. Поэтому важно, чтобы в будущей Конституции рабочему классу были гарантированы: 8-часовой рабочий день как максимальное рабочее время и 42-часовой непрерывный еженедельный отдых; минимум реальной заработной платы, устанавливаемый законодательным путем по представлению центрального органа профсоюзов; социальное страхование на все случаи социального риска всех без исключения лиц, работающих по найму как в государственных, так в общественных и частных предприятиях и учреждениях, при полном самоуправлении страхуемых, о возложении взносов исключительно на нанимателей, без всяких вычетов из заработка страхуемых. В области охраны труда предлагалосьзапретить наемный труд детей и подростков до 16-летнего возраста; ночной труд и трудна особо вред-

ных производствах всем лицам женского пола, а также лицам мужского пола, не достигшим 18-летнего возраста; установить для всех рабочих и служащих, проработавших непрерывно не менее года, минимальный месячный отпуск с сохранением содержания. Предполагалось издать правила безопасности работ и санитарно-гигиенического содержания предприятий; охрана труда лиц, занятых по найму, возлагалась на инспекцию труда, избираемую профсоюзами [6, л. 6].

Проанализировав эти положения, можно сделать несколько выводов. Во-первых, власть осознавала значимую роль рабочих в государстве, отсюда следовала и особая заинтересованность в решении рабочего вопроса. Во-вторых, государство регулировало основные составляющие трудовой деятельности: рабочее время, заработную плату, отпуск, социальное страхование. В-третьих, власть признавала роль профессиональных союзов, которые принимали активное участие в разработке нормативных актов, регламентирующих жизнь рабочих.

Дальнейшие четыре заседания подкомиссии из шести проходили с 23 марта по 14 апреля 1921 г. На них разрабатывались основные положения, которые должны были войти в Конституцию ДВР.

Всего было разработано 13 пунктов положения. В первую очередь, провозглашалась всеобщая трудовая повинность: «Ставя себе целью организацию Народного хозяйства и равномерное распределение тягот по его восстановлению, ДВР признает труд обязанностью для всех граждан республики» [6, л. 14]. Впервые всеобщая трудовая повинность была введена в принятой ВЦИК 3 января 1918 г. Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, В отличие от декларации, в которой всеобщая трудовая повинность рассматривалась как средство уничтожения «паразитических слоев общества и организации хозяйства» [1], трудовая повинность в ДВР была введена в первую очередь, в целях восстановления народного хозяйства

Все предложения подкомиссии совпадали с Положениями, принятыми Президиумом ДВСПС и их можно условно разделить на несколько групп.

Первая группа регламентировала продолжительность рабочего дня и возрастные ограничения работников. Так, фиксировалось, что продолжительность рабочего времени для каждого трудящегося не может превышать восьми дневных или семи ночных часов, с предоставлением 42-часового рабочего еженедельного отдыха. Для лиц, не достигших 18-летнего возраста и занятых особо тяжким неблагоприятным для здоровья трудом, рабочий день должен был быть равен 6 часам [6, л. 7]. Труд детей младше 14-летнего возраста запрещался [6, л. 7 об.].

Далее в пунктах 4-6 положения регламентировался порядок сверхурочной работы. Как правило, она не допускалась и могла применяться лишь в исключительных случаях только с согласия профессиональных союзов и местных Отделов труда. Кработе в сверхурочное время и ночное время на производствах особо тяжелых или опасных для здоровья не допускались все лица мужского пола не достигшие 18 лет, а также все лица женского пола. Важная оговорка имелась в пункте 5, где речь шла о сельскохозяйственных работах. Было решено, вследствие особенностей этого труда, разрешить применение сверхурочных работ [6, л. 7].

Отдельно можно выделить положения, в которых шла речь об отпусках. В первую очередь, был зафиксирован отпуск для беременных женщин. Женщины, занятые физическим трудом, освобождались от работы на период 8 недель до родов и 8 недель после, а незанятые – на 6 недель, соответственно [6, л. 7 об.]. Для всех категорий рабочих устанавливался отпуск в зависимости от стажа их работы. Проработавшим не менее года предоставлялся месячный отпуск, проработавшим не менее полугодия – двухнедельный с сохранением заработной платы [6, л. 7 об.].

Также в положениях была гарантирована реальная минимальная заработная плата, обеспечивающая прожиточный минимум, устанавливаемый законодательным порядком по представлениям трудящихся в лице их центральных профсоюзов [6, л. 7 об.].

Были зафиксированы положения, регламентирующие охрану жизни и здоровья трудящихся, которая признавалась одной из задач государства. Охрана труда и страхование жизни должны осуществляться при широком участии самих рабочих через Инспекцию охраны труда, избираемую профсоюзами. Было решено, что на все случаи социального риска для всех без исключения лиц, работающих по найму устанавливается социальное страхование с возложением взносов на работодателей [6, л. 7 об.].

Таким образом, подкомиссия в своих предложениях отразила все самые значимые положения, определяющие профессиональную деятельность занятых в народном хозяйстве работников.

В апреле 1921 г. все положения о труде были сформулированы и отправлены в Президиум по выработке основного закона Учредительного собрания [6, л. 15]. Вместе с этим, подкомиссия сообщала, что хотя она не будет участвовать в законотворческой деятельности, но свою работу и не приостанавливает до принятия Раздела Конституции о труде на случай необходимости ответить на возникающие в процессе принятия Конституции вопросы. 27 апреля 1921 г., в день принятия Конституции, подкомиссия о труде оповестила об окончании своей работы [6, л. 17].

В Конституцию вошли все предложенные подкомиссией положения с некоторыми поправками. Так, был расширено положение, регламентирующий сверхурочные работы в сельскохозяйственных работах. В ст. 137 отмечалось, что оценка продуктов труда крестьянина, обрабатывающего землю личным трудом, устанавливается законодательным порядком по представлению союзов трудового крестьянства из расчета 8-часового рабочего дня. Снижен был возрастной порог для запрета детского труда - в ст. 140 запрещался труд детей до 16-летнего возраста [4].

Подводя итог, можно сделать вывод, что включение в Основной закон республики отдела, посвященного труду, говорит о важности для власти решения рабочего вопроса. В Конституции были зафиксированы наиболее значимые положения, регламентирующие трудовую деятельность.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/declarat.htm> (Дата обращения: 12.03.2021).
2. Залеская О.В. Концепция культурно-национальной автономии в Дальневосточной республике // Россия и АТР. – 2009. – №3 (65). – С. 132-141.
3. Иващенко В.А., Усольцева Н.Н. Дальневосточная республика в 1920-1922 гг. // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. – 2017. – № 1. – С. 42-46.
4. Конституция Дальневосточной республики (1921) [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/49244#mode/inspect/page/1/zoom/4> (Дата обращения: 12.03.2021).
5. Орнацкая Т.А. Особенности правовой системы Дальневосточной республики (1920-1921 гг.) // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. – 2014. – № 1. – С. 81-86.
6. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. Р-4676. Оп. 1. Д. 80.
7. Сонин В.В. Высшие органы государственной власти Дальневосточной республики (по Конституции 1921 года) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 5 (25). – С. 88-93.
8. Сонин В.В. Государство и право Дальневосточной республики (1920-1922 гг.). – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 294 с.

9. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики 1920-1922 гг. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. – 347 с.
10. Стариков И.В. Исторический опыт конституционного строительства непризнанного государства (на примере Конституции ДВР 1921 г.) // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 18-30.

Бесчастнов Николай Николаевич, научный сотрудник
АРОО «Молодежное реконструкторское движение» (Астрахань)
n.beschastnov8512@yandex.ru

ВИЛЬЯМ ГРЭВС О МЯТЕЖЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА

УДК 93/94
DOI 10.48344/BSPU.2021.23.46.005

Аннотация. В статье рассматривается вопрос мятежа Чехословацкого корпуса с позиций командующего войсками США на Российском Дальнем Востоке Вильяма Грэвса и полковника Георга Эмерсона. Согласно их данным, вопрос о разоружении Чехословацкого корпуса был лишь предлогом в его противостоянии с Советской властью. Чехословакам был разрешён беспрепятственный проезд во Владивосток. Это не остановило мятеж. Спустя несколько дней началась уже неприкрытая оккупация Чехословацким корпусом территорий Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова и фразы: интервенция, Гражданская война, Чехословацкий корпус, мятеж, Грэвс.

Nikolay Beschastnov, Research Associate
АРОО «Youth Reenactment Movement» (Astrakhan)
n.beschastnov8512@yandex.ru

WILLIAM GRAVES ON THE MUTINY OF THE CZECHOSLOVAK CORPS

Abstract. Abstract: The article deals with the issue of the Czechoslovak Corps mutiny from the positions of the commander of the US forces in the Russian Far East, William Graves and Colonel Georg Emerson. According to their data, the question of disarming the Czechoslovak Corps was only a pretext in its confrontation with the Soviet government. Czechoslovaks were allowed unimpeded passage to Vladivostok. This did not stop the mutiny. A few days later, the undisguised occupation of the territories of Siberia and the Far East by the Czechoslovak Corps began.

Key words and phases: Intervention, Civil War, Czechoslovak Corps, mutiny, Graves.

Восстание Чехословацкого корпуса многими специалистами считается отправной точкой Гражданской войны в России. Данная проблема подробно рассмотрена в ряде диссертационных исследований [3, 7, 10] и нескольких монографиях [5, 9].

Разбросанные по России эшелоны легиона порой являлись единственной организованной вооружённой силой в том или ином месте. Благодаря этому чехословаки в короткий срок взяли под свой контроль обширные пространства от Поволжья до Дальнего Востока. На территориях, освобождённых от Советской власти, создавались белые правительства различных мастей.

На момент начала мятежа в Приморье численность легионеров составляла около 8 000 человек. Восстание корпуса здесь началось позже, чем в Поволжье и Сибири, но привело к тому же итогу: регион был взят под контроль. В августе на помощь чехословакам начали прибывать войска из других стран, главным образом, из Японии и США. Завершилось полномасштабное разворачивание Гражданской войны и интервенции в России.

Приходится признать, что оценка причин мятежа Чехословацкого корпуса во многом зависит от политических пристрастий того или иного исследователя. Существует две концепции. Согласно одной из них, мятеж белочехов – результат происков империалистических

сил [6]. Согласно второй, мятеж легионеров – результат цепочки случайностей, вызванных недальновидностью советских властей [1, 2, 8].

В последние годы в преддверии столетних юбилеев революции 1917 года и начала Гражданской войны издано значительное количество источников, посвящённых данной тематике. В особенности стоит отметить двухтомник «Чешко-словацкий (Чехословацкий) корпус 1914-1920. Документы и материалы» [11, 12]. В то же время, сохраняют свою актуальность и источники, опубликованные около ста лет назад по горячим следам. В первую очередь, к ним относится книга Вильяма Грэвса «Американская авантюра в Сибири» [14]. Он являлся командующим экспедиционными силами США в Сибири и на Дальнем Востоке.

За время своей службы здесь Грэвс собрал обширные материалы по различным вопросам, которые и изложил в книге. Не будет преувеличением сказать, что «Американская авантюра в Сибири» стала основой историографии США об участии экспедиционных сил США в интервенции на востоке России. В нашей стране книга Вильяма Грэвса используется в основном для иллюстрации зверств белых властей и японцев в Сибири и на Дальнем Востоке. Войска США в повествовании генерала представлены максимально нейтрально. Это нашло своё отражение в критической статье И.И. Минца, размещённой в предисловии к книге [4, с. 5-40].

Автор «Американской авантюры в Сибири» хочет показать себя честным генералом. Лейтмотив книги – войска США не вмешивались во внутренние дела России, так как действовали согласно меморандуму президента Вудро Вильсона [13, с. 287-290]. И. Минц в своей статье подверг данный тезис разгромной критике [4, с. 6-9].

В то же время стоит учесть время публикации книги Вильяма Грэвса – 1931 год. Это период потепления взаимоотношений между США и СССР. Спустя год страны установят дипломатические отношения.

В 1932 году происходит издание внешнеполитической переписки Госдепартамента США, относящейся к истории Гражданской войны и Интервенции в России [13]. Документы проникнуты идеей о миролюбивой политике американского правительства и его стремлении предотвратить эскалацию конфликта.

Восстанию Чехословацкого корпуса Вильям Грэвс посвящает вторую главу своей книги. В ней он анализирует ситуацию, сложившуюся вокруг легионеров 17 июля 1918 года. При описании событий генерал ссылается на полковника Георга Эмерсона, первого помощника при Железнодорожной комиссии. С ним он общался уже после своего прибытия во Владивосток.

Полковник Эмерсон принимал непосредственное участие в событиях, связанных с мятежом Чехословацкого корпуса. По собственной инициативе он принимал активные попытки по купированию конфликта, выступал в роли посредника между руководителями восставших и советскими властями [14, с. 40-51].

Из рассказа полковника Эмерсона генералу Грэвсу выстраивается своеобразная эволюция позиции представителей Советов касательно вопроса сохранения вооружения за легионерами.

Во время событий в Мариинске руководство красноармейского отряда требует полного разоружения чехословаков, их немедленной погрузки в эшелоны и отправки во Владивосток, где всё вооружение им будет возвращено. При этом отмечается, что представители Советской власти настаивают на создании двухсторонней комиссии по расследованию конфликта. Одно из условий – невмешательство Чехословацкого корпуса во внутренние дела России [14, с. 41].

На втором этапе, после вмешательства американского и французского консулов, представители Советов разрешают движение чехословаков при наличии 30 винтовок на эшелон. На этих условиях во Владивосток отправляют три эшелона [14, с. 43-44].

На третьем этапе представители Советов разрешили чехословакам оставить за собой всё вооружение. Главное условие – двигаться во Владивосток. Договорённость об этом была достигнута 4 июня [14, с. 47].

Об этом полковник Эмерсон сообщил генеральному консулу Гаррису: «Теперь движемся на Запад с представителями Советов и Чехов для обеспечения окончательного урегулирования. Советы разрешают чехам проезд полностью вооружёнными» [14, с. 47].

Учитывая то, что вопрос о сохранении вооружения был краеугольным камнем в конфликте между легионерами и Советами, дальнейшее продолжение борьбы было делом бессмысленным. Цель руководства Чехословацкого корпуса была достигнута. Несмотря на это свержение власти Советов легионерами продолжилось.

Вильям Грэвс, основываясь на рассказе Эмерсона, даёт множество интересных заметок касательно позиции руководителей корпуса. К примеру, 29 мая полковник встречается с представителем чехословаков капитаном Кедлетом и передаёт ему требования советских властей о разоружении. Тот отказывается. Полковник пытается прояснить причину отказа и спрашивает, были ли какие-либо ущемления со стороны Советов по отношению к легионерам. Кедлет отвечает, что «... они не испытывали дурного обращения, с тех пор, как покинули южную Россию, находящуюся под непосредственным влиянием Германии, но они опасаются быть захваченными из-за германского влияния» [14, с. 42].

Стоит учесть, что в течение марта-апреля 1918 года активно распространялось мнение, что Советское руководство по соглашению с германским командованием активно вооружает немецких военнопленных. Для прояснения ситуации была направлена специальная комиссия Красного Креста. Она обследовала места содержания немцев. Никаких доказательств активности военнопленных найдено не было. Несмотря на это вопрос продолжал муссироваться среди представителей союзников. С американской стороны его активно продвигал консул Мак-Говэн. Предлогом для интервенции вопрос о военнопленных не стал, зато сыграл свою роль для накручивания напряжённости между солдатами Чехословацкого корпуса и Советами.

Несмотря на это, позиция Кедлета явно показалась Эмерсону странной. Он продолжил расспросы. Капитан «сдался» и сообщил, что действует по инструкции, полученной из Пензы, а разговаривать полковнику нужно не с ним, а с генералом Гайдой. Перед поездкой к нему Эмерсон решил сообщить об этом командиру красноармейского отряда, находившегося под Мариинском. Услышав слова полковника, тот сказал: «Франция с помощью согласованных действий захватила Сибирь в течение 24 часов» [14, с. 43].

Важное значение в повествовании Вильяма Грэвса уделяется рассказу Эмерсона о взаимодействии между восставшими чехословаками и недавно сформированными властями белых. На одном из совещаний полковник Эмерсон, ссылаясь на возможное разрушение железнодорожной инфраструктуры, указал генералу Гайде, что военный путь не приведёт их во Владивосток. На это лидер Чехословацкого корпуса заявил, что после прихода новой власти и ликвидации Советов «не будет проблемы с разрушением мостов и тоннелей» [14, с. 45].

Уже упомянутый капитан Кедлет указывал на то, что возможность продолжить движение во Владивосток появится только прихода новой власти [14, с. 45]. На попытку Эмерсона возразить, что проехать можно и при власти Советов, Гайда ответил, что в течение дней в Иркутске может сформироваться другая власть [14, с. 46]. Также он заметил, что во всех пунктах, захваченных чехословаками, уже сформирована новая власть. Оружие, оставшееся от эшелонов, ушедших во Владивосток, было оставлено специально, чтобы эту новую власть вооружить [14, с. 46].

До ухода легионеров на занятых ими территориях командование Чехословацкого корпуса отказалось восстанавливать власть Советов [14, с. 47]. Зато там активно формировалась «новая власть», основой военной силы которой и были чехословаки.

При описании событий мятежа Чехословацкого корпуса звучит важный вопрос – почему Франция не переправляет легионеров на Западный фронт. Вильям Грэвс разбирает его

отдельно. Ответ о том, что нет транспортных средств, американского генерала не устраивает. По его мнению, основная причина состояла в том, что у союзного командования попросту не было планов по переброске Чехословацкого корпуса на Западный фронт [14, с. 44-45]. Вильям Грэвс не развивает эту мысль дальше, но отмечает, что пребывание легионеров в России приводило к взаимной напряжённости между ними и Советской властью.

Вильям Грэвс резюмирует, называя чехословаков стороной нападающей. Он указывает, что главной целью Советов было избавиться от них путём препровождения во Владивосток. Для этого они шли им навстречу по многим вопросам [14, с. 52].

Таким образом, из слов полковника Георга Эмерсона в изложении Вильяма Грэвса следует, что вопрос о разоружении Чехословацкого корпуса был лишь предлогом в его противостоянии с Советской властью. Чехословакам разрешили беспрепятственный проезд во Владивосток. Это не остановило мятеж. Спустя несколько дней началась уже неприкрытая оккупация Чехословацким корпусом территорий Сибири и Дальнего Востока.

Территории, занятые легионерами стали своеобразным «инкубатором», в котором происходило становление организационных структур белых. Их правительства не могли позволить себе полноценные армии, вследствие чего их главной ударной силой стали солдаты Чехословацкого корпуса.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Васильченко М.А. Повседневность солдат Чехословацкого корпуса в марте-мае 1918 г. как фактор антибольшевистского мятежа // Клио. – 2013. – № 1 (73). – С. 93-95.
2. Васильченко М.А. Советская власть и ЧСНС накануне мятежа Чехословацкого корпуса Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: «История. Международные отношения». – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 27-30.
3. Васильченко М.А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2014.
4. Грэвс, Вильям. Американская авантюра в Сибири [Текст] : (1918-1920) / Грэвс; пер. с англ. А.Ф. Сперанского и С.С. Соколова; с вступ. ст. И.И. Минца. – М.: Гос. воен. изд., 1932. – XIVII. – 247 с.
5. Захаров А.М. Двоюродные братья: Славянские добровольческие вооруженные формирования в России / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство: РГПУ им. А.И. Герцена, Серия: Исследования. История России. – 496 с.,
6. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России: 1914-1921 гг. М.: Наука, 1965. 394 с
7. Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004.
8. Рыбков А.Г. «Зарубежная акция» Т.Г. Масарика и Чехословацкий корпус в России в 1918 году (на материалах Поволжья) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2016. – № 1 (60). – С. 53-57.
9. Рыбков А.Г. Чехословацкий корпус в Поволжье: 1918 год. Исторические очерки / под ред. Н. С. Яшина. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. – 220 с
10. Салдугеев Д.В. Чехословацкий корпус и небольшевистские правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы взаимоотношений (1918-1920 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук. – Челябинск, 2006.
11. Чешко-словацкий (Чехословацкий) корпус 1914-1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешко-словацкие воинские формирования в России. 1914-1917 гг. – М., 2013. – 1013 с.

12. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. – М.: Кучковополе, 2018. –1024 с.
13. Foreign relations of the United States. Russia II 1918. Washington: «United States Government Printing Office», 1932.
14. America's Siberian Adventure by General William S. Graves (Major General, United States Army. Retired.). Peter Smith Publishers. – New-York, 1941.

Вацулик Ярослав, канд. ист. наук, PhDr, профессор
Исторический факультет Педагогического факультета
Университет Масарика (Брно, Чешская республика)
vaculik@ped.muni.cz

Васильченко Максим Анатольевич, канд. ист. наук, доцент
Кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин
Университет «Синергия» (Москва)
maks-vasilchenko@mail.ru

РЕПАТРИАЦИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНЕРОВ ИЗ РОССИИ В 1919-1920 ГГ.

УДК 94(470)“1919”
DOI 10.48344/BSPU.2021.41.19.006

Аннотация. В статье рассматривается процесс репатриации солдат и офицеров Чехословацкого корпуса с территории Дальнего Востока на завершающем этапе Гражданской войны в России. На основе изучения архивных материалов, хранящихся в Центральном военном архиве-Военно-историческом архиве в Праге, авторы исследовали ход репатриации чехословацких легионов из России в Чехословакию в 1919-1920 годах. В рамках этой передачи почти 68 000 человек и почти две тысячи вагонов с различными материалами вернулись на родину.

Ключевые слова и фразы: репатриация, Чехословацкий легион в России, 1919-1920 гг., Гражданская война на Дальнем Востоке.

Yaroslav Vatsulik, Cand. Sc. in History, PhDr
Professor, Faculty of History, Faculty of Pedagogy
Masaryk University (Brno, Czech Republic)
vaculik@ped.muni.cz

Maxim Vasilchenko, Cand. Sc. in History
Associate Professor the Department of Fundamental Legal and Social and Humanitarian Disciplines
Synergy University (Moscow)
maks-vasilchenko@mail.ru,

REPATRIATION OF CZECHOSLOVAK LEGIONNAIRES FROM RUSSIA IN 1919-1920

Abstract. The article examines the process of repatriation of soldiers and officers of the Czechoslovak Corps from the territory of the Far East at the final stage of the Russian Civil War. Based on the study of archive materials deposited in the Military Central Archive-Military Historical Archives in Prague, the author drew the course of repatriation of Czechoslovak legions from Russia to Czechoslovakia in 1919–1920. As part of this transfer, nearly 68,000 people and almost two thousand wagons with different materials returned to their homeland.

Key words and phases: repatriation, Czechoslovak legion in Russia, 1919-1920, Civil War in the Far East.

Настоящая работа основана на архивных материалах, хранящихся в центральном военном архиве-военно-историческом архиве в Праге (далее – ВНА), в фонде президиум Министерства национальной обороны ЧСР (МНО) 1918-1923 гг., прослеживающих роль чехосло-

вацкой военной администрации в процессе репатриации чехословацких легионеров. Ряд документов чешского и русского происхождения недавно был опубликован во втором томе сборника документов, подготовленном архивистами и историками обеих стран [1].

30 ноября 1920 года чехословацкое правительство установило день официального возвращения русских легионеров, но фактически последние части Сибирской армии вернулись 17 ноября 1920 года [2]. Первые части чехословацкой армии прибыли из Франции на родину 22 ноября 1918 года в составе 8 722 человек. 13 декабря 1918 года началась переброска чехословацких воинских частей из Италии в количестве 34 000 человек [3].

Первый импульс к эвакуации легионеров из России дал военный министр генерал Милан Растислав Штефанек 5 января 1919 года, когда он отдал приказ о перевозке инвалидов, раненых, больных, а также стариков и женщин-солдат. Послание чехословацкого правительства было передано делегацией во главе с депутатом Франтишекком Вацлавом Крейчи. Он же 12 августа 1919 года привез в Сибирь приказ правительства об эвакуации всей армии.

Полномочный представитель правительства доктор Вацлав Гирса и командующий чехословацкой армией в Сибири генерал Ян Сыровы разработали подробную программу переброски, которая началась осуществляться осенью 1919 года и была одновременно направлена в Триест и Германию. В рамках этой передачи из Сибири вернулось 67 730 человек, а также 1641 вагон багажа и товаров. Этому шагу предшествовали переговоры с союзниками (США, Великобританией, Францией, Японией) о предоставлении кораблей в аренду организации самопомощи чехословацкой армии в России, так называемой Центрокомиссии, и заключение договоров с союзными правительствами об аренде, прежде всего американских и английских кораблей. Из общего числа эвакуированных 83% составляли солдаты, 13% - бывшие заключенные и колонисты и 3% - иностранцы. Транспорты плавали в основном вокруг Индии, некоторые через Панамский канал, другие перевозились через США и Канаду. Конечным портом был в основном Триест, некоторые корабли ходили в Гамбург, Марсель или Неаполь [4].

Начальник транспортного департамента Министерства иностранных дел ЧСР (МИД), подполковник Зденек Фирлингер в октябре 1919 года объяснил МНО опасения Великобритании и Франции, что внезапный уход легионеров из России не повредит положению адмирала А.В. Колчака в Сибири. Оба правительства выступали за постепенный выход и пытались замедлить темпы эвакуации. С другой стороны, США проявили живой интерес к проведению репатриации и были готовы сделать это как можно скорее. Для этого они выделили кредит в размере 12 миллионов долларов США. Верховный Совет Антанты на своих заседаниях в сентябре и октябре 1919 года постановил, что репатриация войск должна осуществляться до репатриации пленных. На самом деле эвакуация затянулась, потому что с апреля по середину июля 1919 года союзники не прислали ни одного корабля. Полномочный представитель правительства ЧСР Богдан Павлу направил в Лондон комиссию с заданием нанять 3-4 парохода, пригодных для перевозки по "тайм-чартеру". Офицер по репатриации майор МНО Хоуска рекомендовал командованию сибирских войск нанять 2-3 корабля, при этом необходимые авансы могли быть выплачены из репатриационного фонда бюджета МНО на 1919 год. Г-н Хоуска задал вопрос: "Когда же наступит время, когда не нужно будет принимать во внимание общее положение в Сибири и меры, необходимые для обеспечения безопасности Сибирской железной дороги, когда союзники не захотят позаботиться об отправке войск?" [5]. Он предупредил, что "наши люди не вернутся домой через год", и раскритиковал МИД за то, что "он полностью верит оптимистическим сообщениям из Иркутска о настроениях в армии, и считает, что терпение солдат можно затянуть по максимуму". Он спросил, "удовлетворена ли наша общественность медленными темпами движения транспорта"?

Общественность была встревожена ложными сообщениями, распространявшимися особенно марксистскими левыми, которые представляли собой зародыш будущей Коммунистической партии. Орган социал-демократических левых в Брно «Ровность» опубликовал в ноябре 1919 года информацию о плане возвращения легионеров по суше путем соединения их

с добровольческой армией ген. Антона Деникина [6]. МНО заявил, что "его единственная цель - чтобы наша армия как можно быстрее добралась до родины без дальнейшего участия в конфликтах" [7].

Публика на Съезде родственников сибирских легионеров, проходившем в Праге 16–18 января 1920 года с участием делегатов окружных организаций обсуждала вопрос о возвращении сибирской армии и тяжелом материальном положении осиротевших женщин и детей. Съезд принял резолюцию, адресованную президенту Республики, Национальному собранию и правительству, в которой, среди прочего, требовал твердых гарантий того, что соответствующие должностные лица постараются обеспечить достойное и полное возвращение армии не позднее июня 1920 года, независимо от финансовых затрат [8].

Положение сибирской армии обсуждалось 22 января 1920 года на заседании комитета обороны Национального собрания. На совещании рассматривались условия в этой армии, которые привели к интернированию 55 делегатов 2-го Съезда легионеров России. О критике министр национальной обороны, отреагировал плохо, указав, что "элементы, которые не имеют ничего общего с легионерами, пришли в нашу Легионерскую армию после переворота, когда она была мобилизована, то есть воры, грабители и т.д." [9]. Бои, которые вели в настоящее время легионы, шли не с большевиками, а с отрядами атамана Семенова. Депутат Шпачек процитировал Т.Г. Масарика, который сказал легионерам: "сохраняйте строгий нейтралитет как можно дольше, и если вам придется стиснуть зубы, не выходите никогда, пока вас сильно не атакуют". На заседании Подкомиссии Призывного комитета по делам легионеров выступил представитель ассоциации родственников сибирских легионеров, майор. Черенский предложил правительству направить делегации в Триест и Владивосток, которые дали бы легионерам информацию об обстоятельствах жизни их семей на родине. В то же время он потребовал, чтобы возвращающихся солдат не беспокоила политическая обстановка [10].

В конце января 1920 года члены социал-демократических левых подали ходатайство, в котором просили премьер-министра Властимила Тусара дать заключение о положении дел в Чехословацкой Сибирской армии и о заключении в тюрьму 55 делегатов военного съезда на острове Русский во Владивостоке:

- 1) известны ли премьер-министру обстоятельства дела?
- 2) что он собирается предпринять для исправления положения чехословацкой армии в России?
- 3) готово ли правительство обеспечить немедленное освобождение делегатов [11].

Вопрос о 55 делегатах, интернированных на остров Русский, был решен уже в декабре 1919 года полномочным представителем правительства ЧСРФ. Крейчи, который отмечал внутренний кризис в армии в период ее превращения в регулярную военную силу после образования независимого государства. По словам Крейчи, делегатов обоснованно подозревали в том, что "на совещании в Екатеринбурге они приняли решение и призывали воинские части к неповиновению военным приказам, имели контакты с группами, нападавшими на сибирскую магистраль в марте – июне 1919 года... приказали чехословацким воинским частям добровольно покинуть свои посты... послали роту для насильственного занятия помещений информационно-просветительского отдела в Иркутске" [12].

Крейчи принял решение направить этих лиц в Чехословацкую Республику для рассмотрения их дел во внутренних военных судах. Из Владивостока они выехали 24 декабря 1919 г., при этом их личная свобода не была ограничена никаким образом и даже в Чехословацкой Республике. Ответ премьер-министра дал его заместитель Антонин Швехла: "Единственной директивой было сохранять абсолютный нейтралитет по отношению к России, насколько это возможно, и не вмешиваться во внутренние споры. Наша армия, находящаяся еще в лучших отношениях с местным населением, оставляет в образцовом порядке и в лучшем моральном состоянии Сибирь" [13].

Министр обороны Вацлав Клофач также аргументировал слова полномочного представителя правительства доктора В. Гирсы, что военные в Сибири с политической стороны совершенно правы.

Для обеспечения эвакуации Сибирской армии правительства США и Великобритании обещали свои корабли, при этом США были готовы перевезти 20 тысяч человек, а Великобритания-24 тысячи, причем последний транспорт должен был прибыть в Триест в августе 1920 года [14].

Эвакуация была поручена эвакуационному управлению Чехословацкой армии в России, которое было создано приказом начальника военной администрации Министерства военных дел XIV века. Июль 1919 года. В этом управлении были сосредоточены все действия, связанные с переброской войск и военной техники из России в Чехословацкую Республику. Он занимался о временном размещении войск во Владивостоке и на Дальнем Востоке, занимался о документах эвакуированных и обеспечивал репатриантов всем необходимым, в том числе медицинским обслуживанием. Во главе управления стоял начальник эвакуации, подчиненный главнокомандующему чехословацкими войсками генералу Морису Жанену. Управление находилось в офисе во Владивостоке с августа 1919 года по сентябрь 1920 года, часть сотрудников оставалась до ноября 1920 года, когда ушел последний транспорт [15].

Эвакуационное отделение Чеховойска (аббревиатура Чехословацкого легиона) начало свою работу с одобрения главнокомандующего генерала Жанена. В кабинете были сосредоточены все новости и данные, связанные с эвакуацией. Управление состояло из департаментов здравоохранения, регистрации, размещения, экономики и посадки. По прибытии эвакуированных солдат и офицеров с запада Сибири регистрационный офицер проверял документы, медицинский офицер-состояние здоровья, квартирный офицер-жилье, хозяйственный офицер-снабжение. По прибытии корабля офицер по посадке обеспечивал его всем необходимым, а во время посадки ему помогал командир транспорта. Эвакуированные находились в ведении дальневосточного командира, во Владивостоке-командира экипажа, на корабле - командира транспорта. Эвакуационное управление не издавало никаких прямых приказов, только предложения соответствующим военным и политическим органам. Медицинские услуги оказывал доктор Раше [16].

Кроме эвакуационного отделения во Владивостоке действовала эвакуационная комиссия, в задачу которой входило снабжение судов, финансирование наемных судов, забота о полном использовании судового пространства путем закупки грузов и товаров, предназначенных для вывоза в Чехословацкую Республику, размещение расходов на обратном пути. Комиссия состояла из председателя и шести членов. Исполнительными органами комиссии были подкомиссии на местах, коммиссионеры, технический отдел и политотдел [17].

Перед началом репатриации эвакуационное управление издало общие правила плавания в море, в которых предупреждало, что "от чрезмерного употребления пищи и алкоголя получают солнечные ожоги" [18].

Он запретил пить некипяченую воду и рекомендовал есть свежее мясо, фрукты и овощи. В портах, где останавливались суда для пополнения запасов угля, можно было приобрести свежие продукты, воду и медикаменты.

Эвакуационные офицеры должны были следить за соблюдением правил эвакуации членов чехословацкой армии, их семей и граждан Чехословацкой Республики из Сибири на родину. В качестве граждан Чехословацкой Республики рассматривались как колонисты, имевшие права проживания в какой-либо деревне Чехословацкой Республики, так и военнопленные бывшей австро-венгерской армии подписавшие декларацию о чехословацком гражданстве [19].

Вернувшимся солдатам было приказано мыться каждый вечер, утром и вечером они должны были некоторое время быть голыми, "чтобы даже кожа проветрилась"[20]. Путь из Владивостока лежал через Корею, Китай, Индокитай, Сиама, Индию, Аравию, Малую Азию,

Грецию и Далмацию в Триест. Корабли останавливались в Шанхае, Гонконге, Сингапуре, Адене и Порт-Саиде [21].

Прибыв в Триест, они получили отпуск для посещения города с 9 до 17 часов. В городе они должны были избегать контактов с противоположным полом, ни с кем не говорить о политике, быть вежливыми и не напиваться. Они должны были отправиться в город, чтобы умыться и переодеться в чистую одежду. Им нужно было только купить продукты (рис, кофе, специи, миндаль, жиры) и мыло, чтобы принести свои сбережения домой [22].

Эвакуационная комиссия чехословацкой армии получила приказ министра Штефаника организовать и провести эвакуацию с Дальнего Востока членов чехословацкой добровольческой армии, женщин и детей добровольцев и соотечественников. В мае 1919 года из числа гражданских лиц было зарегистрировано 210 колонистов с семьями [23].

Командир чехословацкого гарнизона во Владивостоке высадил эвакуированных (курьеры и боьные) в соответствии с приказом, которым они прибыли на эвакуационный пункт [24].

Поскольку все казармы во Владивостоке были заняты союзниками, пришлось искать жилье на окраине города. Большое расстояние от города затрудняло транспортировку продовольствия и топлива. На острове Русском благоустроили десять казарменных корпусов, оборудовали ваннные комнаты, пекарни, прачечные, ремесленные мастерские, гаражи и конюшни. Всего было размещено 2740 человек [25].

По поручению министра Штефаника была создана комиссия для изучения документов эвакуированных гражданских лиц. Комиссия провела свои заседания 18 и 20 июня 1919 года. Некоторые не имели документов или надавали необходимые объяснения [26].

На основании решения о том, что семьи добровольцев будут эвакуированы только после армии, некоторые из них представили заявления от своих жен о том, что они сами разрешат отправлять своих мужчин в Чехословацкую Республику [27]. Через неделю начальник эвакуации решил, что отправка добровольцев без семей на родину недопустима [28].

Чтобы вступить в брак с российским гражданином, добровольцам требовалось согласие военной администрации. Были случаи, когда солдаты, которые были женаты дома, просили о браке. Дивизионный суд штаба 3-й дивизии расследовал дело добровольца 9 полка, подозреваемого в двоеженстве. Он был схвачен в июле 1916 года на Волыни и помещен в лагерь военнопленных. В чехословацкую армию он явился в апреле 1918 года. Церковным браком он был женат на русской, но без разрешения [29] в декабре 1918 года в Челябинской Римско-католической церкви [30], и попросил перевезти её в Чехословацкую Республику. Некоторые солдаты, напротив, требовали, чтобы их жены не перевозились в Чехословацкую Республику за государственные выплаты [31].

Чешские мирные жители бежали во Владивосток из Западной Сибири, но не могли найти там работу и были совершенно без средств [32].

В свою очередь, колонисты, находившиеся в сборном лагере на острове Русский, отказывались выполнять какую-либо работу по причине якобы физической недееспособности. Поэтому начальник эвакуации потребовал, чтобы врач эвакуационного отделения осмотрел всех и разделил их на три группы: на совершенно нетрудоспособных, на более легкую работу и на любую работу. Он подчеркнул, что колонисты были обязаны работать, так как получали от Чехословацкой Республики и квартиру, и продовольствие, что представляло собой значительную сумму [33].

Президент Т.Г. Масарик выразил пожелание, чтобы гражданские жители Чехословацкой Республики, без различия национальности, были отправлены на родину вместе с солдатами. Было решено, что в первую очередь будут эвакуированы инвалиды, больные на основании медицинских справок и колонисты старше пятидесяти лет [34].

По решению доверенного лица чехословацкого правительства во Владивостоке доктора Вацлава Гирсы добровольцы, их жены и дети были отправлены на родину за государствен-

ный счет, бывшие военнопленные также неимущественные колонисты были перевезены за государственный счет, в то время как, богатые были перевезены за свой счет [35].

Политический уполномоченный чехословацкого правительства в России Богдан Павлу учредил экономическую комиссию в составе заместителя командующего чехословацкой армией в России, заместителя начальника главного управления военного министерства, заместителя начальника технического отдела, заместителя интенданта жилищного строительства, юрисконсульта и членов правительства чехословацкого послания. Председателем Экономической комиссии был представитель политического полномочного представителя, который являлся консульским представителем Чехословацкой Республики во Владивостоке [36].

Чехословацкая центральная экономическая комиссия (Центрокомиссия) выполнила задачи предыдущей эвакуационной комиссии. Основной задачей было установление экономических связей с российскими кооперативами на Дальнем Востоке и в Сибири. Предметом торговли Центрокомиссии были товары чехословацкого происхождения, доставляемые на Дальний Восток возвращающимися из Триеста судами. В 1921 году советское правительство обвинило ее в злонамеренных намерениях и привлекло к ответственности, а их имущество конфисковано.

На 3 октября 1919 года 6507 инвалидов, старых и больных, были вывезены из Владивостока либо в Неаполь, либо через Америку в Марсель. Ручную кладь они могли взять с собой, остальную кладь поместили в трюм. Нанятые из Японии корабли на самом деле были грузовыми судами, приспособленными для перевозки людей. На борту были построены кухни, пекарни, туалеты, душевые, лазарет и спасательные плоты на 40 человек. В трюме были сооружены трехэтажные кровати [37].

Эвакуацией чехословацких войск и чехословацких граждан из Владивостока на родину руководили: Экономическая комиссия, эвакуационное управление, консульский представитель чехословацкого правительства, командующий гарнизоном во Владивостоке. Экономическая комиссия закупала суда, эвакуационное бюро вело учет, консульский представитель назначал чехословацких граждан для эвакуации, командир экипажа назначал офицеров и солдат для перевозки. Представитель экономической комиссии объявил о найме судна сразу после подписания контракта консульскому представителю во Владивостоке, начальнику эвакуации и командиру экипажа. Судно посетила комиссия, состоящая из представителей консульского представительства, начальника экипажа, эвакуационного отделения и командира транспорта, которая осмотрела его и определила способ и время высадки груза, место посадки и нахождения судна, припасов и груза. Затем командир транспорта принял командование кораблем. Каждый репатриант при входе на корабль получал приказ от эвакуационного бюро и на время плавания подчинялся командиру транспорта [38].

Репатриация чешских легионов из России была одной из важнейших задач чехословацких министерств военных дел (министр Штефаник) и национальной обороны (министр Клофач). Речь шла о логистике переброски 68 тысяч человек. Плавание прошло без сбоев, проблемы появились только после высадки в Италии и Германии. Тамошние профсоюзные деятели опасались, что чехословаки собираются помочь Красной Армии в польско-советской войне летом 1920 года.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Чехо-словацкий корпус 1914–1920. Документы и материалы. Том 2. М.: Кучково поле, 2018, с. 819–870 (Подробное объяснение хода репатриации дала Е.П. Серапионова на стр. 25–28. Последняя литература по этому вопросу представлена на стр. 5.)
2. VNA, f. MNO, prez. 1918–23, k. 24, sign. 1367.
3. Tamtéz, k. 157, sign. 6355, 17. 11. 1920.
4. Tamtéz, f. MNO, 22. 12. 1920.
5. Tamtéz, 25. 10. 1919.

6. Rovnost 10. 11. 1919.
  7. VHA, f. MNO – prez. 1918–1923, k. 24, sign. 1367.
  8. Tamtéž, k. 85, sign. 43/5.
  9. Tamtéž, k. 45, sign. 43/5, 22. 1. 1920.
  10. Tamtéž, k. 85, sign. 43/5, 9. 4. 1920.
  11. Tamtéž, k. 45, sign. 43/5, 31. 1. 1920.
  12. Národní listy 21. 2. 1920.
  13. VHA, k. MNO – prez. 1918–1923, k. 45, sign. 43/5, 23. 3. 1920.
  14. Tamtéž, k. 85, sign. 43/5 MNO 28. 4. 1920.
  15. VHA, fond Evakuační úřad, k. 4.
  16. Tamtéž, dopis Evakuačního úřadu Veliteli československého vojska na Dálném východě z 15. 7. 1919.
  17. Tamtéž, rozkaz Zplnomocněnce vlády ČSR ze 13. 8. 1919.
  18. Tamtéž.
  19. Tamtéž, Provizorní nařízení a informační poznámky pro evakuační důstojníky.
  20. Tamtéž, Československý voják a společnost, s. 3.
  21. Tamtéž, Na cestě domů mořem.
  22. Tamtéž, Dispozice československého úřadu v Terstu.
  23. Tamtéž, zpráva o činnosti Evakuační komise, oddělení v Rusku, od 5. 1. 1919 do 20. 5. 1919
  24. Tamtéž, dopis Evakuačního úřadu Důvěrníkovi československé vlády z 15. 9. 1919.
  25. 25. Tamtéž.
  26. Tamtéž, k. 1, komise prozkoumání dokumentů civilníchevakuovaných
  27. Tamtéž, k. 1, dopis politického oddělení ministerstva vojenství Evakuačnímu úřadu z 11. 8. 1919.
  28. Tamtéž, dopis Náčelníka evakuace náčelníkovi politického referátu z 18. 8. 1919.
  29. Tamtéž, dopis politického oddělení náčelníkovi Evakuační komise ve Vladivostoku z 2. 9. 1919.
  30. Tamtéž, k. 4, telegram Načevaka z 5. 9. 1919.
  31. Tamtéž, dopis kanceláře Důvěrníka československé vlády Evakuačnímu úřadu z 5. 9. 1919.
  32. Tamtéž, k. 1, dopis kanceláře Důvěrníka čs. vlády Evakuačnímu úřadu ze 17. 9. 1919.
  33. Tamtéž, dopis Načevaka Důvěrníkovi čs. vlády z 19. 9. 1919.
  34. Tamtéž, dopis Evakuačního úřadu veliteli československé části Dálného východu z 23. 9. 1919.
  35. Tamtéž, dopis V. Girsy z 24. 9. 1919.
  36. Tamtéž, dopis Politického zplnomocněnce vlády poselstvu vlády z 27. 9. 1919.
  37. Tamtéž, k. 4, dopis Evakuačního úřadu ze 7. 10. 1919.
  38. Tamtéž, dopis Důvěrníka čs. vlády z 15. 10. 1919.
-

Виноградов Павел Валентинович, канд. ист. наук
Кафедра естественно-научных и специальных дисциплин
Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (Владивосток)
supwin26@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ПОРТА В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ГРУЗОПЕРЕВОЗКАХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАБОТКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ГРУЗОВ)

УДК 94 (47).083
DOI 10.48344/BSPU.2021.54.58.007

***Аннотация.** В статье рассматривается значение Владивостокского порта в принятии стратегических грузов, на примере поставок железнодорожного оборудования, в годы Первой мировой войны. Во время войны через тихоокеанский порт в страну поставлялись различные импортные товары необходимые для военной промышленности и вооруженных сил. Владивосток наряду с Архангельском являлся главным портом, сконцентрировавшим грузоперевозки стратегических товаров от государств Антанты и нейтральных стран. Одними из важнейших грузов, поставляемых во Владивосток для нужд фронта и экономики страны в целом, являлся подвижной состав и различное железнодорожное имущество. Для его обработки, в сжатые сроки была модернизирована портовая инфраструктура Владивостока, позволившая обрабатывать уже не только железнодорожные, но и другие важные стратегические грузы.*

***Ключевые слова и фразы:** Первая мировая война, Владивосток, Китайская восточная железная дорога, паровозы, вагоны, железнодорожное оборудование.*

Pavel Vinogradov, Cand. Sc. in History
Department of science and special disciplines
Far Eastern Fire and Rescue Academy – branch
St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Vladivostok)
supwin26@mail.ru

THE IMPORTANCE OF THE PORT OF VLADIVOSTOK IN STRATEGIC CARGO TRANSPORTATION DURING THE FIRST WORLD WAR (ON THE EXAMPLE OF RAILWAY CARGO HANDLING)

***Abstract.** The article examines the importance of Vladivostok in the acceptance of strategic cargo, using the example of the supply of railway equipment during the First World War. During the war, various imported goods necessary for the military industry and the armed forces were delivered to the country through the Pacific port. Vladivostok, along with Arkhangelsk, was the main port that concentrated cargo transportation of strategic goods from the Entente states and neutral countries. One of the most important goods delivered to Vladivostok for the needs of the front and the country's economy as a whole was rolling stock and various railway equipment. For its processing, the port infrastructure of Vladivostok was modernized in a short time, which made it possible to handle not only railway, but also other strategic cargo.*

***Key words and phases:** First World War, Vladivostok, China Eastern Railway, steam locomotives, wagons, railway equipment.*

Первая мировая война уже в первые месяцы продемонстрировала исключительно важную роль железнодорожного транспорта, который стал активно использоваться не только в интересах фронта, но и для перевозок стратегических грузов внутри страны. Однако железнодорожная система Российской империи оказалась не готова к требованиям предъявленным мировой войной. Практически сразу с началом военных действий образовался дефицит подвижного состава (паровозов и вагонов), а также рельсов и прочего путевого имущества необходимого для строительства новых железнодорожных путей. С началом войны для фронтовых перевозок с тыловых дорог было отправлено 725 паровозов. На 1 января 1915 г. для обеспечения военных сообщений было задействовано 97 100 вагонов. Для ликвидации дефицита подвижного состава по выкладкам Министерства путей и сообщений (далее – МПС) требовалось не менее 400 паровозов и 40 тыс. вагонов [10, с. 252, 256]. Отечественная промышленность была не в состоянии быстро восполнить потребности фронта и тыловых дорог в паровозах и вагонах. Поэтому неизбежным становился заказ подвижного состава за рубежом.

Крупные заказы на подвижной состав и железнодорожное имущество в условиях мировой войны стало возможным размещать только в Северной Америке. Для этого в Новый свет была направлена особая железнодорожная миссия. При этом полностью разместить заказ на 40 тыс. вагонов не удалось. Весной 1915 г. были заключены контракты с рядом Североамериканских производителей на поставку в течение 1915 г. 13 160 четырехосных вагонов (двойной вместимости в 39 тонн по сравнению с вагонами отечественного производства), 400 паровозов 1-5-0 «Декапод» и 300 тыс. тонн рельс [3, с. 67-68]. После исполнения данного заказа предполагалось заключить еще контракты на производство 1 300 паровозов и 34 915 двухосных вагонов, рельсов и различного железнодорожного и путевого имущества [4, с. 192].

Условия функционирования морских коммуникаций, сложившиеся с началом Первой мировой войны, делали возможным перевозку грузов только в периферийные морские пункты Российской империи – Архангельск и Владивосток. Балтийские и Черноморские порты, являвшиеся наиболее современными и развитыми в стране, оказались блокированными. Поэтому Архангельск и Владивосток неожиданно стали единственными главными портами страны и вынуждены были резко увеличить свой грузооборот, не располагая для этого адекватной портовой инфраструктурой, которую пришлось экстренно развивать во время войны. Портам пришлось принимать большое количество различных грузов. Перечень импортируемых грузов был очень обширен, от продуктов питания до военного снаряжения и сложного технического оборудования, к которому относились и железнодорожные грузы. В 1916 г. предполагалось направить в тихоокеанский порт до 1 млн 179 тыс. тонн только воинских грузов [9, с. 259]. Из Японии через Владивосток ввозились такие специфические и дефицитные товары, как энергетические установки и электротехническое оборудование, производимое компаниями «Киосинша» и «ТокотойК°» [5, с. 52]. Транспортные грузопотоки связали Владивосток, в первую очередь, с Соединенными Штатами и Японией, которые в годы войны стали важными поставщиками оружия, военного снаряжения, промышленного оборудования и сырья. Кроме того, во Владивосток направлялись грузы от союзников по Антанте – Великобритании и Франции.

Прием и обработка железнодорожных грузов стали серьезным испытанием для города. В течение 1916 г. Владивосток должен был принять только железнодорожных грузов объемом в 590 тыс. тонн. В их число входили паровозы, вагоны, рельсы и железнодорожное оборудование для Харбинских паровозоремонтных мастерских и, возводимых с нуля во Владивостоке, вагонсборочных мастерских [9, с. 259]. С 1917 г. стали поставляться новые партии подвижного состава из числа заказанных в Северной Америке, 375 паровозов, 8,5 тыс. вагонов и другого различного железнодорожного оборудования.

Для обработки подобных грузов требовалось увеличить число пристаней, оснастить их

портовыми кранами, проложить подъездные пути, создать складские территории для хранения грузов, организовать систему разгрузки и обработки железнодорожного оборудования, что требовало значительных финансовых и материальных средств. Меры, реализуемые для этой цели, наглядно демонстрируют, какие шаги приходилось принимать центральным и местным властям для экстренной адаптации второстепенных портов к принятию стратегических грузов в годы Первой мировой войны. За принятие и обработку железнодорожных грузов из Северной Америки во Владивостоке отвечала Китайская Восточная железная дорога (далее – КВЖД), которая для организации данной процедуры создала специальное подразделение – Выгрузочную компанию. Кроме того, в этой деятельности принимали участие службы Торгового порта, подразделения Министерства Финансов и Путей и сообщений. В обработке импортных товаров важную роль играла Владивостокская таможня, которая осуществляла «предусмотренные таможенным уставом операции» по оформлению железнодорожных и военных грузов [1, с. 104]. Для решения как текущих, так и неотложных вопросов, связанных с перевозкой и разгрузкой во Владивостоке железнодорожных грузов, периодически созывалось межведомственное совещание из представителей вышеперечисленных министерств и компаний под председательством товарища (заместителя) Министра путей и сообщений Н.Л. Щукина, заседания которого неоднократно проходили и во Владивостоке.

Для принятия железнодорожных грузов в первую очередь необходимо было обустроить новые причалы, так как имевшихся в распоряжении КВЖД причальных линий не хватало, а причалы Торгового порта уже были задействованы в обработке иных стратегических грузов. При этом новые места для стоянки морских судов требовалось возвести в сжатые сроки. Летом 1915 г. уже необходимо было ввести в строй несколько причалов для принятия первых партий железнодорожных поставок из США. Непосредственно в бухте Золотой Рог, в городской черте, места для новых причалов уже не имелось и их пришлось оборудовать на мысе Чуркин (4 причала), на юге полуострова Шкота (5 причалов), и в Амурском заливе (нефтяная и железнодорожная гавани). Часть новых причальных мест представляла собой понтоны, соединенные с берегом деревянными настилами, часть причалов строилась в мелководных бухтах (в Амурском заливе), что позволяло производить разгрузку океанских судов только на рейде с помощью грузовых барж. К концу 1916 г. для обработки железнодорожных грузов могло использоваться 8 глубоководных причалов, обеспечивающих постановку судов непосредственно к стенке причала, и 14 причалов позволяли производить разгрузку с использованием барж. Для полноценной и своевременной обработки железнодорожных грузов предусматривалось в 1917 г. строительство еще 10 причалов, из которых половина должна была быть глубоководными и обеспечивать разгрузку судов непосредственно у стенки причала [7, л. 94].

Для осуществления разгрузочных работ причалы необходимо было оснастить кранами. Паровозы и вагоны прибывали на судах в разобранном виде, комплектами, отдельными крупными узлами и механизмами, весом от 12 до 40 тонн, обработка которых была возможна только с помощью механических подъемных средств. Учитывая, что часть грузов из-за нехватки глубоководных причалов, приходилось перегружать с судов на баржи, требовалось приобрести не только береговые, но и плавучие краны. Для оперативной разгрузки пароходов с грузом и дальнейшей его перевалки по расчетам КВЖД, требовалось 18 плавучих кранов грузоподъемностью в 5 и 40 тонн, и 9 береговых кранов. Поэтому КВЖД и МПС в срочном порядке пришлось закупать их за границей, главным образом в Японии и США. К декабрю 1916 г. в необходимом количестве имелись береговые краны, а вот плавучих было только 7 штук [7, л. 94].

Кроме кранов, необходимо было закупить грузовые баржи и катера для их транспортировки, моторные лодки и понтоны для плавучих кранов и пристаней. К 1917 г. в порту имелось в наличии 40 грузовых барж, 3 катера и столько же моторных лодок [7, л. 94]. При этом Выгрузочная компания КВЖД для дальнейшей обработки будущих железнодорожных грузов предполагала дополнительно закупить плавучие краны, грузовые баржи и катера.

Для перевозки железнодорожного оборудования в сортировочные склады и в вагонно-борочные мастерские в пригороде Владивостока, на перегоне ст. Владивосток – ст. Угольная в экстренном порядке были уложены дополнительные железнодорожные пути. Дополнительными железнодорожными линиями также были оснащены причалы на полуострове Шкота, в Амурском заливе в районе Первой речки и территория Военного порта. Близ ст. Угольная были оборудованы складские площадки для хранения железнодорожного имущества. Подобные меры, по развитию портовой инфраструктуры Владивостока, значительно расширили возможности порта по приемке не только железнодорожных, но и других стратегических грузов.

График прибытия железнодорожных грузов подвергался постоянной корректировке вызванной как запаздыванием в производстве подвижного состава, так и увеличением сроков доставки, которые затягивались из-за нехватки необходимого количества морских судов. Поэтому, вместо прибытия основных партий вагонов летом и осенью 1915 г., часть из них была доставлена зимой. В зимний период для обработки железнодорожных грузов можно было использовать только 10 причалов. Поэтому, по одному из вариантов планировалось разгружать оборудование и комплекты подвижного состава прямо на лед в акватории бухты Золотой Рог, и перевозить их до берега на уложенном по льду узкоколейном железнодорожном пути. Однако подобных экстренных мер удалось избежать.

Суммарные расходы для экстренной подготовки Владивостока к принятию и обработке железнодорожных грузов исчислялись суммой в 2 млн 280 тыс. руб. [6, л. 33].

Неожиданной проблемой при организации обработки железнодорожных грузов в порту стала нехватка рабочих рук для осуществления разгрузочных работ. Все имеющиеся бригады грузчиков уже были задействованы в подобной деятельности. Наличных сил артели грузчиков «Торгового дома Бриннер и Ко», с которым Выгрузочная компания заключила контракт на разгрузку судов, не хватало. Поэтому для обслуживания пароходов с железнодорожным оборудованием приходилось набирать новых рабочих, не имеющих достаточных навыков в погрузочно-разгрузочных работах, что не могло не сказываться на скорости разгрузки судов и качестве работы. Кроме грузчиков, требовалось нанять и канцелярский персонал для оформления грузовых и отчетных документов, а также для непосредственного контроля процесса разгрузки пароходов и отправки железнодорожного имущества с причалов в склады. Это, в свою очередь, приводило к увеличению финансовых издержек на обработку грузов, так как повышало расходы на оплату труда вновь нанятых рабочих, а в отдельных случаях приходилось оплачивать простой судов из-за невозможности их разгрузки в прописанные контрактом сроки.

Дополнительной проблемой являлось своевременное документальное оформление прибывших железнодорожных грузов. Поступление подвижного состава частями, отдельными деталями и механизмами, требовало четкой и точной маркировки выгружаемых частей паровозов и вагонов, их последовательной доставки к месту сборки и своевременного оформления судовых и таможенных документов, и актов приемки. Поэтому неудивительно, что именно в данном вопросе возникли осложнения и быстро решить их, подобно другим вопросам, связанным с разгрузкой, не удалось. Срок оформления необходимых документов доходил до шести недель, вместо положенных трех. Значительное количество таможенных документов, достигающих 170 штук на один приемный акт и необходимость снятия с него 10 копий, для соответствующих служб КВЖД и Таможни, занимало нередко до двух недель [8, л. 7]. Тормозило разгрузку и неаккуратное заполнение приемочных актов особенно при проведении ночных работ, и работ, которые осуществляли экстренно нанятые грузчики и сотрудники, не имевшие достаточного опыта в подобного рода деятельности.

Свою лепту в клубок разгрузочных проблем вносили и заокеанские партнеры. Встречались случаи ошибок при оформлении либо ненадлежащем оформлении грузовых документов: коносаментов, упаковочных ведомостей, спецификаций и страховых полюсов. Но самым серьезным недостатком являлось полное отсутствие либо недокомплект, на ряде пришедших

пароходах, грузовых документов. В результате, нельзя было установить, какое именно железнодорожное имущество они доставили. Отсутствие документов или задержки в их оформлении лишали возможности своевременно выявлять и учитывать технические неисправности и повреждения подвижного состава и железнодорожного оборудования, что затрудняло расчет с американскими фирмами и вызывало «нежелательные жалобы с их стороны» [8, л. 9].

В итоге подобных организационных и бюрократических недочетов, срок разгрузки пароходов увеличивался. Повышались расходы из-за необходимости компенсации транспортным компаниям излишнего простоя пароходов в порту в ожидании разгрузки, а также задерживалась сборка подвижного состава во Владивостокских и Харбинских мастерских. В среднем, разгрузка парохода с железнодорожным имуществом, составляла 21-22 дня, однако из-за вышеизложенных причин могла достигать и 40 дней [7, л. 10].

Несмотря на присутствующие недостатки в обработке железнодорожных грузов, во Владивосток были направлены значительные объемы железнодорожного имущества. В 1922 г. в городе и его пригородах в складах хранилось еще 10 тыс. тонн запасных частей для сборки американских паровозов и вагонов, доставленных в годы войны [2, л. 84].

Поставляемые во Владивосток железнодорожные грузы были исключительно важны для поддержания деятельности железнодорожной системы страны в годы Первой мировой войны. Принимаемый тихоокеанским портом подвижной состав и собираемые во Владивостоке и Харбине американские вагоны и паровозы, являлись одним из важных источников пополнения вагонного и паровозного парка отечественных железных дорог в годы войны. Благодаря американским вагонам, летом 1916 г., например, удалось выполнить ежедневную норму вывозки импортных товаров из Владивостока, предотвратив скопление в городе и его пригородах стратегических грузов, необходимых военной промышленности и фронту.

Для получения, обработки и перенаправления дальше по назначению в глубь страны железнодорожных грузов была развита портовая инфраструктура Владивостока, (появились новые причалы, складские территории и портовое оборудование) позволившая обслуживать уже не только железнодорожные, но и иные важнейшие стратегические грузы. Поэтому через Владивостокский порт за годы Первой мировой войны прошли более 4 млн тонн самого разнообразного груза, необходимого стране в военное время.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Беляева Н.А. Таможенная служба Приамурья и Забайкалья в условиях Первой мировой войны // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4 (69). – С. 104. – 113.
2. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края) Р-730. Оп 9. Д. 36.
3. Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую Отечественную войну / сост. П. Дмитренко, В. Цыгульский: в 2-х ч. – Пг., 1916. Ч. 2. – 132 с.
4. Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения. (1900-1917 гг.). – М., 1964. – 379 с.
5. Маклюков А.В. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX - середина XX вв.). – Владивосток, 2018. – 277 с.
6. РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-морского флота) Ф. 967. Оп. 1. Д. 545.
7. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока) Ф. 385. Оп. 1. Д. 7.
8. РГИА ДВ. Ф. 75. Оп 1. Д. 403.
9. Русское портостроительство в период войны 1914-1918 гг.: описание работ по устройству и оборудованию торговых портов на северном и восточном морских побережьях России / сост. Б.Н. Кандиба. – Л., 1924. – 303 с.

10. Сенин А.С. Железнодорожное хозяйство России в годы первой мировой войны: к вопросу о «расстройстве транспорта» // Труды по Руссиеведению. – 2009. – № 1. – С. 237-269.

Гребенкин Алексей Николаевич, д-р ист. наук, доцент
Кафедра истории и государственно-правовых дисциплин
Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ (Орёл)
angrebyonkin@mail.ru

ХАРБИН КАК ЦЕНТР РУССКОГО ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94(470:510)+355.231

DOI 10.48344/BSPU.2021.97.15.008

***Аннотация.** В статье дан краткий обзор истории военно-учебных заведений русской эмиграции, действовавших в 1920-е – 1-й половине 1940-х гг. в Харбине. Автором сформулирован ряд выводов относительно специфики функционировавших в Харбине центров военной подготовки.*

***Ключевые слова и фразы:** Гражданская война на Дальнем Востоке, Харбин, военное образование, военное училище, унтер-офицерские курсы, Русский общевоинский союз, Корпус Императорской армии и флота.*

***Alexey Grebenkin**, Dr. Sc. in History, Associate Professor
Department of History and State-legal disciplines,
Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА (Orel)
angrebyonkin@mail.ru*

HARBIN AS A CENTER OF RUSSIAN MILITARY EDUCATION

***Abstract.** This article provides a brief overview of the history of military educational institutions of Russian emigration that operated in the 1920s – the first half of the 1940s in Harbin. The author formulated a number of conclusions about the specifics of the military training centers that functioned in Harbin.*

***Key words and phases:** Civil War in the Far East, Harbin, military education, military school, non-commissioned officer courses, Russian All-Military Union, Corps of the Imperial Army and Navy.*

Начало Гражданской войны ознаменовало переход к последнему этапу развития системы русского военного образования. Разгром большинства кадетских корпусов и переформирование военных училищ в советские командные курсы сопровождалось оттоком офицеров, преподавателей, юнкеров и кадет к плацдармам борьбы с большевиками. После завершения противостояния уцелевшие представители военно-учебной корпорации предприняли ряд относительно успешных попыток возрождения русских военных школ за рубежом. Одним из центров сосредоточения военных эмигрантов являлся Харбин, основанный русскими в Маньчжурии в 1898 г. Хотя этот город вплоть до 1945 г. оставался заповедником дореволюционной жизни, он не стал новым местом дислокации кадетских корпусов. Сложившаяся в нем система подготовки офицерских кадров имела в большей степени практико-ориентированный, нежели военно-культурный характер, что было обусловлено в первую очередь целями местных эмигрантских организаций, принимавших активное участие в создании военных училищ и курсов. Вместе с тем военно-учебные заведения, функционировавшие в Харбине, имели достаточно много общего как с дореволюционными военными училищами, так и с центрами военного образования, открытыми представителями русской эмиграции в европейских государствах.

В создании военно-учебных заведений в Харбине активную роль играли представители местного отделения Русского общевойскового союза (РОВС). При его участии начиная с весны 1932 г. были открыты унтер-офицерские курсы, классы урядников, отряды и взводы, обеспечивавшие начальную военную подготовку молодежи. Цель их учреждения была сугубо практической – снабдить молодых людей знаниями, умениями и навыками, которые позволили бы им в обозримом будущем умело сражаться с большевиками. Инициатором создания военно-учебных центров в Маньчжурии являлся руководитель Дальневосточного отдела РОВС М.К. Дитерихс. Его деятельными помощниками были генерал-майор И.Ф. Шильников и полковник И.В. Кобылкин. Шильников руководил урядничьими курсами при Забайкальской имени атамана Семенова казачьей станице, расположенной в Харбине, а Кобылкин возглавлял группу Сводного отряда Национальной организации русских скаутов (НОРС), проходившую обучение по программе подготовки унтер-офицеров.

Лица, получившие начальную подготовку на курсах или в Сводном отряде скаутов, зачислялись на Военно-училищные курсы РОВС. Их программа предполагала освоение в течение двух лет круга дисциплин, которые изучались юнкерами до революции (тактики, топографии, инженерного дела и т.п.). Обучение велось по вечерам, строевые занятия – по выходным. Учебные пособия привозились из Европы. В пригороде Харбина Чинхэ располагался учебный лагерь курсов, где устраивались стрельбы и отрабатывались навыки несения караульной службы. Занятия вели бывшие офицеры Русской императорской армии, окончившие Николаевскую академию Генерального штаба. После прохождения второго летнего лагерного сбора устраивались экзамены по тактике различных родов войск (пехоты, кавалерии, военно-воздушных сил), военно-инженерному делу, стрелковому делу, топографии, химии, военной администрации, уставам и строевой подготовке. Юнкера, успешно выдержавшие испытания, производились в подпоручики и зачислялись в подразделения РОВС. Количество обучающихся было невелико: «так, годовой набор военно-училищных курсов РОВС в Харбине не превышал 25-30 человек, а завершали обучение единицы» [5, с. 15]. В 1934-1935 гг. военно-училищные курсы РОВС осуществили три выпуска юнкеров общей численностью около 50 человек. Всем выпускникам были присвоены звания подпоручиков. Пропускная способность унтер-офицерских курсов была несколько больше; «например, в конце 1933 г. выпуск унтер-офицерских курсов составил 45 человек» [6, с. 333].

Унтер-офицерские курсы РОВС были рассчитаны на годичный срок обучения и были аналогом дореволюционных учебных команд. Их выпускники считались кандидатами на поступление на военно-училищные курсы. Обучение унтер-офицеров основывалось на уже имевшихся к тому времени наработках. Как указывает С.В. Смирнов, «в Харбине курсы для подготовки унтер-офицерских кадров были созданы на базе молодежной антисоветской организации Союз мушкетеров» [3, с. 168-169].

Повышающие курсы РОВС обеспечивали расширение профессионального кругозора офицеров за счет получения ими знаний о новшествах в военном деле (устройстве танков, броневых автомобилей, самолетов, боевом применении этой техники и т.п.). Кроме того, офицеры могли пройти заочное обучение на Высших военно-научных курсах генерала Н.Н. Головина.

В 1932 г. на базе существовавших под эгидой Харбинского отделения РОВС двухгодичных военно-училищных курсов, повышающих офицерских курсов и годичных унтер-офицерских курсов был образован Учебный отряд, начальником которого стал полковник Я.Я. Смирнов. Для производства летних практических занятий и обучения стрельбе был оборудован лагерь на Крестовском острове, расположенном на реке Сунгари. Лагерный сбор длился 2 месяца. В нем принимали участие числившиеся в Учебном отряде юнкера, обучавшиеся на военно-училищных курсах, слушатели унтер-офицерских курсов, а также подростки и юноши, сведенные в так называемую кадетскую группу.

Кроме того, повышение квалификации офицеров в рамках Харбинского отделения РОВС было возможно путем обучения в кружках, слушатели которых под руководством

офицеров Генерального штаба изучали химию, электротехнику, железнодорожное дело, устройство танков и броневых автомобилей.

Помимо РОВС, в создании военно-учебных курсов принимал участие Корпус Императорской армии и флота (КИАФ). Однако его успехи были не столь значительными. КИАФ сумел создать повышающие курсы для офицеров и унтер-офицерские курсы для лиц, не имевших военного образования. Унтер-офицерские курсы КИАФ были открыты в 1931 г. Продолжительность обучения на них составляла 8 месяцев. Начальником курсов был генерал-майор Л.Г. Мартынов. В мае 1932 г. курсы окончили 27 унтер-офицеров, в следующем году через них прошло около 100 курсантов.

В мае 1934 г. под эгидой КИАФ в Харбине была открыта инструкторская школа, иначе именуемая юнкерской. Ее программа базировалась на учебных программах военных училищ Российской империи. Занятия шли по вечерам; роль учебного корпуса играла старая мельница. В рамках школы предполагалось открыть пехотное, кавалерийское, техническое и артиллерийское отделения, однако этим планам не было суждено сбыться. Харбинская юнкерская школа была закрыта в конце 1935 г., успев сделать только один выпуск.

Летом 1935 г. был образован Дальневосточный союз военных (ДВСВ), который принял у РОВС и КИАФ эстафету в организации военного образования. Военно-учебный отдел Харбинского округа ДВСВ руководил деятельностью офицерских курсов, офицерско-инструкторской роты, военного училища и учебной команды.

Обучение на офицерских курсах предполагало посещение собраний, устраивавшихся раз в неделю. Программа была основана на программе Высших военно-научных курсов генерала Головина. Учебно-методические материалы, копии которых выдавались слушателям, присылались из Парижа. Аналогом квалификационного экзамена являлась тактическая игра, по итогам которой слушатели производились в очередной чин с правом занять в перспективе определенную командную должность. Кроме того, предпринимались попытки организовать в Харбине дистанционное обучение на курсах Головина.

Офицерско-инструкторская рота была образована в марте 1936 г. В нее зачислялись лица, окончившие военно-училищные курсы РОВС и КИАФ и Военное училище ДВСВ. Рота, которая «должна была включать пулеметный и стрелковый взводы и взвод управления» [6, с. 374], была призвана играть роль постоянно действовавшей системы поддержания квалификации лиц, получивших военное образование.

Организация Военного училища ДВСВ была осуществлена на основе опыта и наработок военно-училищных курсов, существовавших под эгидой как РОВС, так и КИАФ. Первый выпуск 25 курсантов, переведенных с военно-училищных курсов РОВС и КИАФ, был осуществлен уже в октябре 1935 г., однако в качестве полноценного военно-учебного заведения училище функционировало с 1936 г. Срок обучения составлял 2 года. Занятия проводились силами проживавших в Харбине генералов и офицеров по вечерам в арендованных аудиториях Северо-Маньчжурского университета. Как и многие другие эмигрантские военно-учебные заведения, училище было смешанным и имело в своем составе пехотное, артиллерийское, инженерное и кавалерийское отделения. Из-за небольшого количества обучающихся первоначальный план по созданию полноценных стрелково-пулеметной и инженерной рот, кавалерийского эскадрона, казачьей сотни и учебной артиллерийской батареи не удалось воплотить в жизнь. В 1938 г. был сформирован Егерский учебный взвод из абитуриентов, не закончивших средних учебных заведений. Он играл роль подготовительного отделения училища. Училище просуществовало до начала 1945 г., выпустив около 70 человек.

Учебные команды, как и до революции, предназначались для подготовки унтер-офицерского кадра. В Харбине они служили средством обязательного военного обучения молодежи в возрасте до 30 лет.

Еще одной военной школой, учрежденной при участии ДВСВ, являлось Военно-полицейское (юнкерское) училище, расположенное на станции Ханьдаохэдцы Северо-Маньчжурской железной дороги. Оно было открыто в мае 1936 г. Учебный курс был расчи-

тан на полгода. Целью Военно-полицейского училища была подготовка среднего и младшего начальствующего состава и рядовых сотрудников русских отрядов маньчжурской горнолесной полиции. Хотя должность директора занимал офицер японской армии, часть офицерских и преподавательских должностей замещалась японцами, организация учебно-воспитательного процесса и уклад внутренней жизни училища основывались на традициях военно-учебных заведений Российской империи. В частности, парадная форма обучающихся была копией парадной формы юнкеров. В программу входили следующие дисциплины: «уставы внутренней, гарнизонной и дисциплинарной службы, строевая подготовка, тактика пехоты, связь, войсковая разведка, фортификация, топография, подрывное дело, полицейская служба» [2]. Специфика заведения заключалась в том, что в его рамках реализовывались программы подготовки командиров взводов, командиров отделений и рядовых сотрудников полиции. Первый выпуск был осуществлен в ноябре 1936 г., а за все время функционирования до марта 1941 г. училище произвело 9 выпусков.

Определенный вклад в создание военно-учебных заведений внесли казацкие общества. В 1922 г. атаманом Г.М. Семеновым в Харбине был сформирован Союз казаков на Дальнем Востоке (ДВСК) – военная организация, предназначенная для организации борьбы с большевиками. Председателем правления ДВСК являлся генерал-лейтенант А.П. Бакшеев. В 1923 г. в Харбине был образован Восточный казачий союз, в формировании которого принимал активное участие генерал-майор А.В. Зуев. В 1932 г. Восточный казачий союз вошел в состав ДВСК.

В 1933-1934 гг. силами Союза казаков на Дальнем Востоке в западной области КВЖД был создан ряд казачьих учебных команд и сотен, предназначенных для обеспечения начальной военной подготовки с «казачьим» уклоном (так, изучались не только строевая подготовка, но и джигитовка и фехтование). Казаки зачислялись в эти учебные части на время периодически проводившихся учебных сборов – как станичных, так и общеказачьих. Учебные команды и сотни были более многочисленными, чем военно-учебные заведения РОВС.

В 1938 г. в Харбине Союзом были созданы военно-училищные курсы, призванные дать находившимся в Китае детям казаков-эмигрантов полноценное среднее военное образование. Руководителем курсов являлся полковник Оренбургского казачьего войска С.Ф. Стариков, артиллерист по специальности, бывший член КИАФ, на должности лекторов были приглашены генералы и офицеры Генерального штаба. Срок обучения составлял 2 года. Занятия предполагалось вести по вечерам. В летний период теоретические знания, полученные в течение учебного года, должны были быть закреплены на лагерных сборах. На курсы было зачислено 92 человека, однако неизвестно, удалось ли им освоить программу в полном объеме.

В том же году были открыты повторительные офицерские курсы ДВСК. Занятия на них велись раз в неделю офицерами Генерального штаба. Кроме того, в Харбине регулярно устраивались общие казачьи собрания, на которых читались доклады по различным вопросам военной истории, политики и экономики [7, с. 306]. Наконец, в начале 1941 г. были открыты инструкторские курсы, на которых готовились специалисты по военному обучению молодых казаков.

Большой вклад в развитие военного образования в Харбине внесли политические организации эмигрантской молодежи (Союз мушкетеров, Русская фашистская партия, «Русский сокол»).

Союз мушкетеров был образован в Харбине в 1924 г. Это был антибольшевистский ударный отряд, созданный князем В.И. Гантимуровым. Весной 1931 г. начал действовать первый «мушкетерский» Военно-инструкторский отряд, готовивший унтер-офицеров. Его возглавляли бывший фельдфебель Русской группы войск Шаньдунской армии В.Э. Лукеш и бывший подпоручик китайской армии В.В. Костриченко, выпускник Русского военного училища при Русской группе войск. Как отмечал Д.С. Каргапольцев, «целью курсов являлась подготовка младшего командного состава организации» [1, с. 100]. Преподавание в нем вели офицеры, входившие в состав РОВС. В 1930/31 учебном году существовал морской мушке-

терский класс, руководителями которого являлись капитан II ранга Б.П. Апрелев и мичман И.Н. Кузнецов, причем «в качестве практики мушкетеры несли обязанности матросов на вахте и пристани Нового Спортивного Общества, в руководство которого входили бывшие морские офицеры» [4, с. 197]. В летнее время действовал военный лагерь Союза мушкетеров. Выпускники «мушкетерских» унтер-офицерских курсов на основании договоренности между Союзом мушкетеров и Харбинским отделом РОВС имели право продолжения военного образования на военно-училищных курсах РОВС. Эта возможность существовала до 1933 г., когда отношения между Союзом мушкетеров и РОВС осложнились, а соглашение вследствие этого было фактически аннулировано. В общей сложности унтер-офицерские курсы дали 25 выпускников, военно-морские – 15. В начале 1937 г. при Союзе мушкетеров были учреждены военно-училищные курсы, которые просуществовали недолго и успели выпустить лишь 7 человек.

Русская фашистская партия, созданная в 1931 г., обзавелась своим учебным отрядом через 3 года. Он был предназначен для подготовки унтер-офицеров. Летний лагерь отряда, как и лагерь Учебного отряда РОВС, располагался на Крестовском острове. В 1937 г. были открыты курсы начальной военной подготовки и курсы подготовки командиров.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам, составляющим содержательную характеристику военно-учебных заведений русской эмиграции, существовавших в Харбине в 1920-е – 1-й половине 1940-х гг.

Первой специфической чертой харбинских военно-учебных заведений являлась их подчиненность различным структурам. В создании военных школ принимали участие Русский общевоинский союз, Корпус Императорской армии и флота, Союз мушкетеров, Дальневосточный союз военных, Восточный казачий союз, Дальневосточный союз казаков, Национальная организация русских скаутов и Русская фашистская партия. Эти организации действовали разобщенно и зачастую враждебно относились друг к другу, что препятствовало объединению их усилий и созданию вместо множества слабых и нежизнеспособных учебных курсов и команд нескольких крупных заведений, подобных кадетским корпусам, которые существовали на территории Югославии.

Второй особенностью был практико-ориентированный подход к созданию военно-учебных заведений. Главной целью их основателей было не сохранение русской военной культуры, а подготовка офицерских и унтер-офицерских кадров будущей армии, способных успешно сражаться с большевиками.

Третьей особенностью действовавших в Харбине военно-учебных центров была их ориентация на различные категории обучающихся: офицеров, получивших военное образование, эмигрантскую молодежь, как имевшую среднее образование, так и не имевшую его.

Четвертая особенность заключалась в многоуровневом характере создававшихся военно-учебных заведений. Повышающие курсы играли роль ускоренных курсов военных академий и были призваны расширить круг специальных знаний офицеров-эмигрантов и подготовить их к занятию вышестоящих командных должностей. Военно-училищные курсы и военные училища должны были готовить кадры среднего командного состава. Наконец, унтер-офицерские и урядничьи курсы преследовали цель подготовки младшего командного состава. Несмотря на то, что эти учебные заведения не образовывали стройной системы, многократно предпринимались попытки установить между ними преемственную взаимосвязь.

Наконец, пятая особенность была обусловлена многопрофильностью создаваемых военных школ. Малое количество педагогов и нехватка средств вынуждали создавать в рамках одного заведения пехотные, кавалерийские, артиллерийские, инженерные и прочие отделения. При этом ввиду небольшого числа обучающихся планы формирования полноценных учебных подразделений (рот, эскадронов, батарей) не удалось воплотить в жизнь.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Каргапольцев Д.С. Союз мушкетеров в Маньчжурии (1924-1938 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2009. – Том 8, выпуск 4: Востоковедение. – С. 97-103.
2. Русские эмигранты и хунхузы в Маньчжурии. URL: https://www.synologia.ru/a/Русские_эмигранты_и_хунхузы_в_Маньчжурии (1920-1930-е гг.) (дата обращения: 10.05.2021)
3. Смирнов С.В. Генерал М. К. Дитерихс во главе Дальневосточного отдела РОВС // Новый исторический вестник. – 2016. – № 2 (48). – С. 162-179.
4. Смирнов С.В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х годов). – «ЛитРес: Самиздат», 2019. – 404 с.
5. Смирнов С.В. Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938-1945. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2012. – 156 с.
6. Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2018. – 486 с.
7. Хисамутдинов А.А. Русские общественно-военные организации в Харбине // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-6 (62). – С. 303-308.

Долгова Анжела Валерьевна, канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории и исторического архивоведения,
Московский государственный институт культуры (Москва)
angela_dol@mail.ru

ВЛИЯНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ЖИТЕЛЕЙ УРАЛА И ЗАБАЙКАЛЬЯ В 1919-1920 ГГ.

УДК 94(47)
DOI 10.48344/BSPU.2021.66.87.009

Аннотация. Статья посвящена истории повседневности жителей некоторых районов Урала и Забайкалья в годы Гражданской войны. Используются ранее не опубликованные архивные документы, которые свидетельствуют о том, каким образом большевизм нарушал мирный уклад жизни, и была ли возможность ему противостоять. Выбор автором двух регионов страны был обусловлен задачей показать особенности восприятия населением новой власти, ее степень распространения и влияние на крестьянство и казачество – основных категорий, принявших на себя всю силу удара Гражданской войны.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война, крестьянство, казачество, архивный источник, Забайкалье, Пермская губерния, красный террор.

THE INFLUENCE OF BOLSHEVISM ON THE EVERYDAY LIFE OF THE RESIDENTS OF THE URALS AND ZABAİKALYA IN 1919-1920

Angela Dolgova, Cand. of History, Associate professor
History and Historical Archives Department
Moscow State Institute of Culture (Moscow)
angela_dol@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the history of everyday life of the inhabitants of some regions of the Urals and Transbaikalia during the Civil War. Previously unpublished archival documents are used, which testify to how Bolshevism violated the peaceful way of life, and whether there was an opportunity to resist it. The author's choice of two regions of the country was due to the task of showing the peculiarities of the perception of the new government by the population, its degree of spread and influence on the peasantry and the Cossacks - the main categories that took on the full force of the blow of the Civil War.

Key words and phrases: Civil war, peasantry, Cossacks, archival source, Transbaikalia, Perm province, red terror.

В 1919 г. в ходе Гражданской войны население территорий, перешедших под власть большевиков, в полной мере ощутило политику военного коммунизма. По сути, это был узаконенный грабеж. Архивные документы тех лет свидетельствуют, что в каждом районе сопротивление большевикам было разным, так же как и мероприятия, проводимые ими, имели свои особенности. Все это зависело от состава населения, местности, климата, степени сопротивления.

Так, например, в Пермской губернии в рассматриваемый нами период активно велась борьба с дезертирством путем наложения штрафов и конфискации, высылкой карательных отрядов. Поскольку, население губернии было в основном крестьянским (рабочие проживали в городе), то мощного сопротивления в виде обширных восстаний, большевизм здесь не

встретил. С другой стороны, разрозненные немногочисленные «банды» еще долго беспокоили советские органы власти. В силу того, что крестьяне были привязаны к земле и, как никто другой, были заинтересованы в скорейшем переходе к мирной жизни, то им приходилось в конечном итоге мириться с новой властью. Не было у них предводителей, атаманов, готовых под лозунгом «За веру, царя и Отечество» повести за собой в бой с «предателями Родины», как это было в других районах нашей страны, например, в Забайкалье.

Однако, признав Советскую власть, крестьяне стали жертвами тех самых группировок, участники которых мстили им за поддержку большевиков, за помощь, которую они оказывали в мероприятиях по борьбе с дезертирами и выкачке хлеба.

Масштабы произвола, вседозволенности и террора в условиях военного времени и отсутствия власти на местах впечатляют. Каким был уклад жизни обычного человека, который не воевал в силу разных причин, а старался пережить войну? В большинстве случаев такой человек был обречен. Именно поэтому шансов больше выжить было у тех, кто воевал – на стороне красных, белых, «зеленых», либо вставал на путь бандитизма. Статус военного предполагал обеспечение оружием и окружение единомышленниками, а, значит, мог гарантировать защиту. В связи с этим именно инстинкт самосохранения, а не политические настроения, заставлял крестьян брать в руки оружие и становиться участником военных действий. Жить в доме на окраине леса было безрассудством: рано или поздно – придут и убьют, а имущество разграбят. Тяжелее всех было женщинам, старикам и детям – самой уязвимой части населения.

В Пермской губернии после ухода Колчака летом 1919 г. стали воссоздаваться советские органы власти. Поскольку к этому времени в среде населения уже был раскол на сторонников и противников Красной армии, установление Советской власти затянулось на долгие годы. Это объясняется еще и тем, что резкая смена власти не способствовала стабильности. Говорить о законности применяемых мер, включая меры по борьбе с дезертирством и бандитизмом, не приходится. Да и понятие законности сильно размыто. Среди тех, кто устремлялся к Советской власти, немало было уголовных элементов. Это было особенностью Гражданской войны в Пермской губернии.

Ввиду вышеуказанных причин развернулся красный террор, главным образом, в сельской местности. Страдали в первую очередь крестьяне, вынужденные занимать чью-либо сторону – добровольно или принудительно, под силой оружия.

Рассмотрим показания свидетелей, зафиксированные в архивных документах тех лет. Показания связаны с преступлениями по должности опертройки в Осинском уезде. Опертройка была создана летом 1919 г. и ее задачей было укрепить позиции Советской власти и бороться с дезертирством.

26-летний осинский рабочий Ульян Манохин показал следующее: «До революции работал на заводе. Столяр. Женат, один ребенок. Член РКП с 1917 г., марксист. Образование: 2-х классовое начальное училище. Столяр в Камбарском заводе. До 1914 г. работал в Камбарском заводе в Ижевске. Служил в армии по мобилизации. Судился в 1912 г. Казанской судебной палатой за распространение нелегальной литературы. В 1920 г. в Осе я работал в уезде РКП в качестве председателя. Условия, переживаемые республикой, были слишком тяжелы, а равно и Осинского уезда. Велась борьба с Польшей. Приходилось выполнять массу государственных требований по мобилизации людей, скота, сбор продовольствия и прочей работы. Но в уезде страшно развивалось дезертирство, которое организовалось в вооруженные группы человек в 100-200 в более отдаленных районах от уездного центра... Нападение на советских работников, выполняющих распоряжения советской власти на местах. Разграбляли имущество у семей красноармейцев, производили поджог лесных заготовок. За три месяца в Осинском уезде убито совработников около 60 человек» [1, лл. 155, 156 об.].

Другой свидетель В.В. Мельников показал следующее: «Нам нужно было выяснить действия тройки об избиении. Мне приходилось встречаться при допросе гражданок Шей-

ных, и я им верю. Она – 70-летняя старуха, а дочь показала на косу, да и говорит: "Тогда у меня коса такая была, а теперь палец толще будет"» [1, л. 177].

Крестьянин Нестеров Егор вспоминал: «44 года, крестьянин, с. Брюхово. Женат. 6 человек. Бедняк. В июле 1920 г. я был наряжен хоронить двух расстрелянных мужиков. Расстреляны они были опертройкой будто бы в двух верстах от села. Когда пришли к месту расстрела, то нашли трупы, заваленные чащей. Видно было по следам, что они стащены с большой дороги волоком. Один был убит выстрелом в затылок, а другой около уха. Фамилии мужиков не знаю. Откуда они также неизвестно. Наряжал нас десятник Брюхов Николай Алексеевич» [1, лл. 179, 179 об.].

Кобелева Агафья: «38 лет, крестьянка, с. Малая Уса Больше-Усинской волости. Беспартийная. Неграмотная. У нас постоянно останавливалась тройка. Случай, как застегали Долганова, хорошо помню. Когда его привели, я была в избе. Его увели в другую комнату, и скоро послышался ужасный рев. Дети сильно испугались и начали реветь. Я тоже перепугалась, схватила детей и побежала в ограду. Когда неслышно стало рева, я вернулась в избу и в сенцах встретила: ведут под руку Долганова двое. Долганов был еще живой. Его тут же в нашей ограде пристрелили. Я после этого сильно болела. Кровь помешалась во мне с испугу» [1, л. 185].

Бурнышев Михаил: «Крестьянин, 42 года, с. Малая Уса. Женат. 6 человек. Беспартийный. Я как зять Емельяна Бусоргина, ездил за трупами. Нашли мы их недалеко от дороги. Убитых было 4 человека, все с разрубленными головами. Следов пуль не было» [1, лл. 186, 186 об.].

Самодуров Никита: «Крестьянин. 63 года, д. Большой Дубовик Больше-Усинской волости. Женат. 8 человек. Из нашей деревни в конце августа 1920 г. тройкой были вызваны 3 гражданина: Михей Иванович Самодуров, Алексей Ермолаевич Самодуров и Осип Иванович Самодуров. В Большой Усе они просидели арестованные. Сколько времени – не знаю. И потом пропали. Трупы их не найдены. Михей был красноармейцем. Пришел домой, потому что ему вышли года. От белых он бегал. Вообще он был очень хороший человек. В нашей деревне не было дезертиров» [1, лл. 188, 188 об.].

Позднее член Следственной комиссии по расследованию преступной деятельности опертройки П.И. Кибанов вспоминал: «Комиссия приехала 11 октября 1920 г. в Елово, в то время как сформировалась эта тройка, спустя 1,5-2 месяца после убийства председателя уисполкома города Осы. Рассказать подробно о работе этой комиссии я не могу, так как у меня слабая память. В отношении штрафов не были соблюдены формальные стороны, они накладывались тройкой без утверждения укомдеза, отсутствовала правильная постановка отчетности. Все это было в хаотическом состоянии. Трудно представить себе, каким образом учитывалось имущество и устанавливалась возможность присваивать... Свидетели в большинстве говорили очень робко. Ясно, что они или боятся, или не верят комиссии... Этим свидетелям верить можно. Комиссия убеждена в виновности всех обвиняемых. Эти лица нужно было призвать и показать массам, что их преступления, хотя и не большие, но должны быть наказаны – это были бы воспитательные меры» [1, л. 188].

В отличие от уральской местности, в Забайкалье были довольно крупные повстанческие формирования «зеленых», а политика военного коммунизма проводилась с размахом, поскольку в городах и в казачьих станицах было чем поживиться. Причем, со стороны это выглядело, как рейды красной армии, подобно саранче, с невероятной скоростью опустошали населенные пункты, «портили» мосты и участки железных дорог. Говорить о сколько-нибудь их политических настроениях вряд ли приходится, так как это больше напоминало грабежи. Грабили всех, кто встретится на пути. Факты грабежей и убийства китайцев – свидетельство того, что политика военного коммунизма развязала руки убийцам и грабителям в лице бывших каторжан и узников тюрем.

Несмотря на поддержку японских частей, белые армии здесь явно проигрывали. К тому же такая поддержка не способствовала популярности белых, поскольку противоречила духу патриотизма.

Все, что происходило, можно назвать столкновением нравственности и безнравственности. Противники большевиков – забайкальское казачество, атаман Семенов и другие – слишком много тратили время на пышные приемы, торжества, смотры военных частей и на переосмысливание того, что происходило в стране.

Так, 12 марта 1920 г. главком войск атаман Семенов «посетил Воткинскую и Иркутскую дивизию, пробыл среди войск около 5 часов, посетил все помещения, в которых расположены воинские части, беседовал о их нуждах, присутствовал на обучении частей, в заключении сделал им смотр. Выяснилось, что войсковые части особенно нуждаются в обмундировании. В этом направлении приняты надлежащие меры. Отъезжавшего главкома провожали криками "Ура!" Согласно приказа главкомвойск № 317а от 21 марта из Читинской тюрьмы освобождены, как добровольно сдавшиеся с оружием в руках, казаки Богомягковского поселка Шилкинской станции в количестве 12 человек. Эти лица в апреле 1919 г. военно-полевым судом Нерчинска были присуждены к каторжным работам на сроки от 7 до 20 лет и бессрочной каторги. 30 марта в Чите по случаю... праздника западного казачества после церемонии передачи знамени депутатам войскового круга атамановской лошади, состоялся парад. В этот день был устроен торжественный обед для депутатов...» [2, л. 101 об.].

Что касается участия японских частей на стороне белых, то их помощь была явно переоценена. Судя по документам, японцы достаточно эффективно дрались с красноармейцами, но это было до тех пор, пока перевес сил не оказался на стороне Красной армии.

Перед нами документ – резолюция, принятая в закрытом заседании 4 чрезвычайного войскового круга казачества от 30 марта 1920 г.: «Войсковой круг Забайкальского казачьего войска, подтверждая выявленное 3 войсковым кругом решение борьбы с большевизмом, во имя истинного народоправства, приветствует все вооруженные силы, борющиеся на фронте, и выражает своему войсковому правительству полную поддержку. Войсковой круг благодарит доблестную героическую верную нашу союзницу Японию за всю оказанную ею до сего времени помощь в борьбе с большевиками и находится в твердом убеждении, что она по-прежнему будет оказывать борцам за порядок и законность свою несменяемую помощь» [2, л. 98].

Тогда же была принята и резолюция атаману Семенову: «4 чрезвычайный войсковой круг Забайкальского казачьего войска, собравшееся в тяжелую годину за восстановление поруганной Родины, приветствуя Вас, как представителя высшей государственной, законно переданной Вам власти, неутомимого борца за восстановление Родины, верит и надеется, что Ваше мудрое руководство войсками Российской Восточной окраины, доведет всех любящих свою Родину сынов до победного конца над предателями, и венцом этой победы будет национальное Учредительное собрание, которое даст истерзанной Родине мир и тишину. Да благословит Вас Бог!» [2, л. 98].

На этом же заседании было принято решение отправить приветственную телеграмму японскому командованию следующего содержания: «4 чрезвычайный войсковой круг, собравшись в тяжелую годину борьбы с предателями Родины – большевиками, приветствует в лице Вашего японское императорское правительство, как верное правительство... возрождения нашей истерзанной Родины и верит, что узы ее кующие японский парад с государством и настроенными гражданами нашей Родины еще больше окрепнут против тирании большевизма, и русский народ проявит свою волю в русском национальном учредительном собрании» [2, л. 100].

29 марта 1920 г. на заседании казачьего круга рассматривались доклады с мест Копанской станицы: «Зачитывается наказ, в котором выражается пожелание принять твердые меры, прекращению разорительной борьбы. Станица просит помощи, дабы избежать недосева, касаясь отношения союзников. Из России делегат противопоставляет честность японцев

глумлению чехов, но будет время, армия наша возродится и возродит Россию. Делегат Ундинской станицы сообщает кругу о незакономерных действиях в отношении станичников и просит довести об этом сведения атамана Семенова. Делегат беженцев Богдатынского поселка просит оказать содействие в крайней нужде. Сообщает, что красные выгребли 2630 четвертей хлеба, опустошили все амбары жителей. Делегат Кубухаевской станицы жалуется, что арестованные и отправленные в Читу большевики, почему то возвращены и теперь продолжают мутить население. Станичники ждут войскового правительства, непоколебимого устойчивого курса твердой власти, решительной борьбы с большевиками» [2, л. 115].

Согласно сводкам осведомительного отдела при помощнике главнокомандующего по гражданской части за 21 апреля 1920 г. относительно военной обстановки в Забайкалье говорилось: «Из Японии двинуты значительные силы, часть их даже прибыла в Читу. Другая находится в пути. Японские войска возьмут охрану железнодорожные магистрали, начиная от Мысовой. Правительственные войска, прибывшие в Иркутск во главе с генералом Войцеховским, состоят из кашпелевцев, воткинцев, ижевцев, Иркутской дивизии и юнкеров. Они прекрасно вооружены, имеют артиллерию, пулеметы. Численность этих войск достигает 30000 человек, часть их двинется в Забайкалье, часть останется в Иркутске» [2, л. 211].

Присутствие в войсках ижевцев и воткинцев – свидетельство того, что после восстания 1918 г. им удалось дойти до Иркутска, объединившись с другими частями.

Мирное русло жизни нарушалось тотчас же, как только прибывали красноармейцы: «В районе села Алентуйского нашим отрядом приступлено к ликвидации мелких банд красных, грабящих население. По сообщению чехословацкого дневника краюшка хлеба около полутора фунта стоит в Иркутске 2500 рублей. В отношении получения продуктов вторая категория получает 5 фунтов хлеба на едока в месяц. С водворением советской власти в Иркутске были всюду вывешены портреты Ленина и Бронштейна. Иркутяне, почувствовавшие на себе прелесть того, что им дали эти красные самодержцы, стали замазывать их изображения. Комиссары заменили их новыми. Пойманные в этом преступлении будут расстреливаться на месте» [2, л. 215 об].

Во время налетов красные не упускали возможности глумления над святым. Так, в апреле 1920 г. наступавшие в направлении Читы красноармейцы в районе станицы Смоленской, заходя в дома казаков, громили божницы, разбивали иконы, на фотографиях выкалывали и счищали места, соответствующие погонам солдат. Согласно сводкам, «В каждом доме есть карточка родного, снятого с погонами. Возмущение этим хулиганством царит всеобщее, так как живут сплошь казаки» [2, лл.194, 196, 196 об.].

В читинских газетах печатались объявления следующего содержания: «В последнее время большевики, сбрасывая бомбы с аэропланов по деревням, стали наносить вред. Что это за нечеловеческие поступки!» [2, л. 233 об.].

Обстановка, согласно сводкам, в Верхнеудинске за 23 марта 1920 г.: «Восстание на почве полного отсутствия хлеба, который продается только за романовские деньги. Подавляли восстание мадьяры, расстрелявшие 2000. Они занимаются грабежом жителей, при обысках отбирают вещи, насилуют женщин. Лицо, прибывшее из Иркутска, сообщает, что иркутские большевики, все в китайских магазинах многих китайцев, не успевших убежать из города, убили. Последние эшелоны чехов из Иркутска были буквально осаждены интеллигенцией, просившей хлеба. За остатками супа ... кухни собиралась очередь более 100 человек. Силы Щетинкина увеличились, фронт его расширяется. 15 марта занят Канск, имеются пока непроверенные сведения. Отряд Щетинкина начинает занимать станцию к западу от станции Тайга в сторону Николаевска» [2, лл.103, 103 об., 104].

Обстановка в Иркутске, согласно сводкам за 5 апреля 1920 г., была следующей: «Открыт прием телеграмм в Европейскую Россию с оплатой по 2 рубля романовскими деньгами за слово. У телеграфа дежурят огромные очереди... В то же время представителю одной из иностранных миссий комиссаром телеграфа секретно было сообщено, что телеграф работает на запад только до станции Черемхово, дальше же телеграмма передана быть не может. По

тем же данным на станции Бада прибыл так называемый «пропагандистский поезд» с агитаторами и большевистской литературой, бесплатно распространяемой среди населения» [2, лл.141 об., 142, 142 об.].

Таким образом, рассмотренные нами документы свидетельствуют о том, что Гражданская война имела региональные особенности. В Забайкалье в борьбе с большевизмом были предприняты попытки противостоять организованно, в отличие от Пермской губернии, где крестьянство регулярно подвергалось нападениям. Еще одна особенность Забайкалья – это участие интернациональных частей на стороне белой армии, что явно не способствовало ее популярности среди русского населения. Преимущество красных было в массовости, отчаянности среди молодежи, хорошо налаженной системе агитации и пропаганды.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-49. Оп.3. Д. 380.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39538. Оп.1. Д. 1.

Друзяка Андрей Викторович, д-р ист. наук, доцент
Кафедра истории России и специальных исторических дисциплин
Благовещенский государственный педагогический университет (Благовещенск)
druzyaka12@mail.ru

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА
АМУРСКОЙ ТРУДОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(АПРЕЛЬ-СЕНТЯБРЬ 1918 Г.)

УДК 93
DOI 10.48344/BSPU.2021.63.23.010

Аннотация. В статье рассматривается процесс и особенности формирования органов судебной власти, проходивший в Амурской трудовой социалистической республике в период с апреля по сентябрь 1918 г. В условиях открытого гражданского противостояния новые региональные власти во главе с большевиками предприняли попытку упразднения судебных институтов и полного переустройства системы правоохранительных органов в соответствии с декретами советской власти.

Ключевые слова и фразы: Благовещенск, Амурская трудовая социалистическая республика, судебная система.

Andrey Druzyaka, Doctor in History, Associate Professor
Department of History of Russia, and Special historical disciplines
Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)
druzyaka12@mail.ru

JUDICIAL SYSTEM OF
THE AMUR LABOR SOCIALIST REPUBLIC
(APRIL-SEPTEMBER 1918)

Abstract. The article examines the process of the formation of judicial authorities, which took place in the Amur Labor Socialist Republic from April to September 1918. In the face of open civil confrontation, the new regional authorities, led by the Bolsheviks, attempted to abolish judicial institutions and completely reorganize the law enforcement system in accordance with the decrees of the Soviet government.

Key words and phases: Blagoveshchensk, Amur Labor Socialist Republic, judicial system.

События русской революции февраля-октября 1917 г. вызвали волну преобразований на дальневосточных окраинах страны: в первую очередь в городах, крупных промышленных и административных центрах Приамурья и Приморья. Они касались всех значимых сфер общественной жизни – были изменены порядок государственного управления и государственного устройства, реорганизована система органов государственного управления. В марте 1917 г. были отменены все формы социального неравенства и сословного разделения, началось формирование новых органов власти на местах. После прихода к власти Советов коренному изменению должны были быть подвергнуты и существовавшие формы собственности. Соответственно, разрушению должна была быть подвергнута вся существовавшая ранее система российских публично-государственных институтов, включая государственный аппарат и систему права, которые были признаны инструментами эксплуатации и основой закрепления классового неравенства.

Сфера правосудия в советской России в первую очередь подлежала принципиальному переустройству и была кардинально преобразована в соответствии с декретом СНК «О суде». 5 декабря (22 ноября) 1917 г., с принятием которого профессиональный принцип формирования судебных органов был фактически заменён выборами народных судей. Необходимость в принятии данного законодательного акта была обусловлена принципиальной позицией большевиков, направленной на решительный слом судебных учреждений, существовавших до Октябрьской революции. В.И. Ленин писал о том, что «...безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения..., а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно» [5, с. 162, 163].

Декретами «О суде» Совет народных комиссаров постановил, в частности:

1. «Упразднить донныне существующие общие судебные установления..;
2. Приостановить действие существующего донныне института мировых судей, заменяя мировых судей, избираемых донныне непрямыми выборами, местными судами и лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей... Для разрешения уголовных дел на фронтах местные суды тем же порядком избираются полковыми советами, а где их нет – полковыми комитетами. О судопроизводстве по прочим судебным делам будет издан особый декрет.
3. Упразднить донныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры... В роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам – поверенными, допускаются все неопороченные граждане обоого пола, пользующиеся гражданскими правами;
4. Для принятия и дальнейшего направления дел и производств как судебных установлений, так и чинов предварительного следствия и прокурорского надзора, а равно и советов присяжных поверенных, соответствующие местные Советы Р., С. и Кр. Депутатов избирают особых комиссаров, которые принимают в свое ведение архивы и имущества этих учреждений...;
5. Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию...;
6. По всем спорным гражданским, а также и частно-уголовным делам стороны могут обращаться к третейскому суду...;
7. Право помилования и восстановления в правах лиц, осужденных по уголовным делам, впредь принадлежит судебной власти...;
8. Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц учреждаются рабочие и крестьянские Революционные Трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых Губернскими или Городскими Советами Р., С. и Кр. Депутатов» [4].

Таким образом, коренным образом изменялся принцип формирования судебных учреждений, в которых отныне осуществлялся подбор кадров для любых советских учреждений исключительно из среды близких сторонников, с полным исключением идеологических оппонентов. Процесс ликвидации судебных учреждений в начале 1918 г. осуществлялся в тех местностях, на которые распространялась Советская власть. В частности, по данным А.С. Смыкалина, в Самаре «старые» суды были ликвидированы 2 (15) января 1918 г., в Екатеринбургe – 19 января (1 февраля), в Нижнем Новгороде – 15 (28) января [6, с. 39-42]. К середине 1918 г. новые суды были созданы почти повсеместно [1, с. 85-94].

В Амурской области в ходе первых 3-х прошедших в период 1917 – начала 1918 гг. представительных съездов областных депутатов обозначилось острое идейное противостояние между большевиками и представителями других политических сил. Коренные общественно-политические изменения, а также нерешенные вопросы о власти, о составе органов местного самоуправления, о характере и порядке дальнейших преобразований, неизбежно приводили к радикализации общественной жизни, вызывавшей, в свою очередь, жесткое политическое противостояние, вылившееся в итоге в кровопролитную гражданскую войну.

6 марта 1917 г. в Благовещенске местными властями был организован Комитет общественной безопасности, ставший органом Временного правительства, официально представлявшего в то время государственную власть в России. 27 октября 1917 г. события в столице обсуждались на заседании благовещенской городской Думы, однако городским властям удалось скрывать от населения факт произошедшего там переворота и прихода к власти большевиков вплоть до 11 ноября 1917 г.

В январе 1918 г. в область с фронта вернулись казаки 1-го Амурского казачьего полка, в котором были сильны революционные настроения. В период проходившего в Благовещенске 4-го объединенного Съезда крестьян и казаков Амурской области (180 делегатов) и Совета депутатов Благовещенска (150 делегатов) провозгласил переход власти в области в руки Советов.

Вместе с тем в области также широко были представлены контрреволюционные и охранительные силы. В марте 1918 г. в Благовещенске под руководством атамана АКВ И.М. Гамова активизировалось движение граждан, объединённых в отряды милиции для «самоохраны» от криминала, орудовавшего в городе. Разгром этого движения отрядами красногвардейцев, вошедший в советскую историографию как «подавление т.н. «Гамовского мятежа», вызвал окончательный раскол в обществе, приведший к фактическому переходу власти в руки Советов.

Многие судебные деятели Благовещенского окружного суда участвовали в этих событиях на стороне т.н. «мятежников» и после вытеснения их из города укрылись в Китае – в Сахаляне (Хэйхэ) и Харбине. При этом известно, что они, фактически находясь за границей, считали это своё состояние временным, а себя – находящимися по-прежнему на службе в суде. Перед теми немногими судебными деятелями, кто остался на российской территории, встал вопрос выбора «белой» или «красной» стороны политического, а затем и военного конфликта.

Заседавший 1–10 апреля 1918 г. в Благовещенске 5-й объединённый областной съезд трудящихся провозгласил создание Амурской трудовой социалистической республики (Амурская социалистическая федеративная республика) [3, с. 32.]. В ходе преобразований, намеченных в соответствии с его решениями, было объявлено о национализации всех крупных и средних предприятий промышленности и торговли, речного флота. Руководствуясь советским «Декретом о земле», областной съезд трудящихся отменил все старые формы землевладения и постановил перераспределить всю пахотную землю по среднедушевой норме в 7-9 десятин.

Впоследствии в Амурской трудовой социалистической республике были созданы чрезвычайные и полномочные органы – военно-революционный штаб, контрольная комиссия, комиссия по борьбе с контрреволюцией, ревтрибунал. Летом 1918 г. органы власти Амурской трудовой республики были переформированы в соответствии с недавно принятой Конституцией РСФСР: появились облисполком, военный комиссариат, комиссариаты внутренних дел, земледелия и т.д. Усилились связи и взаимодействие области с Дальсовнаркомом и Центросибирью, которые оказали помощь кадрами, финансами, техническими средствами.

Вместе с тем формирование органов революционного правосудия столкнулось с рядом трудностей. О положении дел в этой сфере, сложившемся в Амурской трудовой республике в 1918 г., мы можем судить по сведениям, полученным из отчета о деятельности областного Комиссара юстиции, положения о судах в Амурской республике, протокола заседания су-

дебной секции 6-го съезда Советов трудящихся, материалов доклада А. Чернушкина о суде, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации.

В отчете о деятельности комиссара юстиции Амурской трудовой республики на 1 июня 1918 г. содержатся сведения о ликвидации органов Благовещенского окружного суда, прокурорского надзора, мировых судей, судебных следователей и приставов, присяжных адвокатов и замене их избранными местными народными судьями. Вместе с тем, в отчете комиссара юстиции указывалось, что «суд, как местный, так и окружной народный, должны быть построены на основании Декретов № 1 и 2 «О суде» ЦИК и СНК РСФСР, а *не на основании обстоятельств дела и Революционной совести*» (курсив автора) [ГАРФ. Ф.9441.Оп.1. Д.1. Лл.8]. Судебные органы в Амурской республике в этот период были представлены следующим образом:

1. Местный народный суд;
2. Съезд народных судей;
3. Народный окружной суд;
4. Областной народный суд;
5. Судебный верховный контроль – революционный Трибунал 2-х родов [ГАРФ.

Ф.9441.Оп.1. Д.1. Л.21.].

Вместе с тем можно уверенно констатировать, что реформа судебных учреждений здесь столкнулась в первую очередь с фактическим отсутствием квалифицированных кадров юристов, готовых поступить на службу в новые органы правосудия. Кроме того, для новых властей вопросы правовой реформы явно отступали на задний план в условиях товарного дефицита, саботажа, массового правового нигилизма, угрозы военного уничтожения республики.

Другим важным фактором, не позволившим развернуть новую систему органов юстиции, являлось фактическое отсутствие принципиально новой правовой базы, позволявшей адекватно совместить декларативные положения первых советских декретов и реальность дальневосточного жизненного уклада, основанного, в немалой степени, на свободе рыночных отношений, частной собственности, прав и свобод личности. В частности, серьезные противоречия вызывали предпринятые властями республики попытки регулирования ценообразования и управления объектами собственности. В результате попытки организовать новую систему правосудия в обстановке разгорающейся гражданской войны на Дальнем Востоке в этот период фактически оказались несостоятельными.

1 сентября 1918 г. в Амурской трудовой республике было объявлено осадное положение, 17 сентября началась эвакуация в северные районы, а 18 сентября 1918 г. Благовещенск был взят переправившимися через Амур белогвардейскими и японскими войсками. Существование Амурской трудовой социалистической республики на этом прекратилось.

Вплоть до февраля 1920 г. на территории Амурской области действовала «белая» власть, под покровительством японских интервентов в первую очередь реставрировавшая многие дореволюционные порядки. В этот период была временно восстановлена юрисдикция Благовещенского окружного суда и действие дореволюционного законодательства в основных сферах общественно-экономической жизни.

В феврале 1920 г. войска интервентов и белогвардейцев были вытеснены из Амурской области, в августе 1920 г. область вошла в состав Дальневосточной республики. В период 1920-1922 гг. революционные преобразования органов юстиции в области были завершены, в их состав были включены и отдельные профессиональные юристы, ранее служившие в имперских окружных судах. Некоторые из них выполняли профессиональные функции в народных судах вплоть до середины 1930-х гг. В дальнейшем строительство судебных органов в Амурской области осуществлялось в соответствии с Конституцией и законами ДВР, а с 1923 г. – в соответствии с союзным и республиканским законодательством СССР.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Антонова Л.И. Великая Октябрьская революция и создание народных судов (1917–1918 гг.) // Правоведение. – 1969. – № 3. – С. 85-94.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.9441.Оп.1. Д.1.
3. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: «Советская энциклопедия», 1983. С. 32.
4. Декрет Совета Народных Комиссаров «О суде» от 5 декабря (22 ноября) 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/>. (Дата обращения: 31.08.2019).
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 162, 163.
6. Смыкалин А.С. Создание советской судебной системы // Российская юстиция. – 2002. – № 2. – С. 39-42.

Зайнутдинов Динар Рафаилович, канд. юрид. наук, доцент
Кафедра теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП) (Казань)
Руководитель юридического отдела
Институт социальных и гуманитарных знаний
knight_1988@mail.ru

БУРЯТИЯ В СИБИРСКО-ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1917-1920)

УДК 340.15
DOI 10.48344/BSPU.2021.46.31.011

***Аннотация.** В статье рассматривается развитие бурятской автономии в период революции 1917 года и Гражданской войны 1918-1920 годов. Основное внимание уделяется проблеме интеграции Бурятии в сибирско-дальневосточное правовое пространство, формируемое Временным Сибирским правительством, а позже в общероссийское правовое поле, создаваемое Российским правительством. Отдельно изучены вопросы формирования органов государственной власти бурятской автономии (законодательные и судебные) и местного самоуправления бурят. В процессе исследования автором также затронуто развитие бурятского национального движения и его идеологический вектор.*

***Ключевые слова и фразы:** Бурятия, Сибирь, Дальний Восток, правовое пространство, революция, Гражданская война, Временное Сибирское правительство, Российское правительство.*

Dinar Zaynutdinov, Cand. Sc. in Legal, Associate Professor
Department of Theory of State and Law and Public Disciplines
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML) (Kazan)
Head of Legal Department
Institute of Social Sciences and Humanities
knight_1988@mail.ru

BURYATIA IN THE SIBERIAN-FAR EASTERN LEGAL SPACE (1917-1920)

***Abstract.** The article examines the development of Buryat autonomy during the revolution of 1917 and the Civil War of 1918-1920. The main attention is paid to the problem of integration of Buryatia into the Siberian-Far Eastern legal space formed by the Provisional Siberian Government, and later into the all-Russian legal field created by the Russian government. The issues of the formation of state authorities of the Buryat autonomy (legislative and judicial) and local self-government of the Buryats were studied separately. In the course of the research, the author also touches on the development of the Buryat national movement and its ideological vector.*

***Key words and phases:** Buryatia, Siberia, Far East, legal space, revolution, Civil War, Provisional Siberian Government, Russian government.*

В национальных движениях народов Сибири и Дальнего Востока (якутского, алтайского, бурятского и других) сибирское областничество 1917-1920-х годов не видело соперников, а как раз наоборот стремилось к установлению партнерских отношений. Во-первых, это обуславливается значительной территориальной удаленностью от основных национальных дви-

жений и мест их общественно-политической деятельности. Во-вторых, в плане политико-правового оформления сибирское областничество являлось авангардом среди всех сибирских и дальневосточных федералистов, тем самым приобретая авторитет среди них. В-третьих, интеллектуальный авангард сибирского областничества, в отличие от иных национальных движений на территории Сибири и Дальнего Востока, был значительно мощнее. Таким образом, в 1918 году с момента установления антибольшевистских режимов в России восток страны отличался большей стабильностью общественно-политического развития. Поэтому в сравнении с Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания, Временное Сибирское правительство более успешно осуществляло создание единого правового пространства на контролируемой территории. Иначе говоря, если единство волго-уральского правового пространства оформлялось поэтапно, в результате добровольного объединения антибольшевистских режимов данного региона и их признанием правосоциалистической доктрины правовой модели, то сибирско-дальневосточное правовое пространство изначально конструировалось в центре, а в последующем распространялось на другие территории. В частности, создаваемая нормативной правовой базой Сибирской Областной думой и Временным Сибирским правительством охватывала территорию от Урала до Дальнего Востока. В дальнейшем сибирская антибольшевистская доктрина правовой модели (сначала правосоциалистическая, далее либерально-демократическая) стала фундаментом, из которого в дальнейшем исходило правотворчество Российского правительства.

В годы Гражданской войны Сибирь и Дальний Восток в результате развития единого правового пространства продемонстрировали способность к независимому от центра и вполне самостоятельному существованию. Более того, в общероссийском масштабе сибирская антибольшевистская государственность стала не плохим примером для использования ее и в других регионах. Например, И.И. Серебренников «считал неизбежным повторение “сибирской модели” областного управления в Литве, Белоруссии, на Украине и на Кавказе. Поддержку “областничества” оказывали эсеры, исходившие в своей политической программе из принципа “широкой автономии областей и общин”, а также кадеты, утвердившие на VIII-м партийном съезде принцип расширения полномочий “территориальных союзов” (губернских и областных земств) при сохранении права центральной власти “останавливать введение в действие законов, нарушающих установленные пределы автономии”¹. Областничество, как и национализм, есть надидеологическое явление, что позволяет принимать в основу политико-правового базиса практически любые идеи и доктрины от консервативного либерализма до социализма. Именно поэтому в движении сибирского областничества участвовали как отдельные представители правых эсеров и меньшевиков (П.В. Вологодский, П.Я. Дербер, Н.Н. Козьмин, Е.Е. Колосов, В.И. Моравский, И.А. Якушев, М.Б. Шатилов, М.И. Шумиловский и другие), так и правые кадеты, и беспартийные либерал-демократы (А.Н. Гаттенберг, В.Н. Пепеляев, И.И. Серебренников, С.В. Востротин и другие). Но все же большинство сибирских областников примыкало к правосоциалистическим группам (эсерам и энесам). Кроме того, как пишет А.В. Сушко, с 1917 года среди областников существовало подразделение на федералистов и автономистов.² Этот аспект существенно ослаблял политическую силу областничества. В частности, «6-17 октября 1917 г. областникам и их сторонникам удалось провести в Томске Сибирский областной съезд, где главным образом обсуждались вопросы будущего автономного устройства Сибири. Однако на съезде так и не удалось достичь взаимопонимания между автономистами и федералистами»³.

¹ Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917-1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. С. 345.

² Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 56.

³ Сибирь в составе Российской империи / автор. колл.: И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский. Ответ. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 332.

В 1917 году национальные и областнические движения бурно дискутировали по вопросу формы территориального устройства. Первое место в общественно-политических дебатах занимали вопросы о федерализме и регионализме, территориальной и культурной автономии, развитии национального образования, об организации местного самоуправления и прочее. Данные вопросы обсуждались под руководством деятелей сибирского областничества, поддержку которым обеспечивали различные национальные группы. Формирование правового пространства той или иной территории во многом зависело от способности взаимодействия русской интеллигенции с представителями национальных движений. Признание самоопределения за нерусскими народами (в форме территориальной и культурной автономии) обогащало государственность новыми институтами власти, а правовое пространство демократическим нормами права.

Среди национальных движений Сибири и Дальнего Востока ярко выделялось бурятское (бурят-монгольское). Буряты, находясь на волне возрождения национального самосознания, стремились к получению максимально широкой автономии. I Всебурятский съезд был проведен в апреле 1917 года. Именно он положил начало оформлению государственности бурят. На съезде было принято решение деления бурятских земель на три административно-территориальные единицы (условно – сельское поселение, волость, уезд): сомоны, хошуны (кожууны), аймаки. Высшим органом власти стал Бурятский национальный комитет, размещенный в Чите и имеющий отделение в Иркутске. Фактически на него была возложена обязанность создания «Бурятского государства». Примечательно, что Бурятский национальный комитет самостоятельно осуществлял финансовую политику и был наделен правом взимания налогов.

Нельзя не отметить, что политическому самоопределению бурят способствовал и рост численности народа. В частности, по переписи 1897 года бурят насчитывалось 288 600 тысяч (а с учетом монголов 289 112 тысяч), или более 35% численности всего коренного населения.⁴ К 1911 году бурят-монголов стало уже 332 656 тысяч.⁵ В связи установленным в имперской государственности монархическо-консервативным и шовинистическим лозунгом «Россия для русских», буряты не отбывали воинскую повинность, а это в свою очередь, оградило народ от людских потерь в период Первой мировой войны (хотя они несли денежную повинность на военные нужды)⁶.

«Особенностью бурятского национального движения являлось отсутствие самостоятельной политической партии. Большинство политически активных бурят продолжали поддерживать эсеров и группироваться вокруг Бурятского Национального комитета, первый состав которого был избран в апреле 1917 года»⁷. Однако с юридической точки зрения образование Бурятского национального комитета, есть дело намного более значимое, чем существование просто политической партии. Фактически Бурятский национальный комитет выстраивал фундамент для создания будущих органов государственной власти «Бурятского государства», очерчивал правовое поле для возвращения на нем нормативной правовой базы, регулирующей вопросы национального спектра. Так, В.А. Тишков отмечает, что «еще в апреле 1917 г. бурятский съезд в Чите разработал “Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии”, но он не был одобрен Временным правительством»⁸. Тем не менее, первый опыт правотворчества оказал огромное влияние в деле государственного строительства.

⁴ Там же. С. 207, 345.

⁵ Там же. С. 345.

⁶ Там же. С. 221.

⁷ Василевский В.И. Забайкальская белая государственность: Крат. очерки истории. Чита: Поиск, 2000. С. 94.

⁸ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2013. С. 202.

1917 год в деле создания основ национально-территориальной автономии для бурят прошел весьма плодотворно. Но «Октябрьская революция разделила бурят, как и другие народности, на сторонников и противников Советской власти, хотя многие бурят старались остаться вне этого деления»⁹. Знаменитый сибирский областник, министр снабжения Российского правительства (в период с ноября 1918 – до февраля 1919 года) И.И. Серебренников указывал: «Во время революции буряты “самоопределились” и образовали свои хошунные (волостные) и аймачные (уездные) управления, а во главе своего автономного управления имели Бурятскую народную думу с местопребыванием таковой в Чите. Бурятская интеллигенция в это время за весьма малыми исключениями стала усиленно “левить”, и среди ее представителей можно было отыскать все оттенки левых политических настроений, имевшихся тогда в России, начиная народными социалистами и кончая большевиками»¹⁰. Однако социалистический уклон бурятской интеллигенции был присущ ей уже в начале XX века. Это отмечал правый эсер, министр просвещения Комуча Е.Е. Лазарев: «Бесстрашная защита политическими местного населения от несправедливых притеснений со стороны местных – низших и высших – властей создала по всей Сибири традицию почтительного отношения к “политикам” или “государственным преступникам”, как к людям, “которые, по мнению инородцев, бурят и якутов, поссорились с самим царем и не боятся никакого остального начальства”»¹¹. Тем не менее, стремление бурятской интеллигенции к государственному суверенитету с одной стороны ослабляло общесибирских политиков, но с другой, социализм сближал национальное и областническое движение. «Несмотря на сильное противодействие эсеров, иркутским областникам удалось создать предвыборный блок с бурятами, решившими тоже самостоятельно выступить на выборах. Это соглашение с бурятами означало для нас известный успех»¹², – писал И.И. Серебренников.

Роль же большевиков в Бурятии в 1917-1918 годы советскими историками сильно преувеличена.¹³ При территориальной оторванности Сибири, и тем более Дальнего Востока, от центра России – вотчины большевиков, установлении однородной советской власти произойти просто не могло. Следует учитывать и отсутствие в условиях революционного времени каких бы то ни было единых и абсолютно авторитетных органов власти регионального характера. Кроме того, характер большевизма в Сибири и на Дальнем Востоке был весьма специфическим. Большевики во многом солидаризировались с правосоциалистическими группами, а к 1919 году вообще слились в борьбе против колчаковского режима. Поэтому в работах советских историков проскальзывают невозможные для сокрытия факты о доминировании правосоциалистического вектора в бурятском национальном движении и органах власти. Например, Ф.А. Кудрявцев и В.П. Гирченко писали: «В воззвании органа буржуазных националистов Бурятии – Нацкома характерно полное смешение принципов советской власти и буржуазной демократии»¹⁴. Однако Бурятский Национальный комитет, в отличие от искусственно созданного Забайкальского областного совета рабочих и сельских депутатов, выступал реальным органом. Верным являлось то, что бурятское, как и другие национальные движения, стремилось сохранять «враждебный нейтралитет» по отношению к советской власти, то есть сохранять правосоциалистический вектор, не ссориться со сторонниками боль-

⁹ Василевский В.И. Указ. соч. С. 92.

¹⁰ Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход / сост. и предисл. В.А. Майера. М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2003. С. 460.

¹¹ Лазарев Е.Е. Моя жизнь (воспоминания-статьи-письма-материалы). Прага: типогр. «Легиография», 1935. С. 174.

¹² Серебренников И.И. Указ. соч. С. 291.

¹³ Кудрявцев Ф.А., Гирченко В.П. От свержения царизма к автономной Бурят-Монгольской АССР // От царской колонии до советской республики: сборник / под ред. М.А. Гудошникова, А.И. Убугунэ. М.; Иркутск: Тип. ОГИЗА треста «Полиграфкнига», 1933. С. 27-58.

¹⁴ Там же. С. 43.

шевики. Иначе говоря, политики придерживались принципа социалистического плюрализма.

В первый этап Гражданской войны, а точнее период существования правосоциалистических антибольшевистских государственных образований (до ноября 1918 года), национальные движения в России развивались весьма динамично, не встречая сопротивления со стороны общероссийской власти, стремящейся к созданию социал-демократического правового пространства. Правосоциалистические политики и национальная интеллигенция в целом шли параллельным курсом, что четко прослеживается, например, во взаимодействии Комуча с башкиро-татарским, чувашским и казахским национальными движениями. В Сибири и на Дальнем Востоке это взаимодействие обеспечивало Временное Сибирское правительство. Оно, несмотря на трансформацию правовой политики с правосоциалистического к либерально-демократическому базису, относилось положительно к развитию бурятами, якутами и алтайцами органов местного управления и самоуправления, желая их встраивания в правовое пространство сибирской государственности. Временное Сибирское правительство предпочитало не вмешиваться в процесс формирования местного управления у сибирских и дальневосточных народов, создавая для них лишь нормативные рамки за которые региональные законотворцы не должны были выходить. Это повлияло на то, что нерусские народы в военном плане не были активно вовлечены в дело отстаивания сибирско-дальневосточной государственности. Например, П.А. Новиков, отмечает: «Существенной ошибкой, допущенной осенью 1918 года Временным Сибирским правительством, было и то, что оно даже не пыталось учесть в военном строительстве специфику Забайкальской области и территорий русского Дальнего Востока. В Омске не приняли во внимание ни наличие в Забайкалье значительной доли ранее не служившего в армии бурятского и тунгусского населения, ни малолюдность областей Дальнего Востока. Привлечение инородческого населения к военной службе могло бы существенно облегчить тяготы казачьего населения»¹⁵. Воинские формирования бурят (силы самообороны – Улан-Цагда) были созданы только в 1919 году¹⁶. Исходя из этого можно сказать, что Временное Сибирское правительство в основу построения государства закладывала идею децентрализованной федерации. Фактически распределение компетенции осуществлялось таким образом, чтобы проблемы решались на том уровне власти – федеральном или региональном, на котором они возникают. В этом случае потребность вмешательства федеральной власти возникает тогда, когда проблема выходит за рамки полномочий субъектов федерации. Поэтому общесибирская власть и национальные движения в Сибири и на Дальнем Востоке развивались не только параллельно, но и несколько обособленно. Но в то же время нормативная правовая база Временного Сибирского правительства предопределяла формирование всего сибирско-дальневосточного правового пространства.

Существенным рывком в период 1917-1918 годов для бурятской государственности стало создание системы национального образования, направленным на подготовку национальных кадров для органов власти. Огромную роль в этой сфере сыграли Общебурятские съезды. «В области культурно-национальной съезды представителей бурят-монгольского населения, характеризуя русификаторскую политику царского правительства, которое “стремилось к уничтожению бурято-монгольского языка”, изгоняло его из школ и учреждений и “тем самым нанесло национальной культуре огромный вред выносили постановления приступить немедленно к национализации школы. Общебурятский съезд 6-8 мая (23-25 апреля) в Чите, признав национализацию школ неотложной задачей национального самоопределения, поручил бурятскому училищному совету (в Чите) разработать план создания новых

¹⁵ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 110-111.

¹⁶ Указ Народной думы бурят-монгол Восточной Сибири «О призыве в народные бурятские Цагды (войска)» от 3 января 1919 года // Государственный архив Российской Федерации. Фонд Р176. Опись 3. Дело 80. Лист 3.

школ и учительских курсов внешкольного образования и издательского дела на родном языке. Было постановлено с начала 1917/1918 учебного года в бурятских школах приступить к преподаванию на родном языке, ввести в программу историю бурят и монголов, историю монгольской литературы и бурятоведение. Съезд возбудил ходатайство перед правительством об ассигновании пособия на оборудование типографии и на издание учебников и книг на бурятском языке и вообще поставил задачу изыскания средств для этой цели»¹⁷. В условиях революции и Гражданской войны появилось Положение «О Забайкальском монголо-бурятском Училищном Совете»¹⁸, нормы которого были направлены на определение правового положения бурятской национальной школы, в общесибирском правовом поле. Пунктом 1 Положения устанавливалось, что все бурятские училища Забайкальской области, а также и дело внешкольного образования среди бурятского населения находятся в непосредственном ведении Бурятского Училищного Совета, состоящего при Бурятском Национальном комитете. В соответствии с пунктом 3 Положения определялось, что Бурятский Училищный Совет действует в пределах прав и полномочий предоставленных земским надшкольным органом по народному образованию. К его обязанностям относилось:

- приведение в исполнение постановлений и распоряжений государственной власти и Забайкальской областной Земской управы по народному образованию;
- проведение в жизнь директив и постановлений национальных бурятских организаций и съездов, касающихся культурно-просветительной работы среди бурят в пределах общих школьных установлений;
- назначение, перемещение и увольнение учащихся бурятских училищ и служащих по внешкольному образованию;
- распоряжение кредитами на школьное и внешкольное образование, отпускаемыми от государства, земства и бурятских обществ;
- разработка учебно-воспитательных вопросов, финансового плана и смет всего дела народного просвещения среди бурят, собрание статистического материала по народному образованию, разработка предложений об открытии новых учебных заведений, забота о развитии просветительных учреждений внешкольного характера;
- осуществление контроля над подведомственными учебными заведениями и другими просветительными учреждениями.

Таким образом, Временное Сибирское правительство и бурятское национальное движение в своей деятельности руководствовались общим курсом по выстраиванию правосоциалистического правового пространства.

Очередной этап развития сибирско-дальневосточного правового пространства знаменуется государственным переворотом, произошедшим 18 ноября 1918 года. В результате этого переворота началось нивелирование влияния левого крыла областничества на органы государственной власти в Сибири и на Дальнем Востоке, что негативно сказалось на национально-территориальной политике формирующегося сибирско-дальневосточного правового пространства. На первоначальном этапе развития «белой» государственности в Сибири Российское правительство отказалось от национальной политики Временного Сибирского правительства. Унитарные и центристские тенденции в вопросе выбора формы территориального устройства будущей России преобладали достаточно длительное время (до ноября-декабря 1919 года). «Принцип “единой и неделимой России” стал подкрепляться заявлениями о возрождении национального самосознания русского народа. Федерация допускалась, но лишь как отдаленная перспектива. На повестке дня для ПНС стояли исключительно тактические задачи, в первую очередь – объединение разрозненной, ослабленной и распавшейся на от-

¹⁷ Кудрявцев Ф.А., Гирченко В.П. Указ. соч. С. 31-32.

¹⁸ Положение «О Забайкальском монголо-бурятском Училищном Совете» 1918 год // ГА РФ. Ф. Р1701. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

дельные части России»¹⁹. В этот период национальные движения на территории Сибири и Дальнего Востока вполне справедливо выдвигали требования о предоставлении национально-культурной и национально-территориальной автономии.

В ноябре 1918 года Бурятский национальный комитет был «объединен с бурятским отделом “Правительства Забайкальской области” атамана Г.М. Семенова. Созданные при этом аймачные отряды “Улан-Цагда”, которые должны были защищать национальные земства, на деле же стали карательными. К тому же бурятские лидеры были вынуждены согласиться на сотрудничество со сторонниками идеи панмонголизма, которую поддерживали атаман Семенов и японские военные круги»²⁰. Как не парадоксально, но в правовой политике местной «белой» власти на Дальнем Востоке одновременно уживались имперско-великодержавные и панмонголистские идеи. При этом ни те, ни другие не отвечали запросам бурятского национального движения, стремившегося к созданию суверенной государственности, либо к широкой национально-территориальной автономии в составе сибирской федерации. Однако последняя модель после ноябрьского переворота 1918 года отпала. Власть атамана Г.М. Семенова вызвала то, что часть членов Бурятского национального комитета вышла из его состава. «В ноябре 1918 года, Комитет преобразовали в Бурятскую национальную думу, которую возглавил Д. Сампилон (он же являлся председателем Бурятского национального комитета. – Д.З.). Хотя официально Дума не была признана белыми властями, последние не препятствовали ее деятельности»²¹. Но в связи с ослаблением центральной власти Российского правительства и усилением панмонгольских тенденций в администрации атамана Г.М. Семенова, деятельность Бурятской национальной думы по сути была парализована. Официальный же роспуск Думы произошел только в октябре 1920 года.

После установления власти Российского правительства, на смену сибирско-дальневосточному правовому пространству пришла идея формирования общероссийского правового пространства. В новых условиях лидеры бурятского национального движения через Бурятскую национальную думу обозначили необходимость решения ряда принципиальных вопросов, которые должны были способствовать созданию бурятской национально-территориальной автономии и ее интеграции в формирующееся общероссийское правовое поле. Эта позиция была отражена в докладной записки, направленной в министерство внутренних дел Российского правительства²². В ней отмечалось на необходимость:

- продолжения формирования и развития бурятских органов местного самоуправления;
- учета специфики ведения бурятского хозяйства, в том числе сложившего общинного пользования землей и преобладанием скотоводства;
- невмешательства в процесс национального просвещения населения;
- учета религиозно-светской особенности образования.

Кроме того, в записке подчеркивалось: «В настоящее время в связи с общемировой политикой, выступлением японцев в Сибири и внутренним состоянием самой России следовало бы обратить особенное внимание хотя бы на ближний восток; с этой точки зрения притеснение бурят, ..., не оправдывается ни внутренней политикой, ни тем более охраной русских государственных интересов на окраине. Пора бы отказаться русской власти от применения к ... бурятам так называемой “окраинной политики”, политики игнорирования своеобразных интересов и нужд окраинных народностей. Будем надеяться, что новая русская власть в корне изменит эту политику, учитывая особые наши нужды, ибо этого требует не только долг Правительства пред управляемыми, но и здоровый государственный эгоизм. На основании

¹⁹ Васильева Е.В. Программные установки и политическая практика кадетов Сибири: май 1918 – январь 1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2011. С. 19.

²⁰ Тишков В.А. Указ. соч. С. 202.

²¹ Василевский В.И. Указ. соч. С. 94.

²² Докладная записка Председателя Национальной думы Бурят-Монголов Восточной Сибири в министерство внутренних дел Совета министров Российского правительства от 20 декабря 1918 года // ГА РФ. Ф. Р176. Оп. 1. Д. 23. Л. 16-19.

всего вышеизложенного прошу Министерство внутренних дел принять все зависящие от него меры к скорейшему прекращению репрессий в области национального строительства бурят-монголов Восточной Сибири и утверждению аймаков»²³. Однако, как и многие другие ходатайства от различных национальных организаций, это ходатайство не было рассмотрено, и решение национальных проблем бурятского народа Российским правительством было отложено. До зимы 1919 года Российское правительство препятствовало развитию органов национального самоуправления бурят. Аймачные органы бурят, созданные в 1917-1918 годы, не вписывались в национальную правовую политику «белого» режима. В этом отношении А.В. Сушко указывает: «Во-первых, идеология и политическая практика бурят-монгольского национализма противоречили националистической государственной идеологии колчаковского режима; во-вторых, в условиях милитаризации всех сфер жизни “белой Сибири” существование земских учреждений как независимых органов местного самоуправления, в сущности, не соответствовало военным институтам власти и их методам управления краем. В тех условиях бурятские аймаки, пытавшиеся встроиться в земскую систему органов местного самоуправления, вызвали двойную ненависть местных военных властей: и как органы националистов, и как земские органы»²⁴. Консервативные группы, наличествующие в составе Российского правительства, желали минимизации деятельности и без того ослабленных национальных органов власти, что отталкивало лидеров всех национальных движений от сотрудничества с «белым» режимом. Это никак не способствовало выстраиванию единого общероссийского правового пространства.

Подобное отношение Российского правительства к национальным движениям не могли не вызвать ответные действия. В результате среди бурятских национальных деятелей нашлись те, «которых возглавил ширетуй Кудунского дацана С. Цыденов. 18 апреля 1919 года ширетуй созвал тайное собрание своих сторонников, объявивших его царем бурятского теократического государства. Началась работа по вовлечению новых подданных, и власть нового царя признало население Кудунского сомона. Одновременно приближенные Цыденова разработали проекты законов теократического государства. Созванное 7 мая 1919 года Учредительное собрание отказалось признать областную администрацию, создало Кабинет министров и избрало президента и вице-президента. Зачем они понадобились – непонятно, ибо Цыденов называл себя “Царем трех миров”, хотя его власть признали только пять хошуннов»²⁵. Разработка нормативной правовой базы наилучшим образом отразила тяготение бурятской интеллигенции к государственному суверенитету, то есть к фактическому обособлению забайкальского правового пространства от сибирско-дальневосточного. Это стало прямым следствием центристской политики Российского правительства. Данный процесс Российское правительство постаралось остановить путем регионализации правового поля, а именно внеся элементы регионализма в сферу правоотношений центра и национально-территориальных единиц. Например, это было выражено в учреждении Российским правительством особой системы бурятского судоустройства. Так, «в августе 1919 г. из Омска вернулся член междудементальной комиссии по разработке проекта о национальном суде бурят, председатель Бурятского национального комитета И.И. Тунуханов. Он сообщил о том, что компетенция мировых судей переходит на хошунные и аймачные суды. Все судьи указанных судов становятся выборными. Причем хошунные должны были выбираться хошунным земским собранием либо особыми выборщиками от булуков. Хошунные суды были призваны рассматривать дела первой инстанции, аймачные – второй (апелляционной) инстанции. Председатели хошунных судов образовывали аймачный суд. Председатели хошунных судов утверждались Бурятским отделением Иркутского окружного суда, председатели аймачных судов – министром юстиции. Председатели аймачных судов должны были иметь

²³ Там же.

²⁴ Сушко А.В. Указ. соч. С. 259.

²⁵ Василевский В.И. Указ. соч. С. 93.

образование не ниже среднего, от хошунных судей требовалась только грамотность. Тогда же была уточнена компетенция бурятского суда. К ней отнесли все основные дела общей подсудности и те из уголовных дел, которые разбираются без участия присяжных заседателей»²⁶. Однако «буряты не смогли добиться от правительства Колчака разрешения на самостоятельное утверждение должностей управляющих, судей, в земских советах и милиции»²⁷. Тем не менее, создание системы бурятских судов было всего лишь одним положительным фактором среди огромного комплекса различных национальных проблем. Например, препятствование контактам монголов и бурят было связано с опасением образования независимого бурят-монгольского государства, хотя эти контакты преследовали лишь цель национально-культурного развития родственных этносов. Так, в Докладе Бурятской национальной думы председателю Совета министров от 9 июля 1919 года сообщалось: «Участие, бурятских деятелей в монгольских делах безусловно принесет не малую пользу России, не говоря уже о пользе от такого участия для самих монгол, обделенных интеллигентными силами, а с другой стороны, не исключена возможность того, что монголы окончательно отшатнутся от России, если Правительство в этом отношении будет чинить препятствия. Между тем это при современных условиях повлечет за собою потерю для России всех ее экономических и политических преимуществ и влияний в Монголии, на восстановление коих в будущем, быть может, потребуются гораздо больше жертвы, чем теперь»²⁸. Безусловно, культурная взаимосвязь родственных этносов была важной составляющей возрождающего национального самосознания бурят и самоидентификации его в группе монгольских народов.

Проявление империализма и великодержавия в национальной правовой политике Российского правительства привело как к ослаблению собственной власти, так и к ослаблению бурятской национальной интеллигенции. С другой стороны, это способствовало укреплению среди бурят позиций большевиков. В этом отношении советские историки писали: «В январе-феврале 1920 г. Иркутская губерния и входившая в нее часть Бурятии окончательно очищается от остатков колчаковских армий. В восточной части Бурятии освобождение от колчаковщины, семеновщины, интервенции несколько затянулось. С декабря 1919 г. по март 1920 г. здесь развивалась борьба партизан против остатков буржуазно-помещичьей контрреволюции. ... Решающим моментом освобождения восточной Бурятии от белогвардейщины и японской интервенции явилось взятие частями Забайкальской группы Восточносибирской Красной армии и партизанскими войсками Прибайкалья г. Верхнеудинска, происшедшее марта 1920 г. после упорной борьбы с семеновцами. Далее, к востоку борьба за подступы к Чите затянулась, вследствие сильной поддержки, оказанной атаману Семенову японскими интервентами, и закончилась лишь в октябре 1920 г., после взятия Читы народно-революционной армией и партизанами»²⁹. С октября 1920 года началась динамичная советизация сибирско-дальневосточного правового пространства, предусматривавшая переориентацию интересов бурятской интеллигенции на коммунистический вектор.

Таким образом, непродуманная и непоследовательная национальная политика Российского правительства в процессе формирования единого сибирско-дальневосточного правового пространства создавала серьезные препятствия. Более того, ее неконструктивизм вызывал противодействие, что приводило к появлению проектов об образовании независимых государств на Дальнем Востоке. Например, одним из таких проектов, как указывалось выше, был проект образования Г.М. Семеновым при поддержке панмонгольского движения «Централь-

²⁶ Звягин С.П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. С. 96.

²⁷ Тишков В.А. Указ. соч. С. 203.

²⁸ Доклад по монгольскому вопросу Народной думы Бурят-Монголов Восточной Сибири Председателю Совета министров Российского правительства от 9 июля 1919 года №1064 // ГА РФ. Ф. Р176. Оп. 1. Д. 23. Л. 6-10.

²⁹ Кудрявцев Ф.А., Гирченко В.П. Указ. соч. С. 50-51.

ноазиатской Федерации».³⁰ Но этот проект был заточен не на развитие демократических институтов, а исключительно продвигал новый имперский тип государственности, что совершенно не совпадало с целями бурятской интеллигенции. Идею создания «Центральноазиатской Федерации» поддерживала только зажиточная часть бурятского населения и ламаистское духовенство. Хотя эти проекты и выглядели весьма утопично, однако в результате попыток их реализации появлялись политико-программные и прочие документы правового характера, которые, с одной стороны, задавали динамику обособления правового пространства, а с другой, разрушали неокрепшее единство сибирско-дальневосточного (общероссийского) правового поля. Последствия данной политики дестабилизирующим образом сказывались и на развитии либерально-демократической доктрины правовой модели «белой» России, подрывали ее основы. Национальные регионы Сибири и Дальнего Востока после ликвидации Временного Сибирского правительства утратили желание войти в состав единого правового пространства и стремились к обособлению собственного – национального. В итоге преследуемая Российским правительством цель создания на базе сибирско-дальневосточного правового пространства единого общероссийского правового поля к концу 1919 года стала совершенно недостижимой.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Васильева Е.В. Программные установки и политическая практика кадетов Сибири: май 1918 – январь 1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Омск, 2011. – 23 с.
2. Василевский В.И. Забайкальская белая государственность: Крат. очерки истории. – Чита: Поиск, 2000. – 180 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Фонд Р176. Описание 1. Дело 23.
4. Государственный архив Российской Федерации. Фонд Р176. Описание 3. Дело 80.
5. Государственный архив Российской Федерации. Фонд Р1701. Описание 1. Дело 14.
6. Звягин С.П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 352 с.
7. Кожевников, В.А. Государственное устройство России в планах антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока (окт. 1917 – март 1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Хабаровск, 2000. – 27 с.
8. Кудрявцев Ф.А., Гирченко В.П. От свержения царизма к автономной Бурят-Монгольской АССР // От царской колонии до советской республики: сборник / под ред. М.А. Гудошниковой, А.И. Убугунэ. – М.; Иркутск: Тип. ОГИЗА треста «Полиграфкнига», 1933. – 96 с.
9. Лазарев Е.Е. Моя жизнь (воспоминания-статьи-письма-материалы). – Прага: типогр. «Легиография», 1935. – 312 с.
10. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 415 с.
11. Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход / сост. и предисл. В.А. Майера. – М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 695 с.
12. Сибирь в составе Российской империи / автор. колл.: И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский. Ответ. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
13. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 376 с.

³⁰ Кожевников В.А. Государственное устройство России в планах антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока (окт. 1917 – март 1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Хабаровск, 2000. С. 22.

14. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2013. – 649 с.
  15. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917-1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). – М., 2008. – 520 с.
-

Землянский Вадим Леонидович, старший научный сотрудник
ФКУ «Информационный историко-научный центр –
Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации» (Москва)
groningen1991@gmail.com

ВЫБОРЫ ЧЛЕНОВ ПРИАМУРСКОГО ЗЕМСКОГО СОБОРА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1922 ГОДУ

УДК 94(571.6)
DOI 10.48344/BSPU.2021.52.24.012

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс избрания членов представительного органа власти Приамурского государственного образования – Приамурского Земского собора. Основное внимание уделено положению о выборах членов Земского собора, дополнительным законодательным актам о выборах, изданным правительством, работе комиссии по созыву Земского собора и практике избрания его членов. На конкретных примерах показаны противоречия и проблемы, вызванные несовершенным выборным законодательством.*

***Ключевые слова и фразы:** Приамурский Земский собор, Приамурское государственное образование, Приморская область, Диетерихс, Гражданская война на Дальнем Востоке.*

Vadim Zemlyanskiy, senior researcher
Federal state institution «Information, historical and scientific center –
The Historical military library of the General staff of the Armed Forces of the Russian Federation»
(Moscow)
groningen1991@gmail.com

ELECTION OF MEMBERS OF THE PRIAMURSKY ZEMSKY SOBOR IN THE FAR EAST OF RUSSIA IN 1922

***Abstract.** The article examines the process of electing members of the representative body of power of the Priamursky state formation – the Priamursky Zemsky Sobor. The main attention is paid to the regulation on the election of members of the Zemsky Sobor, additional legislative acts on elections issued by the government, the work of the commission for convening the Zemsky Sobor and the practice of electing its members. The contradictions and problems caused by imperfect electoral legislation are shown with specific examples.*

***Key words and phases:** Priamursky Zemsky Sobor, Priamursky state formation, Primorsky region, Dieterichs, Civil War in the Far East.*

Политический кризис в Приамурском государственном образовании весной 1922 г. привел к роспуску Временным Приамурским правительством (председатель – С.Д. Меркулов) парламента – Приамурского Народного собрания. Неудачная попытка депутатов отстранить от власти правительство повлекла за собой решение С.Д. Меркулова о необходимости создания нового высшего представительного органа власти Приморья – Земского собора, который планировалось созвать из представителей населения Дальнего Востока, не находящегося под властью Дальневосточной республики (юг Приморья, Камчатка, полоса отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, часть Якутии). Обещав передать верховную власть избранному на Соборе правительству или единоличному правителю, Временное Приамурское правительство отказалось от прямых выборов. Опыт с избранными на основе «че-

тыреххвостки» депутатами Народного собрания, выступившими против правительства, обусловил отказ от всеобщего избирательного права.

Один из первоначальных проектов созыва Собора предусматривал, что в нем будут заседать 208 чел., при этом членам несоциалистических организаций доставалось менее трети мандатов. Комитет несоциалистических организаций предложил правительственной комиссии внести в проект поправки, предусматривающие преобладание в Соборе несоциалистов [12, с. 51]. Таковые были внесены, и проект пошел на рассмотрение правительства.

Сыгравший решающую роль в «нарсовском недовороте» и ставший командующим войсками Приамурского государственного образования генерал-лейтенант М.К. Дитерихс в рапорте председателю правительства по поводу участия чинов армии и флота в работе Земского собора предложил следующие принципы проведения выборов: военнослужащие принимали участие в решениях Собора через голос командующего войсками; военнослужащих избирал в Земский собор командующий; казацкие части подчинялись вышеперечисленным правилам; коммунисты и им сочувствующие лишались активного и пассивного избирательного права [13]. Предложение М.К. Дитерихса нашло поддержку у С.Д. Меркулова.

Состав членов Земского собора определялся в принятом правительством 26 июня 1922 г. положении о Приамурском Земском соборе. В него входили представители духовенства, армии и флота, гражданских ведомств, несоциалистических организаций, горожан-домовладельцев, сельского населения, городских самоуправлений, земства, торгово-промышленного класса, казаков, православных приходов, высших учебных заведений и прочих организаций – всего 275 чел. [2; 11, с. 145–146; 14, с. 902] Правительство могло персонально пригласить в состав Собора до 10 лиц, «пользующихся общественной и политической известностью и авторитетом».

Указанные в положении организации и самоуправления избирали на своих собраниях членов Земского собора. Земские самоуправления, волостные правления, станичные округа и поселковые управления были представлены в Приамурском Земском соборе председателями и атаманами; представители ведомств назначались управляющими, а военнослужащих – командующим армией и флотом М.К. Дитерихсом. Коммунисты и социалисты-интернационалисты не имели права участвовать в Соборе [2]. Правительство, сделав ставку на представительство несоциалистических организаций, чиновников, офицеров и религиозных деятелей, отказало сельским и городским жителям, составлявшим большинство населения в Приамурском государственном образовании, в праве непосредственного участия в выборах. Крестьяне могли быть представлены главами волостных и поселковых управлений, а горожане – гласными городских дум.

27 июня 1922 г. правительство учредило комиссию по созыву Земского собора из 9 чел. под председательством П.О. Куркутова [15, с. 149]. Согласно инструкции, на нее возлагались следующие обязанности: рассылка приглашений членам Земского собора, проверка их полномочий, составление общего списка участников и решение прочих вопросов, связанных с организацией работ Земского собора [2]. Особо подчеркивалось, что окончательное решение о праве того или иного лица быть членом Собора выносилось Приамурским Земским собором по ходатайству заинтересованных лиц или организаций.

Стремясь увеличить представительство населения Дальнего Востока, но в то же время не желая изменения системы выборов, правительство издавало указы о предоставлении организациям дополнительных мест в Земском соборе. Так, 18 июля 1922 г. оно выпустило указ № 176 – выделить 6 новых мест несоциалистическим организациям и включить в число членов Собора Освященный собор в составе проживающих в Приморской области и полосе отчуждения КВЖД членов Всероссийского церковного собора [3, л. 17]. 22 июля указами № 180 и № 181 правительство предоставило 5 дополнительных мест несоциалистическим организациям и увеличило число членов Собора от гражданского ведомства на 3 чел. [3, л. 12-13] Стоит отметить, что решение проблемы ограниченного представительства населения Дальнего Востока в высшем органе власти Приамурского государственного образования прави-

тельство С.Д. Меркулова видело исключительно в увеличении представительства от несоциалистических организаций.

Проведение выборов в Земский собор совпало с избирательной кампанией в Народное собрание Дальневосточной республики второго созыва. Власти ДВР опасались, что часть сельского населения пойдет за несоциалистами, и предпринимали всевозможные меры с целью не допустить участия представителей крестьян в работе Земского собора.

Народно-революционный комитет Приморской области издал приказ о бойкоте выборов в Приамурский Земский собор. В приказе предлагалось при получении повесток об участии в Земском соборе присылать их в Комитет [1, с. 710]. Как показали дальнейшие события, Собор не смог заручиться поддержкой крестьянского населения Приморской области.

Непримиримую позицию по поводу участия своих представителей в Земском соборе заняли рабочие – члены профсоюзов. 3 июля 1922 г. исполнительное бюро совета профсоюзов Владивостока и его окрестностей приняло постановление об отказе от участия в Соборе, мотивировав это тем, что из 284 его членов трудящимся предоставлялось 3 места (то есть около 1 %), положение о Соборе придавало ему несоциалистический характер, большинство мест отдавалось представителям организаций, выразившим симпатии интервентам. Совет профсоюзов высказался, что «единственно приемлемой формой выражения» воли трудящихся будет Учредительное собрание [1, с. 729–730].

Недовольство созывом Земского собора проявили и представители торгово-промышленного класса. Часть их во главе с А.В. Овсянкиным постановили бойкотировать выборы [9]. На заседание Владивостокского биржевого комитета для выборов членов Собора из 35 членов явились только 3 чел. [10] Затруднения, связанные с уменьшением количества членов Земского собора и бойкотом выборов целыми слоями населения, никак не повлияли на избирательную систему.

Первое заседание комиссии по созыву Приамурского Земского собора состоялось 3 июля 1922 г. Поступавшие ходатайства о посылке делегатов в Собор комиссия передавала на рассмотрение правительства, утвердив все его постановления по данным вопросам [5, л. 1–2].

В связи с тем, что крестьянское население на Земском соборе представляли волостные старшины, 30 июня 1922 г. старший председатель Владивостокской судебной палаты просил управляющего Приморской области сообщить сведения о старшинах волостей, контролируемых правительством, и расписание волостей Никольск-Уссурийского, Ольгинского и Спасского уездов. Столкнувшись со случаем невозможности присутствия волостного старшины на заседаниях Собора, комиссия по созыву Земского собора запросила ведомство внутренних дел о возможности замены волостного старшины его заместителем, на что ведомство на следующий же день ответило согласием [4, л. 6, 12–13].

Как указывалось ранее, представители от государственных ведомств в Земский собор непосредственно назначались вышестоящим начальством. Так, 17 июля 1922 г. управляющий внутренними делами В.П. Разумов назначил представителями от ведомства внутренних дел управляющего Приморской области И.И. Соболева и управляющего отделом народного просвещения А.А. Жуковского [4, л. 16]. Естественно, руководители назначали лиц, в которых они были лично уверены.

Имевшие самое большое представительство в Соборе несоциалистические организации, не имея точных распоряжений о порядке проведения выборов, самостоятельно определяли процедуру избрания своих кандидатов в Собор. Примером может служить избрание С.Н. Крестовского. 6 июля 1922 г. для выборов в Собор было назначено общее заседание комитета несоциалистических организаций Владивостока, на котором С.Н. Крестовского избрали одним из членов Земского собора. Комитет предложил ему войти в состав несоциалистической фракции и принять участие в совместной работе комитета и Собора [7, л. 1]. После подтверждения правительством полномочий С.Н. Крестовского комиссия по созыву Земско-

го собора проинформировала его, что он вошел в состав Собора, и просила прийти на его открытие 23 июля 1922 г. [8, л. 1]

Встречались случаи несогласия по поводу проведения избирательных собраний или отстранения членов Собора от участия в заседаниях.

Представители беженцев, проживавших в г. Хайлар (Маньчжурия), направили в комиссию по созыву Приамурского Земского собора заявление для доклада на пленарном заседании, описывающее факты нарушений при проведении выборов. Согласно представленным данным, беженцы не были оповещены о выборах в Земский собор полномочным лицом – членом войскового правительства Забайкальского казачьего войска Пинигиным. Выборы производились по куриальной системе с представительством по два выборщика от каждой станции. Однако ни один из выборщиков не предъявил президиуму избирательного собрания письменных полномочий от избирателей, а председатель собрания предоставлял право решающего голоса не имеющим отношение к выборам лицам. Беженцы 15 станций предъявили Пинигину протест, по поводу отсутствия информации о времени проведения собрания и системе выборов. Беженцы информировали Земский собор, что избранный собранием В.Г. Лесков не пользовался доверием жителей Хайлара [6, л. 1–1 об.]. Однако правительство подтвердило полномочия и В.Г. Лескова, и других представителей от беженцев г. Хайлара.

Другой случай протеста был связан с личным неприязненным отношением С.Д. Меркулова к представителю армейской группировки «капелелевцев» полковнику Б.Э. фон Ваху – участнику «нарсобовского недоворота» на стороне парламента. В июле 1922 г. полковник направил Собору жалобу, считая, что его незаслуженно отстранили от работы по несправедливому обвинению председателя правительства. Последний лично просил М.К. Дитерихса заменить фон Ваха, обвиняя полковника в «необъяснимой нечеловеческой ненависти» к нему – Меркулову. Спиридон Дионисьевич объяснял это душевной болезнью Ваха, а также и тем, что полковник предпочитает Учредительный съезд Земскому собору. 22 июля 1922 г. командующий войсками и флотом издал приказ № 102/А. Поскольку полковник был внесен комиссией по созыву Земского собора в список его членов и получил удостоверение, Дитерихс не мог исключить его из состава собора, однако он приказал фон Ваху не присутствовать на заседаниях. За полковником признавалось право обжалования распоряжения перед самим Собором. При этом М.К. Дитерихс, чтобы не лишать армию одного голоса, поставил перед председателем правительства вопрос о возможном наделении генерала В.М. Молчанова правом использовать при голосовании голос Б.Э. фон Ваха [6, л. 2–3].

Отвечая на обвинения С.Д. Меркулова, Б.Э. фон Вах замечал, что он не находился под следствием и что «преступность моих настроений и намерений никем не доказана и пока существует лишь в воображении Председателя правительства» [6, л. 3]. Полковник не считал заявление о предпочтении Земскому собору Учредительного съезда обвинением, так как само правительство объявляло о созыве Учредительного съезда в начале своей деятельности. Опроверг Вах и обвинения во враждебном отношении к Земскому собору, а также привел факты оскорбления своей особы братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми. Обращаясь к Приамурскому Земскому собору, полковник призывал признать его права посещать заседания и, следовательно, дать возможность М.К. Дитерихсу отменить свой приказ [4, л. 3–5]. Как показывает случай с Б.Э. фон Вахом, правительство С.Д. Меркулова отстраняло от работы в Земском соборе неугодных им лиц.

Приамурский Земский собор начал работу 23 июля 1922 г. По данным комиссии по созыву Собора, согласно положению, в состав Земского собора входили 303 чел., но с дополнительным предоставлением мест правительством к открытию их стало уже 347 [5, л. 2]. На открытие во Владивостоке прибыли 276 членов Земского собора [14, с. 902]. Наиболее трудной задачей для комиссии стала доставка приглашений 64 представителям волостей, так как на занятую партизанами территорию доставить приглашения было невозможно, равно ожидать приезда оттуда представителей местного самоуправления [5, л. 2]. Поскольку с момента принятия положения о Соборе до начала его работы прошло меньше месяца, на открытие не

смогли приехать большинство представителей Камчатки, Якутской области и северной части Приморья.

Треть из 276 членов Приамурского Земского собора была представлена духовенством, армией и флотом, а также чиновниками. Еще на одну треть он состоял из членов несоциалистических организаций Владивостока – всего 44 чел. и других населенных пунктов – 47 чел. Представители сельского населения составляли менее 10 % всей численности Приамурского Земского собора. Даже вместе с представителями городского самоуправления, земства и поселкового управления они не набирали и четверти от общего количества членов.

Отдельные случаи включения правительством членов Собора после его открытия обсуждались на непубличном заседании 1 августа 1922 г. Председатель Земского собора Н.И. Миролюбов зачитал выписку из протокола мандатной комиссии, в котором перечислялись 5 случаев включения правительством лиц в члены Собора после его открытия. Комиссия решила, что дополнительное предоставление мест после открытия Земского собора не соответствует положению, но приняв во внимание, что эти лица принимали участие в Соборе по удостоверениям, выданным комиссией по созыву Земского собора, ходатайствовала перед членами Собора об их утверждении [5, л. 202–203].

Председатель правительства С.Д. Меркулов признал неправильным постановление комиссии, указав, что «Земский собор – не парламент» и только правительство решает, кому быть членом Собора, а обязанность комиссии заключалась в проверке принадлежности указанных правительством лиц к государственным элементам [5, л. 203]. Собор поддержал С.Д. Меркулова, не став исключать из своего состава утвержденных правительством лиц.

Таким образом согласно положению о Приамурском Земском соборе непосредственные выборы членов проводились несоциалистическими организациями и самоуправлениями, при этом в положении отсутствовали правила проведения выборов. Участвовавшие в выборах организации самостоятельно устанавливали процедуру голосования. Избрание членов Приамурского Земского собора от организаций и самоуправлений проходило как на основе прямых выборов на собраниях организаций, где необходимо было получить простое большинство, так и на основе двухступенчатых выборов.

Правительство С.Д. Меркулова самостоятельно принимало решение об увеличении количества членов Приамурского Земского собора от социальных групп и общественных организаций Дальнего Востока. Опыт организации и проведения выборов свидетельствует, что отказ от всеобщих выборов серьезно повлиял на расстановку политических сил в Земском соборе, где сторонники парламентского пути развития Приамурского государственного образования оказались в абсолютном меньшинстве.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.): сборник документов. – Владивосток: Приморское книжное издательство, 1955.
2. Вестник Временного Приамурского правительства. – Владивосток. 1922. 30 июня.
3. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 14.
4. ГА РФ. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 224.
5. ГА РФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3.
6. ГА РФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 6.
7. ГА РФ. Ф. Р-6116. Оп. 1. Д. 15.
8. ГА РФ. Ф. Р-6116. Оп. 1. Д. 16.
9. Дальневосточный телеграф. – Чита. 1922. 23 июля.
10. Дальневосточный телеграф. – Чита. 1922. 25 июля.
11. Ляхов Д.А. Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока России (конец 1919–1922 гг.). – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015.

12. Попов Ф.А. Проблема выбора формы правления в белом Приморье в июне-августе 1922 г.: между монархией, директорией и диктатурой (по материалам прессы) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 9. С. 49–57.
13. Слово. – Владивосток. 22 июня 1922 г.
14. Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1920–1922 гг. – 2-е издание, испр. и доп. – М.: Яуза-Каталог, 2019.
15. Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). – Хабаровск: ХГПУ, 1996.

Кавецкая Вера Вячеславовна, *нач. отд. исследований*
ФГБУК «Музей истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева» (Владивосток)
veravmuseum@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ФОНДОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ИМЕНИ В.К. АРСЕНЬЕВА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФЕНОМЕНА ДВР И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

УДК 908(470+571)
DOI 10.48344/BSPU.2021.23.52.013

Аннотация. В статье рассматриваются фондовые материалы музея истории Дальнего Востока имени В.К.Арсеньева по истории Дальневосточной республики как неотъемлемой части событийности Гражданской войны на Дальнем Востоке, которые позволяют реактуализировать ее феномен средствами музейной экспозиции.

Ключевые слова и фразы: музейная коллекция, музейная экспозиция, гражданская война, Дальний Восток, Дальневосточная республика.

Vera Kavetskaya, *Head of the Research*
Department Federal State Budgetary Institution of Culture «Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev» (Vladivostok)
veravmuseum@mail.ru

POSSIBILITIES OF THE COLLECTION OF THE MUSEUM OF THE HISTORY OF THE FAR EAST NAMED AFTER V.K. ARSENYEV IN THE REPRESENTATION OF PHENOMENON OF THE FAR EASTERN REPUBLIC AND THE CIVIL WAR

Abstract. Fund materials of the Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev on the history of the Far Eastern Republic, as an integral part of the events of the civil war in the Far East, allow to actualize its phenomenon by means of a museum exposition.

Key words and phases: museum collection, museum exposition, civil war, Far East, Far Eastern Republic.

Парадокс исторической памяти заключается в том, что она объединяет в себе противоположные понятия, которые, по утверждению П. Нора, весьма далеки для того, чтобы быть синонимами. Ведь Память – это абсолют жизни, а История – относительная и неполная репрезентация уже прошедшего [11, с. 20]. Однако, Память и История неразрывны, поскольку память, как индивидуальная, так и коллективная, всегда исторична. И особым уровнем историчности обладает такая разновидность коллективной памяти, как культурная [2, с. 99-104], местом производства которой традиционно является музей.

Современные музеи решают весьма сложные задачи, сопряженные с теми, которые решает историческая наука в целом по переоценке событий ушедшего века. XX век был веком войн и революций, которые продолжают жить в мифологизированном массовом историческом сознании. Плюрализм оценок и неоднозначные переживания происшедшего в рамках этих событий, побуждают думающих людей обращаться к подлинным артефактам, которые сохраняют институты памяти. Это одна из причин того, что в спектре вводимых в научный оборот источников существенно возрастает значение музейных собраний, которые, по мнению М.В. Рыгаловой и Е.В. Рыгалова, являются потенциальным информационным ресурсом исторической науки, недостаточно освоенным до сих пор [9, с. 135-139].

Ресурсный потенциал музейных собраний наглядным образом продемонстрировали выставки, прошедшие в год столетия Октябрьской революции в центральных и ряде региональных музеев. Представляя выставочный проект в Эрмитаже, М.Б. Пиотровский отметил, что преимуществом музейной репрезентации таких дискуссионных событий, как революции и войны, является язык музейной науки и язык музейного рассказа, которые удобны для сложного повествования о сложных событиях [7, с. 396].

Можно сказать, что юбилей Революции не завершился 2017 годом, поскольку, по мнению директора ИРИ РАН Ю.А. Петрова, важным достижением научного сообщества стало утверждение представления о революции не как одномоментном событии, а сложном многофакторном процессе 1917-1922 гг., включающем Гражданскую войну как завершающий этап [6, с.7]. Поэтому осмысление революции сохраняет свою актуальность, и сегодня на повестке дня репрезентация такого судьбоносного события XX века, как Гражданская война и ее завершающий этап, ключевую роль в котором сыграла Дальневосточная республика (ДВР).

Вековое отстояние от событий тех лет дает возможность интерпретации данного феномена музеологическими средствами. Музейные экспозиции и перформансы, связанные с ними, важное пространство коммуникативной и культурной памяти, поскольку предъявляют не только феномен истории, но и восприятия, представления и мемориальные традиции, господствующие в среде своих создателей и социуме в целом [3, с.37].

Дальневосточная республика – уникальное явление Гражданской войны. Чрезвычайно сложная военно-политическая ситуация начала 1920-х годов в дальневосточном регионе сделала приоритетными для молодой Страны Советов сохранение мира с Японией, выход из международной изоляции для восстановления хозяйства, единства страны и ее позиций на Тихом океане. Как отмечают Ю.Н.Ципкин и Т.А. Орнацкая, создание буферного государства между Советской Россией и Японией стало нестандартным, но в то же время адекватным сложившейся обстановке решением [12, с. 237].

Поскольку феномен ДВР с течением времени был подвержен самым различным интерпретациям, политизирован и обрел некий мифический образ в массовом сознании, важно реактуализировать данную историю, опираясь на подлинные свидетельства, сохранившиеся в архивах и музейных собраниях.

И здесь уместно обратиться к опыту репрезентации такого рода событий в зарубежной практике. Анализируя образы гражданской войны в испанских музеях, Х. Роиже пришел к выводу, что в мировой практике память о военных конфликтах используется для создания музеологических проектов, нацеленных на решение определенных исторических или политических задач, связанных с проблемами локальной памяти или туризма. Он обращает внимание на два аспекта трудности музейной репрезентации войн. Во-первых, это выбор направленности самого музеологического дискурса: нужно показать противоборство сторон, не упрощая событий, и не занимая позиции ни одной из сторон. Во-вторых, это проблемы музеографии, ведь физическая сохранность артефактов, связанных с насилием, весьма проблематична: в их разрушении заинтересованы и участвуют обе стороны конфликта. Поэтому часто начинают работу с наследия, основывающегося лишь на нескольких элементах, отсылающих к историческим процессам. Когда такие элементы есть, они обретают особый символический смысл, что делает ключевым аспектом музеефикации представление самого дискурса, памяти о событиях и их значении [8, с.101-102].

Л.И. Ваганова-Вилькинс отмечает, что интерес исследователей к Гражданской войне связан с широким спектром ее информационного пространства и актуализирован в настоящее время изменениями общественно-политической жизни в нашей стране [1, с. 90]. В дискуссии о Гражданской войне в России еще рано ставить точку, позиции «белых» и «красных» пока не нашли примирения в массовом сознании, поэтому в музейном воссоздании эпохи Гражданской войны история ДВР дает возможность сосредоточиться не только на деструктивных, но и на конструктивных аспектах того времени.

ДВР как своеобразная модель парламентской республики, по мнению И.В. Старикова, – уникальное, не имеющее аналогов в мировой практике государство периода Гражданской войны, единственное на территории России, где в 1920-1921 гг. был накоплен опыт строительства демократической правовой государственности [10, с. 19].

Фондовое собрание Музея истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева хранит материалы, позволяющие раскрыть основные аспекты существования этого государственного образования: законодательство, управление, вооруженные силы, периодическую печать, внешнюю политику, социальную жизнь, культуру и образование.

В фонде редкой книги хранятся не только труды разных лет, посвященные истории и отдельным аспектам жизнедеятельности ДВР, но и опубликованные в периодических изданиях и брошюрах законодательные акты. Прежде всего, брошюра с Конституцией, выпущенная в 1921 г. в Чите (МПК 3943/1). Очень наглядны периодические издания, такие как газета «Дальневосточная республика» за 1920 год (МПК2813/10). Как отмечают исследователи, в политических и служебно-информационных целях в газетах и журналах тех лет активно публиковались материалы различных съездов и конференций, постановления властей [5, с. 176-187; 4, с. 133]. Например, приложение к газете «Красное Знамя» (МПК3321) содержит Закон об установлении Временного положения о государственном прогрессивном подоходно-поимущественном налоге с городского населения в пределах ДВР на 1921 г. Это позволяет раскрыть не только законодательные устои, но и внутреннюю политику ДВР. Разговор о налогообложении дает повод обратить внимание и на денежную систему буферного государства. Боновое собрание музея хранит разменный знак Временного правительства ДВР номиналом 5 копеек (МПК 8379/1), кредитные билеты с надпечаткой «Дальневосточная республика» номиналом 5 рублей (МПК 817/23-27) и 25 рублей (МПК 12780/19; 12780/106). Наличие в филателистической коллекции почтовых марок (НВ 8057/17;48) допускает рассказ о почтовых сношениях ДВР. Документальный фонд музея содержит персональные документы, воспоминания, автобиографии участников строительства государства-буфера, таких, как: И.В. Кряжев, К.Д. Петкус-Деревков и другие. Особой привлекательностью обладают материалы фотофонда, где хранятся как групповые снимки (Приморский областной Президиум Народного Собрания ДВР (МПК 3089/1), Антоновское правительство (МПК 3089/3) и т.п.), фотографии известных руководителей ДВР: П.М. Никифорова, М.И. Губельмана и т.д., и фотосвидетельства знаковых событий в истории Республики, например, переговоров с японской делегацией о перемирии (МПК 2812/105). По причинам, отмеченным выше, вещественных свидетельств рассматриваемого феномена сохранилось немного, но тем сильнее они способны работать как символы. Особой привлекательностью обладает нашивка ротного командира Народно-революционной армии (НРА) ДВР (МПК 12253), которая принадлежала Владимиру Павлу Семеновичу (1900-1960 гг.), командиру НРА, адъютанту начальника гарнизона г. Читы (1923 г), помощнику коменданта Владивостока в 1926 г., комплекс материалов которого насчитывает 17 ед. хранения.

Таким образом, даже краткий обзор делает очевидным возможность фондовых коллекций Музея истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева служить ресурсом для музеевлогической репрезентации истории ДВР как уникального опыта решения сложных внешнеполитических проблем посредством не войны, а дипломатии и экономического партнерства.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Ваганова-Вилькинс Л.И. Некоторые особенности военного строительства ДВР (1920-1922) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. Аспирантские тетради – 2008. – № 33(73), ч.1: (Общественные и гуманитарные науки). – С.90-93.
2. Мясникова Л.А. Музейная практика как форма культурной памяти и наследования // Дискуссия – 2015.– № 9 (61). – С.99-104.

3. Нагорная О.С. Музеализация Первой мировой войны в Германии и России: юбилейные выставки между героикой и гуманизмом // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2014.– Вып. 4 (27) – С. 37- 43.
4. Наумов И.В. Гражданская война в Забайкалье в советской историографии 1920-х – 1930-х годов//Известия Лаборатории древних технологий. – 2017. – Т. 13. – № 2. – С. 131-143.
5. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т.3. 1917-1930 гг. / Отв. ред. А.Л. Посадсков.– Новосибирск, 2002. – 436с.
6. Петров Ю.А. Великая Российская революция: проблемы сохранения исторической памяти // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. – 2018.– № 1.– С. 6-9.
7. Пиотровский М.Б. Зимний дворец и Эрмитаж как свидетели Русской революции // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т. 88, № 5. – С. 396-402.
8. Роиже Х. Музеология и память о прошлом: образы Гражданской войны в экспозициях испанских музеев // Вопросы музеологии. – 2013. – № 1 (7). – С. 100-115.
9. Рыгалова М.В., Рыгалов Е.В. Музейные коллекции как исторический источник (обзор отечественной историографии) // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. – 2018. – № 5 (103) – С. 135-139.
10. Стариков И.В. Исторический опыт конституционного строительства непризнанного государства (на примере Конституции ДВР 1921 г.) // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 18 - 30.
11. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Д. Хапаева. – СПб, 1999. – 328с.
12. Ципкин Ю.Н., Орнацкая Т.А. Внешняя политика Дальневосточной Республики (1920 – 1922 гг.). – Хабаровск, 2008. – 244 с.

Киселев Андрей Леонидович, соискатель
Кафедра российской и всеобщей истории
Сахалинский государственный университет (Южно-Сахалинск)
and94859610@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ БАНКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1922-1925 ГГ.)

УДК 930
DOI 10.48344/BSPU.2021.92.91.014

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о деятельности отделений иностранных банковских учреждений во Владивостоке после окончания Гражданской войны и военной интервенции войск-союзников и установления Советской власти на территории Дальнего Востока России. Указывается роль иностранных банков в экономике и денежном рынке региона в период иностранной интервенции.*

***Ключевые слова и фразы:** Владивосток, иностранная интервенция, иностранные банки, Гражданская война на Дальнем Востоке.*

Andrey Kiselev, applicant
Department of Russian and General History
Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk)
and94859610@yandex.ru

ACTIVITIES OF FOREIGN BANKS IN THE FAR EAST OF RUSSIA AFTER THE ESTABLISHMENT OF THE SOVIET POWER (1922-1925)

***Abstract.** The article examines the issue of the activities of branches of foreign banking institutions in Vladivostok after the end of the Civil War and the military intervention of allied troops and the establishment of Soviet power in the Russian Far East. The role of foreign banks in the economy and money market of the region in the period of foreign intervention is indicated.*

***Key words and phases:** Vladivostok, foreign intervention, foreign banks. CivilwarintheFarEast.*

Революционные события 1917 г. в России и начавшаяся вскоре Гражданская война стали причиной отсутствия единой власти на огромной территории бывшей Российской империи. Иностранные союзные державы, среди которых: Великобритания, Канада, Италия, Япония, США и др., воспользовавшись ослаблением России, под прикрытием «благородной миссии», направили свои вооружённые отряды в Сибирь и Дальний Восток России. Началась иностранная военная интервенция региона. Вслед за военными отрядами в регион пришли и иностранные банковские учреждения со своими денежными знаками. В период 1918-1919 гг. во Владивостоке свои отделения открыли французские, китайские, японские банки, а также английский «Гонконг-Шанхайский банк», американский «Национал-Сити банк», «Канадский государственный банк», которые по сути являлись центрами по экономическому и финансовому ограблению Сибири и Дальнего Востока. Они занимались валютными операциями, скупкой облигаций царских займов и других ценных бумаг, игрой на понижение курса рубля, оказанием помощи иностранным предпринимателям в приобретении забесцененных русских промышленных и торговых предприятий, концессий на разведку природных богатств и т.п.

[9, с. 277]. За время иностранной интервенции их роль в регионе «чрезвычайно» усилилась [5, л. 135; 13, с. 135].

Деятельность иностранных банковских учреждений на Дальнем Востоке России после окончания иностранной интервенции никогда не подвергалась серьезному анализу и изучению, и встречается лишь отдельными упоминаниями в ряде научных работ о денежном обращении и экономической ситуации в данный период истории. Исключение составляет монография А.И. Погребецкого [17]. Изучение периодических изданий, освещающих вопросы экономики и финансов данного периода, более широко раскрывает данную тему. В ходе работы, были выявлены архивные источники, не введенные в научное обращение. Изучение данного вопроса имеет важное значение, для более полного понимания исторических и экономических процессов, происходящих в Дальневосточном регионе в столь сложный для него исторический период.

С приходом Советской власти, вопросы деятельности иностранных банков на территории региона почти сразу стали попадать в повестки заседаний местных революционных органов. На заседании Совета депутатов 12 ноября 1922 г. Председатель Губернского революционного комитета Л.Н. Бельский¹ в своем докладе заявил, что «в связи с существующей государственной банковской монополией, частные банки смогут открываться только после соответствующего договора с Правительством. Но в связи с нестабильной экономической ситуацией [в регионе], действующим частным банкам разрешается временно работать. Но с началом деятельности открывающегося Дальневосточного банка, всем частным банкам будет предложено закрыться» [7, с. 3]. А в начале декабря 1922 г. Дальревком дал поручение заведующему местного финансового отдела «о принятии действенных мер по прекращению банковских операций в регионе частными лицами, русскими и иностранцами, как в скрытой, так и в открытой форме банковских операций. Привлекая к законной ответственности граждан и фирмы выявленных в ведении данных операций без специального разрешения» [1, с. 1].

В течение первых месяцев Советской власти в Приморье, сохранившиеся до этого времени отделения старых русских банков были закрыты и на смену им начала создаваться сеть филиалов советских банков [8, с. 105]. К 1924 году на Дальнем Востоке России, помимо Государственного банка, открылись и осуществляли свою деятельность: отделения Дальневосточного банка (Дальбанк), Комунального банка, Всероссийский кооперативный банк (Всекобанк) и Дальневосточное общество сельскохозяйственного кредита (Дальселькред). Но помимо этого, все еще продолжали функционировать отделения двух японских и одного английского банков [18, с. 56]. Отделения французских, американского и канадского банков к этому времени уже закрылись [5, л. 135; 13, с. 135].

Оставшиеся функционировать иностранные банки, в противовес открывшимся советским банкам, начинающим мероприятия по урегулированию денежного обращения, были заинтересованы в более длительном сохранении в денежном обороте иностранной валюты, и наиболее высоком курсе [17, с. 396]. При этом советский «Дальневосточный банк» сохранял деловые связи с «Чосен Банком» и «Гонког-Шанхайским банком»: в первом были сосредоточены переводно-кредитные операции, а со вторым работа производилась по аккредитивам [22, л. 30]. Положение иностранных банков было легально неопределенным и они для русского населения региона были совершенно недоступны [15, с. 264].

Данные банки не имели разрешения на открытие своих операций, начав их в явочном порядке. Вопрос об открытии во Владивостоке иностранных банков обсуждался еще до Ре-

---

¹ Бельский Лев Николаевич (1898 г. - 16.10.1941 г.). Полномочный представитель ГПУ на Дальнем Востоке (с 03.02.1922 г. по 26.10.1923 г.). После занятия Владивостока войсками ДВР 31 октября 1922 г. вместо Военно-революционного комитета (сформирован местным подпольем) был сформирован Приморский областной военно-революционный комитет, во главе которого стал Л.Н. Бельский.

волюции, но был категорически отвергнут. Указанные три банка, особенно два японских, за период усилившегося влияния японской иены, являлись ее проводниками на местный рынок. А в связи с тем, что они были, тесно связаны с операциями экспорта через Эгершельд, то оказались чрезвычайно нужными для русских учреждений, вплоть до полной эмансипации последних от влияния инвалюты. Эта зависимость не позволяла, во избежание их немедленного закрытия, предпринять по отношению к ним меры, предписанные действующим законодательством. Создалось «весьма неопределенное и подчас парадоксальное положение» [17, с. 397].

Выступая на проводимом в Чите с 9 по 14 июля 1923 г первом Дальне-Восточном съезде финансовых работников Р.Я. Карклин², отвечая на первый после своего выступления вопрос отметил, что «...теперь японского Эмиссионного банка не будет, у нас есть свой. Если Чосен Банк захочет работать - пусть работает, мы рады иностранному капиталу, но не как Эмиссионный банк» [16, с. 21]. А, в начале сентября 1923 г. Уполномоченный Наркомата финансов на Дальнем Востоке Барышников порекомендовал иностранным банкам оформить свое существование в соответствии с действующими в стране законами. Так как до этого иностранные банки не подвергались правительственному контролю, не облагались налогами и «находились вне пределов досягаемости». Такое не легализованное «внезаконное» существование, по мнению Барышникова «не могло продолжаться неопределенное время и надлежало, возможно, скорее ввести их работу в нормы закона». В ответ, директора иностранных банков заверили Барышникова лично, потом подтвердив письменно, «свое желание быть лояльными в отношении советской власти» [17, с. 397].

Функционирование банков временно было сохранено на прежних основаниях, сделки с валютой продолжались вполне свободно, банкам было лишь вменено в обязанность представлять в местный Губфинотдел свою отчетность [17, с. 397-398].

Такое «нейтральное» отношение к иностранным банкам в регионе было связано с тем, что, Дальний Восток России имел тесные экономические связи с соседними странами и имел зависимость от внешней торговли с ними. В обращении находилось большое количество иностранных денежных знаков, среди которых преобладала японская иена. Она заняла роль обрусевшей валюты, вытеснив постепенно рубль. Окончание иностранной интервенции в октябре 1922 года и создание условий для воссоединения региона с Советской Россией не сразу изменило сложившееся положение. Принимая во внимание специфику экономического положения региона, местные власти в первое время проявляли лояльность по отношению к деятельности иностранных кредитных организаций. Однако, руководители иностранных банков, понимая, что ситуация может измениться в любой момент, постепенно переводили свободные денежные средства своих отделений за границу [21].

«Гонконг-Шанхайский Банк»

Отделение «Гонконг-Шанхайского банка» представляло английский капитал. Правление банка располагалось в Гонгоне. Банк имел репутацию «солидного банковского учреждения». Владивостокское отделение банка имело ограниченное число клиентов, преимущественно это были англичане. Отделение было очень «осторожно» в своих операциях, выдавало ссуды под товары и другие обеспечения только иностранным фирмам и клиентам, исключительно «первоклассным» [15, с. 264]. Именно через это отделение Временное правительство адмирала А.В. Колчака в 1919 г. закупало за золото оружие у фирмы «Ремингтон» в США [12, с. 144].

Справка:

---

² Карклин Роберт Янович (1892 г. - 15.02.1938 г.). В 1923 г. – уполномоченный Наркомфина РСФСР по Дальнему Востоку.

Владивостокское отделение «Гонконг-Шанхайский банка» размещалось по адресу: ул. 25 октября, д. 13 (в доме Бринера)³. Управляющим отделения являлся М.В. Вуд котрый вступивший в должность 8 сентября 1920 г. До него управление контрой осуществлял Е.В. Стега (в должности с 1 июля 1920 г.). Сотрудниками банка являлись: помощник управляющего - Б.Томсон (в 1925 г. его сменил Дэвис⁴), сотрудники банка - Г.Кутсосякопуло, А.Минут, В.Н.Серебряковская и Т.В.Верещагина⁵.

Официально отделение «Гонконг-Шанхайского Банка» во Владивостоке закрылось в сентябре 1925 г., хотя свои операции прекратило еще ранее [8, с. 105-106]. Еще в 1924 году отделение передало свои экспедиторские и комиссионные поручения по перевозке транзитных грузов ТД «Бринер и Ко» [22, л. 27]. Отделение банка в Харбине заверило при этом, что «транзит в Европу, финансировавшийся через него не только не будет сокращен, но и будет увеличен» [22, л. 28].

Закрытие Владивостокского отделения банка явилось результатом последовавшего еще в 1924 г. сокращения как пассивных, так и активных банковских операций. В последнее время банк ограничивался лишь продажей переводных чеков в иностранной валюте. Эти операции не оправдывали содержание банковского аппарата. За год банк продал иностранную валюту на 6 млн. иен по текущему курсу.

Главная масса иностранной валюты была переведена банком за границу экспортерам бобов, масла, мяса и др. Во Владивостоке было выплачено около 650 тыс. иен пароходными и страховыми предприятиями, почти столько же железной дороге и за погрузочные работы, 700 тыс. иен «Дальлесу», «Нефтесиндикату» и до 400 тыс. другим советским государственным предприятиям [22, л. 29]. Картина постепенного замирания отделения «Гонконг-Шанхайского Банка» ясна. В течении двух лет он поспешно свел миллионный свой баланс на нет и как банк сошел с арены во Владивостоке [22, л. 28].

«Йокогама Спешу Банк»

Отделение японского «Йокогама Спешу Банка» во Владивостоке не являлось самостоятельным отделением, а являлось суботделением, подчинявшимся непосредственно Харбинскому отделению банка. Правление банка располагалось в Токио. Его деятельность заключалась в операциях по ссудам с экспортными грузами. В своей работе банк отдавал предпочтение японским коммерсантам. После эвакуации японских отрядов с Дальнего Востока отделение свою работу значительно сократило [15, с. 264].

Этот банк не имел «эмиссионного права», так как не был тесно связан с японским правительством, как «Чосен-Банк». Он приближался к типу торговых банков краткосрочного кредита и посредничества. Работа отделения этого банка во Владивостоке заключалась в выполнении поручений по экспорту и импорту товаров. Основное кредитование экспортных и импортных фирм происходило в Маньчжурии и Японии. Владивостокское отделение выдавало кредиты на оплату железнодорожных и морских перевозок, таможенных и прочих сборов, страховки, погрузки и разгрузки, действуя преимущественно по поручениям своих же отделений. При этом отделение не отказывалось и от прямого кредитования, но эти операции были малочисленные [5, л. 136-137; 13, с. 136-137].

При небольшом собственном капитале, который почти весь лежит в кассе, Владивостокское отделение сумело привлечь значительную сумму местных вкладов. Подобно «Чосен Банку», отделение не развивало местные активы, предпочитая значительную часть Владивостокских денег держать за границей. Как видно из последних балансов, работа банка во

³ Современная улица Алеутская.

⁴ Весь Владивосток в кармане: календарь на 1925 год / под ред. И.С. Кларка. Владивосток: Акционерное общество "Книжное Дело", 1924. С. 52.

⁵ Весь деловой и торговый Владивосток на 1924 г. / под ред. И.С. Кларка. Владивосток: типография «Красное знамя», 1924. С. 132, 188-189.

Владивостоке сократилась вдвое. На 1 октября 1923 г. было выдано ссуд на сумму 250 тыс. рублей, а вкладов принято на 430 тыс. рублей [5, л. 136-137; 13, с. 136-137].

Справка:

К 1924 г. Владивостокское отделение «Йокогама Спешу Банка» располагалось по адресу: ул. Светланская, д. 22, (угол ул. Светланской и Алеутской). Служащие отделения: Временный управляющий отделения Ш. Курибара, доверенный – Д. Ниносеки, секретарь – А. Мюнир, конторщики - Д. Симада, С. Ябу, К. Инада, М. Сибукова, машинистка – О.К. Ворм [4, с. 132, 189].

Отделение «Йокогама Спешу банк» приступило к ликвидации своих операций во Владивостоке в 1923 г., а в марте 1924 г. произошло его формальное закрытие. В 1925 г. банк поднял вопрос об открытии своего отделения на Дальнем Востоке вновь. Но ему было отказано [8, с. 105-106].

«Чосен Банк»

К 1925 г. во Владивостоке осталось работать только одно отделение иностранного банка – Чосен банк. Банк понес сильные убытки вследствие экономического кризиса, вызванного землетрясением в Японии (1923 г.), и сократил свой основной капитал с 80 мил. до 40 мил. иен. В результате этого банк хотя и сократил операции Владивостокского отделения [22, л. 29], но закрывать его не планировал [22, л. 28].

Отделение «Чосен Банка», являющегося японским правительственным (колониальным) банком, во время иностранной интервенции обслуживал нужды японских войск. Русской клиентуры почти не имел, обслуживал исключительно японцев. После вывода войск банк планировал закрыть Владивостокское отделение, но фактически оно осталось работать. Единственно было сокращено количество служащих [15, с. 264].

Капитал, выделенный для операций Владивостокским отделением «Чосен-Банка» не большой, всего 500 000 иен, и почти весь заключается в кассовой наличности. Отделение имело хороший пассив местного происхождения. Вклады и текущие счета на 31 декабря 1922 г. составляли 1 624 000 иен. Большую часть местных средств отделение переправляло в Японию в свое Правление и другие отделения банка, выкачивая капиталы из Владивостока и уделяя для работы на месте лишь незначительную их часть [5, л. 135-136; 13, с. 135-136].

Активные операции Чосен-Банка были развиты слабо. По ссудам и учетам выдано на 31 декабря 1922 г. было всего 781 000 иен. Отделение кредитовало тесный замкнутый круг самых крупных японских фирм в количестве не более 15-20. По пассиву ситуация выглядела, наоборот. Отделение имело обширную клиентуру, свыше 1000 вкладчиков японцев, корейцев, китайцев и европейцев. В течении 1922 года было принято к отправлению 6247 переводов на 24 млн. иен; получено к выдаче здесь 4192 перевода, на 22 млн. иен. Итого 11539 переводов на 46 млн. иен [5, л. 135-136; 13, с. 135-136].

В 1923 году деятельность отделения «Чосен-Банка» во Владивостоке сократилась и претерпела некоторые изменения. Произошел отлив вкладов. На 1 января 1922 г. банк имел 3200 вкладчиков на сумму 3 339000 иен, а в октябре 1923 г. только 1022 вкладчика, на сумму 1 480000 иен. Число вкладов уменьшилось более чем втрое, а сумма вкладов сократилась более чем вдвое. Переводные операции отделения также сократились более чем вдвое. В течение девяти месяцев текущего года было 4560 переводов, с оборотом всего 15 млн. иен [5, л. 135-136; 13, с. 135-136]. Несмотря на это советский «Всесоюзный коммерческий банк» вел переговоры с «Чосен Банком» с целью займа денежных средств [22, л. 32].

В конце 1924 г. года произошел значительный отлив вкладов из «Чосен Банка». Вклады и текущие счета на конец 1924 г.(в иенах) составляли [22, л.29]:

На 1 июля - 2 319 000;

На 1 августа - 1 198 000;

На 1 сентября - 1 237 000;

На 1 октября - 392 000;

За пять месяцев отлив составил - 1 427 000 иен.

Вследствие такого сжатия депозитов банкнаходился в напряжении и естественно сокращал активные операции, а также и операции с валютой. Но зато у «Чосен Банка» в 1925 г. были развиты заграничные переводные операции.

В 1925 г. Правление банка значительно срезало остатки и путем постоянного покрытия свело к 1 октября 1925 г. разницу в пассивах Владивостокского отделения до 1 500 000 иен. Хотя раньше оно имело крупные остатки по корреспондентским счетам с Правлением, доходившие порой до 3 млн. и более, которыми отделение располагало свободно как для текущих операций, так и для краткосрочных учетов и ссуд. Теперь, не имея прежних, почти неограниченных подкреплений из своего центра Владивостокский «Чосен Банк» вынужден был работать на свой капитал (500 000 иен) и на привлеченные местные депозиты, с риском, что последние застрявшие полтора миллиона иен могут быть в значительной части востребованы [22, л. 29].

Справка:

В 1924-1926 гг. Владивостокское отделение «Чосен Банк» располагалось по адресу: ул. Пекинская, д. 25. Служащими отделения являлись: Управляющий отделения – Нобуо Ито, доверенные- Сиро Эндо (в 1926 г. оставил должность [2, с. 57]), Юхей Арикадо и Джиро Мураока [4, с. 132, 189; 5, с. 52].

Отделение «Чосен Банка» продолжало свою деятельность на территории русского Дальнего Востока до 1931 г., при этом занимало в регионе лидирующие позиции по некоторым показателям банковской деятельности [21].

Хочется отметить, что резкое сокращение операций обоих отделений японских банков во Владивостоке начиная с 1923 г. являлись результатом как общих, так и частных причин. К первым относились окончание японской военной интервенции и связанное с этим ослабление роли Японии в экономической жизни региона. Ко вторым - окончание сезона транзитного экспорта бобов и жмыхов из Маньчжурии. Но ожидалось, что начало нового экспортного сезона привлечет во Владивосток еще большее количество транзитных товаров и работа отделений японских банков несколько оживится. Это было связано с дальнейшим усовершенствованием технического оборудования Владивостокского торгового порта (речь идет о построенных четвертом баке маслохранилище и четырех ленточном конвейере для скорой механической загрузки пароходов) и удешевлением стоимости перевалки грузов [5, л. 136-137; 13, с. 136-137].

Сводный баланс отделений японских банков «разрушает иллюзию», что иностранные банки привлекали к нам иностранные капиталы. Основные капиталы отделений были настолько низки, что их хватало только на поддержание в кассах необходимой свободной наличности. Банки работали на местные средства, собранные путем вкладов, а также задержавшиеся путем переводных и корреспондентских поручений, составляющих свыше двух с половиною миллионов. Больше половины этих средств снято с владивостокского денежного рынка и отправлено в Японию и Маньчжурию [5, л. 136-137; 13, с. 136-137].

Таким образом, мы видим, что в первые годы после окончания Гражданской войны и военной интервенции на Дальнем Востоке России, еще некоторое время действовали отделения трех иностранных банков. Двух японских и одного английского. Слабо развитое хозяйство и экономика молодой Дальневосточной области, ослабленная предшествующими историческими событиями, не могла противопоставить что-либо данным учреждениям. Сеть советских банков, еще только набирала обороты, иногда даже с опорой на капиталы иностранных банков. В виду тесной связи Дальнего Востока с заграничными рынками и важности для региона маньчжурского транзита, проходящего в значительной мере при участии этих банков, они были оставлены во Владивостоке, но их работа «была ведена в определенные рам-

ки»⁶. Английский банк быстро свел свой баланс к нулю. Показатели операций отделений японских банков и их роль в финансировании промышленности, внешней и внутренней торговли Приморья были не особенно значительны. Японские банки не несли в край новых капиталов. Напротив, они превратились в насосы, выкачивавшие из Владивостока местные денежные средства за границу. Но одновременно с этим почти полностью разрушенной промышленности и экономике региона за годы Гражданской войны и интервенции достаточно было и таких небольших средств.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Банки должны зарегистрироваться // Красное знамя. – Владивосток. – 1922, 9 декабря. – № 63. – С. 1.
2. Весь Владивосток: адресно-справочная книга на 1926 г. – Владивосток: типография "Книжное дело", 1926. – 277 с.
3. Весь Владивосток в кармане: календарь на 1925 год / под. ред. И.С. Кларка. – Владивосток: Акционерное общество "Книжное Дело", 1924. – 107 с.
4. Весь деловой и торговый Владивосток на 1924 г. / под ред. И.С. Кларка. – Владивосток: типография «Красное знамя», 1924. – 584 с.
5. ГАРХ (Государственный архив Хабаровского края). Ф.1151. Оп.1. Д.16.
6. Закрытие Чосен Банка // Коммерческий Телеграф. – Харбин. – 1922. 30 октября. – № 98. – С. 3.
7. Заседание Совдепа // Красное знамя. – Владивосток. – 1922. 14 ноября. – № 43. – С. 3.
8. Знаменский С.Ф. Кредит и банки // Советское Приморье. Владивосток, 1925. Ноябрь. № 11. С. 105-106.
9. История Дальнего Востока России. Том 3. Книга 1: Дальний Восток России в период революций 1917 г. и Гражданской войны / отв. Ред. Б.И. Мухачев. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 634 с.
10. Киселев А.Л. Денежное обращение на Севере Сахалина в период японской оккупации (1920–1925 гг.) // VII Рыжковские чтения: материалы научно-практической конференции. – Южно-Сахалинск, 8-9 ноября 2017. – С. 259-270.
11. Киселев А.Л. К вопросу об открытии отделений японских банков на Дальнем Востоке в период иностранной интервенции в 1918-1919 гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. – Благовещенск, 2019. – С. 130-137.
12. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Документы и материалы / отв. ред. Б.И. Мухачев, М.И. Светачев. – Владивосток: Наука, 1995. – 216 с.
13. Куртеев К.К. Японские банки во Владивостоке // Экономическая жизнь Дальнего Востока. – 1923. – Декабрь. – № 2. – С. 135-137.
14. Обзор экономической жизни русского Дальнего Востока. – Владивосток. – 1923. Январь-май. – № 6. – 205 с.
15. Орлов А.Д. Финансовое положение Приморья // Приморье, его природа и хозяйство: сборник статей. Владивосток: Научно-просветительная секция Приморского губернского выставочного бюро, – 1923. – С. 263-288.
16. Первый Дальне-Восточный съезд финансовых работников (9-14 июля 1923 г.). Сборник материалов и стенографических отчетов. – Чита. – 1923. – С. 21.
17. Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914-1924) гг. – Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1924. – 419 с.

⁶ Знаменский С.Ф. Кредит и банки // Советское Приморье. Владивосток, 1925. Ноябрь. № 11. С. 105.

18. Самойлов М.В. Первое полугодие деятельности Госбанка в Приморье // Экономическая жизнь Приморья. – Владивосток, 1924. – Январь. № 1(5). – С. 56-72.
19. Спешит Банк работать // Красное знамя. – Владивосток. – 5 ноября 1922. – № 35. – С. 3.
20. Спешит-Банк не закрывается // Мир. – 1922. – 5 ноября. – № 67.
21. Становление банковского дела (интервью с начальником ГУ Банка России по Приморскому краю, доктором экономических наук, профессором, академиком РАЕН Виктором Рудько-Силивановым) // Электронная версия газеты "Владивосток" № 3476 от 22 января 2014 г. https://vladnews.ru/ev/vl/3476/37132/stanovlenie_bankovskogo (дата обращения 14. 11.2020 г.).
22. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. Р-436. Оп. 1. Д. 1.

Кузин Андрей Васильевич, д-р ист. наук, профессор
Кафедра истории России и специальных исторических дисциплин
Благовещенский государственный педагогический университет (Благовещенск)
kandrev@rambler.ru

ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СОСТОЯНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГРУППИРОВКИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

УДК 355:940.5(571)
DOI 10.48344/BSPU.2021.35.47.015

Аннотация. В статье характеризуется влияние Гражданской войны и интервенции на состояние дальневосточной группировки Вооруженных сил РСФСР.

Ключевые слова и фразы: Амурская речная флотилия, Тихоокеанская флотилия, Морские силы РККА, Сибирская флотилия, 5-я Краснознаменная армия, военно-учебные заведения.

Andrey Kuzin, *Doct. Sc. in History, professor*
Department of Russian history and special historical disciplines
Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)
kandrev@rambler.ru

THE IMPACT OF THE CIVIL WAR ON THE STATE OF THE FAR EASTERN GROUPING OF THE ARMED FORCES

Abstract. The article describes the impact of the Civil War and the intervention on the state of the Far Eastern grouping of the Armed Forces of the RSFSR.

Key words and phases: Amur River Flotilla, Pacific Flotilla, Red Army Naval Forces, Siberian Flotilla, 5th Red Banner Army, military educational institutions.

Необходимость выработки целостной программы развития флота выявилась к концу активной фазы Гражданской войны. Итогом работы специалистов Штаба морских сил Республики, Главного морского технического управления и Морской академии стал представленный в феврале 1921 г. в Революционный Военный Совет Республики (РВСР) проект «Декрета о воссоздании морской силы РСФСР». О переориентации флота как инструмента обеспечения внешнеполитических и экономических интересов России с традиционно приоритетного на рубеже XIX-XX вв. азиатско-тихоокеанского направления на европейское говорил и раздел, посвященный Дальневосточному морскому театру: ближайшей задачей здесь ставилось восстановление судового состава в сроки, зависящие от уровня сохранности имевшихся кораблей и плавсредств. Первоочередной определялась цель возрождения Амурской речной, а затем и Тихоокеанской флотилий.

Отметим в данной связи, что в целом Морские силы РККА за 1917-1920 гг., вследствие боевых действий, интервенции и ухода за кордон, потеряли 715 кораблей и вспомогательных судов (50% из числа находившихся в списках на 25 октября 1917 г.). Среди них – 9 линкоров, 5 крейсеров, 33 эсминца, 26 подводных лодок, 20 миноносцев, 66 боевых катеров, 34 канонерских лодки. На состоянии флота тяжело отражался недостаток квалифицированных командных кадров и рядового состава: к концу 1921 г. в целом он сократился со 180 тыс. до 35 тыс. чел.

Из имевшихся к 1918 г. кораблей Сибирской флотилии, базировавшейся во Владивостоке (1 вспомогательный крейсер, 1 канонерская лодка, 5 эсминцев, 9 миноносцев, 2 траль-

щика, 8 вооруженных и 7 вспомогательных судов), к весне 1921 г. в строю находилось лишь 5 посыльных судов, 2 невооруженных тральщика, 1 транспорт, 3 портовых и 1 гидрографическое судна. Так, накануне вступления во Владивосток частей НРА ДВР, командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Г.К. Старк приказал увести за рубеж канонерские лодки и более 30 других судов этого соединения бывшего российского ВМФ. Воспрепятствовать уходу судов за кордон моряки и рабочие портов могли, лишь прибегнув к крайним средствам, как это случилось во Владивостоке, где им удалось вывести из строя два миноносца, приведя в полную негодность их механизмы.

Амурской речной флотилии, насчитывавшей в 1918 г. 18 канонерских лодок и 2 посыльных судна, интервенция нанесла ущерб на сумму более 11,5 млн. руб. золотом. При эвакуации из Хабаровска в 1920 г. японцы увели 4 канонерских лодки, 4 вспомогательных и 1 посыльное судна, затопили одну канонерку и вывели из строя другие корабли. К маю 1921 г., после ремонтных работ, Амурская речная флотилия имела 5 канонерских лодок, 3 вооруженных парохода, 2 броневых и 4 сторожевых катера.

Тем не менее, принципиальное влияние на позицию членов РВСР в отношении вышеупомянутого «Декрета...» оказали и события в Кронштадте в марте 1921 г. и возникшие на этой основе недоверие к флоту, опасение нового сплоченного выступления моряков. Сказалось и преувеличение опыта решения основных задач мировой и Гражданской войн на сухопутных направлениях боевых действий.

К тому же заместитель начальника Морских сил РККА И.М. Лудри сформулировал положения о функциях ВМФ, определивших его перспективы на последующие десять лет. Суть их сводилась к тому, что флот не имел самостоятельных, независимых от армии задач и потому должен привлекаться к операциям в пределах, поставленных сухопутным командованием. Как следствие подобных установок, уже в 1921 г. были упразднены должность командующего Морскими силами Республики, их Штаб и все главные управления. Взамен появились должность помощника Главкома Вооруженных Сил по морским делам, а также Морской штаб с ограниченными функциями.

К концу Гражданской войны и интервенции списочный состав РККА превышал 5 млн. чел. При этом, штатный состав достигал всего 700-800 тыс. чел., из них боевых элементов – порядка 400-500 тыс. Чрезвычайный рост тыловых служб в глубине страны и прифронтовой полосе привел к тому, что за каждым бойцом и командиром стояло десять человек «обслуживающих». Сложившаяся ситуация была парадоксальной в условиях, когда требовалось вернуть к мирному труду миллионы людей, направив их усилия на скорейшее восстановление разрушенной войной экономики, без чего невозможно было укрепить оборонную мощь государства.

Поэтому в ноябре 1920 г. была создана правительственная комиссия по осуществлению демобилизации в РККА в составе М.И. Калинина, Ф.Э. Дзержинского, Э.М. Склянского и др. Было принято решение уволить в бессрочный отпуск военнослужащих старших возрастов, что привело бы к сокращению армии к лету 1921 г. примерно вдвое. К 1 января 1922 г. численность РККА снизилась до 1428062 человек, а к октябрю того же года – до 769924 человек.

Сокращение вооруженных сил проходило в чрезвычайно сложной обстановке. В Закавказье, Средней Азии, на Дальнем Востоке продолжалась борьба с интервентами и белогвардейцами; на Украине, в Поволжье, Сибири не была закончена ликвидация антисоветских боевых формирований, что отвлекало значительные силы РККА. На темпах сокращения армии негативно отразилась низкая пропускная способность железных дорог и отсутствие достаточного количества подвижного состава для перевозки красноармейцев.

На Дальнем Востоке, в связи с существованием «красного буфера» (Дальневосточной оеспублики) и продолжавшейся интервенцией и Гражданской войной, к сокращению войск приступили позднее, чем в европейской части России. Части Народно-революционной армии ДВР, включенные в состав РККА, стали именоваться 5-й Краснознаменной армией (5 КА). Ее командующий И.П. Уборевич издал приказ о порядке демобилизации личного состава.

Согласно данному приказу, все увольняемые обязаны были по прибытии к месту жительства явиться в военный комиссариат и встать на учет. Уклонявшиеся подлежали привлечению к суду как дезертиры. Каждый демобилизованный по прибытии на постоянное место жительства имел право на получение определенных видов продуктов и предметов ширпотреба. Специально созданные на местах комиссии оформляли документы на их получение лишь после постановки прибывших на учет в уездных комиссариатах по военным делам. Таким своеобразным путем власти пытались разрешить проблемы, связанные с поддержанием на должном уровне мобилизационной готовности дальневосточных группировок армии и флота, обеспечением в кратчайшие сроки полного учета военнообязанных на местах. К концу 1922 г. в бессрочный отпуск отправлено 2395 военнотружущих-дальневосточников.

Завершение активной фазы Гражданской войны сделало актуальной задачу повышения качества подготовки командных кадров, так как в 1918-1920 гг. проводилась ускоренная подготовка курсантов и бессистемная массовая отправка их на фронт из стен военно-учебных заведений (вузов), количество которых стремительно росло на протяжении всех лет Гражданской войны и интервенции вследствие военно-политической необходимости. При этом разноразной в уровне знаний выпускников, в типах вузов достиг угрожающих масштабов: параллельно существовали различные военные курсы, школы, техникумы, красноармейские университеты, классы, большинство которых были некомплектованы командным и преподавательским составом, имели слабую материальную базу, слабо учитывали в образовательном процессе реалии службы войск.

К тому же, сложился явный переизбыток пехотных школ и столь же явный недостаток школ технических. Как следствие, на 01. 01. 1921 г. среди командиров взводов и рот, лица с высшим образованием составили 3%, со средним – 29%, среди командиров батальонов и командиров полков – 8,5% и 59,5% соответственно, а среди комбригов и выше – 15% и 72%. В целом же, к концу 1920 г. из 130 тысяч чел. комсостава 34% составляли командиры, большинство которых получили военное образование на краткосрочных курсах еще до революции (в 1914-1917 гг.).

Программным документом в перестройке вузов стало январское 1921 г. постановление Совета Труда и Оборона (СТО), определившее задачу превращения целого ряда краткосрочных командных курсов в школы с нормальным сроком обучения, для того, чтобы дать армии подготовленных офицеров. СТО обязал гражданские и военные учреждения местного и центрального уровня оказывать Главному управлению военно-учебных заведений РККА содействие в деле расквартирования и снабжения открываемых вузов, укомплектования их постоянным и переменным составом.

Последний ускоренный выпуск командиров произвели в 1921 г., после чего были открыты военные школы с двух- и трехгодичным сроком обучения. А младший комсостав готовили в полковых школах, средний – в «нормальных» школах и военно-морских училищах, старший – в академиях.

Параллельно шел активный процесс увольнения выпускников военных курсов 1918-1921 гг.: к январю 1923 г. их осталось в войсках порядка 23%. В 1923 г., после перестройки всей системы подготовки военных кадров, из общего числа 153 вузов осталось 10 высших вузов, 55 «нормальных» школ, 14 командирских курсов. Для частей, дислоцированных на Дальнем Востоке и территориально включенных в состав Сибирского военного округа, будущих красных командиров готовили Красноярская артиллерийская, Томская, Омская и Владивостокская пехотные школы.

Список источников, литературы, электронных ресурсов:

1. Березовский Н.Д. Из истории разработки военно-морских программ // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 167-173.
2. Ветров Ю.А. История Военно-Морского Флота. – СПб.: БГТУ, 1997. – С. 143.

3. ГААО (Государственный архив Амурской области). Инв. № 355. Приказ войскам 5-й Краснознаменной Армии № 156 от 17. 12. 1922 г.
4. Дайнес В.О. От гражданской войны к миру // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 10. – С. 4, 6.
5. Кокошин А.А. Армия и политика. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 95.
6. Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского Флота (1917-1927 гг.). Справочник. – М.: Воениздат, 1981. – С. 18-29.
7. КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. – М.: Воениздат, 1967. – С. 136.
8. Самойлов А.Д. На страже дальневосточных рубежей. – Казань: Б. и., 1975. – С. 72.
9. Танки против линкоров // Родина. – 1996. – № 7-8. – С. 84-90.
10. Три века российского флота. – В 3 т. – СПб.: Logos, 1996. – Т. 2. – С. 260.

Кузнецов Дмитрий Владиславович, канд. ист. наук, доцент
Кафедра всеобщей истории, философии и культурологии
Благовещенский государственный педагогический университет (Благовещенск)
kuznetsov_d@mail.ru

ФЕНОМЕН РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КИТАЕ

УДК 329.73(510)
DOI 10.48344/BSPU.2021.76.44.016

Аннотация. В статье феномен русского национализма, который получил развитие в среде российской эмиграции в Китае и крайним проявлением которого стал русский фашизм.

Ключевые слова и фразы: Китай, российская эмиграция, русский национализм, фашизм.

Dmitry Kuznetsov, Cand. Sc. in History, Associate Professor
Department of Universal History, Philosophy and Culturology
Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)
kuznetsov_d@mail.ru

THE PHENOMENON OF RUSSIAN NATIONALISM AND RUSSIAN EMIGRATION IN CHINA

Abstract. The article describes the phenomenon of Russian nationalism, which was developed among the Russian emigration in China and the extreme manifestation of which was Russian fascism.

Key words and phases: China, Russian emigration, Russian nationalism, fascism.

Обращаясь к истории российской эмиграции в Китае, наиболее значительные «волны» которой относятся к 1920-1930-м гг., мы неизбежно сталкиваемся с наличием в эмигрантской среде самых разнообразных феноменов, явлений и процессов.

Одним из таких феноменов стал русский национализм, который, как известно, уходит своими корнями в далекое прошлое, еще в период царской России («черносотенцы»)¹, но именно в Северо-Восточном Китае (в первую очередь, в г. Харбин, который в 1920-1930-е гг. превратился в крупнейший центр российской эмиграции в Китае), в течение довольно длительного периода времени среди определенной части русских эмигрантов можно было наблюдать подъем идеологии русского национализма, крайним проявлением которой стал русский фашизм².

К анализу феномена русского национализма в связи с историей российской эмиграцией в Китае обращались отечественные (Н.Н. Аблажей [1]; Н.Е. Аблова [2], Е.Е. Аурилене [4]; С.С. Балмасов [6], О.Г. Гончаренко [9], А.В. Огороков [20], С.В. Смирнов [27; 28], Е.В.

¹ Подробнее: Лакёр У. Чёрная сотня. Происхождение русского фашизма. М.: Текст, 1994.

² Отечественный исследователь А.В. Огороков рассматривает русский фашизм как одно из масштабных политических движений русской эмиграции 1920-1945 гг., которые ориентировались на различные модели европейских «фашизмов», в первую очередь на модель итальянского фашизма. С последним русский фашизм сближало то, что он основывался на национально-государственной, а не на интернационально-классовой парадигме и отвергал идею классовой борьбы, как впрочем, и их солидарность в борьбе с коммунизмом с опорой на национализм. См.: Огороков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). М.: «РУСАКИ», 2002.

Яковкин [34] и др.) и зарубежные (Дж. Стефан [29] и др.) исследователи³, в т.ч. те, кто являлся очевидцем описываемых событий (П.П. Балакшин [5]). Тема освещается также в работах, которые посвящены истории российской эмиграции в Китае [13; 15; 22; 24; 30]. Публикуются статьи, в которых раскрываются различные аспекты истории русского национализма в среде российской эмиграции в Китае [3; 7; 8; 10; 14; 16; 17; 18; 20; 21; 23; 33; 35]. Защищены диссертации на соискание ученой степени доктора⁴ и кандидата⁵ исторических (и др.) наук. Издаются сборники документов⁶.

Представляется, что причины подобного «всплеска» русского национализма, в т.ч. в радикальной по своему характеру форме русского фашизма, заключаются в следующем:

1. Сосредоточение в северо-восточной части Китая значительного числа представителей белоэмигрантских кругов, нуждавшихся после своего «исхода» из России в наличии прочных организационных структур, нацеленных на координацию усилий участников «белого движения» в борьбе против Советского государства.

2. Широкое распространение в эмигрантской среде антикоммунистических, антисоветских взглядов.

3. Целый комплекс проблем социального плана, с которыми столкнулась основная масса русских эмигрантов после того, как они оказались в Китае, что способствовало радикализации их общественно-политических взглядов.

4. Общий вектор общественно-политического развития в значительной части стран мира, характеризовавшийся усилением праворадикальных тенденций, в том числе выразившийся в появлении политических организаций националистического толка.

В течение 1920-х годов в среде российской эмиграции в Китае шел процесс вызревания праворадикального по своему характеру движения, причем, одновременно с этим наблюдались аналогичные процессы и в других регионах мира, где после своего «исхода» из России

---

³ Одна из первых публикаций на эту тему появилась в нашей стране еще в 1988 г. См.: Ильина Н.И. Привидение, которое возвращается...// Огонек. 1988. № 42. С. 9-13. См. также: Максимова Т. Русские фашисты // Родина. 1992. № 11-12. С. 10-15; Назаров М.В. Русская эмиграция и фашизм: надежды и разочарования / М. В. Назаров // Наш современник. 1993. № 3. С. 124-137; Млечин Л. Соблазнитель и соблазненные // "Новое время. 1993. № 10. С. 44-49; Онегина С.В. Крах расчетов и иллюзий: («Внутрисоюзная» работа ВФП в Маньчжурии) // Кентавр. 1995. № 5. С. 48-58; Онегина С.В. Русский фашизм в 1930-е гг. // Кентавр 1993. № 5. С. 106-120; Онегина С.В. Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи // Вопросы истории 1997. № 6. С. 150-159. Подробнее: Русская эмиграция в Китае: материалы к библиографии / сост. Н.А. Егорова; ред. Т.П. Митрофанова. М., 2009. URL: <https://www.domrz.ru/library/materials/bibliograficheskie-posobiya/russkaya-emigratsiya-v-kitae/>.

⁴ См.: Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории: Первая половина XX в.: дисс. ... д-ра. ист. наук. М., 2005; Аурилене Е.Е. Российская эмиграция в Китае: 1920 – 1950-е гг.: дисс. ... д-ра. ист. наук. Хабаровск, 2004; Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920 - 1945 гг.: Организации, идеология, экстремизм: дисс. ... д-ра. ист. наук. М., 2000; Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-е - 1950-е гг.): дисс. ... д-ра. ист. наук. СПб, 2015; Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Китае: 1920 – конец 1940-х гг.: дисс. ... д-ра. ист. наук. Екатеринбург, 2018.

⁵ См.: Дубаев М.Л. Политическая борьба в среде русской эмиграции на Востоке: Китай. Первая половина XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000; Иванов В.П. Российская эмиграция на Дальнем Востоке в 1920-1945 гг.: Формирование, деятельность, институциональные основы: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003; Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина конец XIX – 50-е гг. XX вв. : дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007; Каргапольцев Д.С. Молодежные объединения российской эмиграции в Северной Маньчжурии в 1920-1945 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011; Обухова О.В. Русская эмиграция «первой волны» в Китае как политическое явление: дисс. ... канд. полит. наук. Уссурийск, 2007; Писаревская Я.Л. Российская эмиграция Северо-Восточного Китая, середина 1920-х - середина 1930-х гг.: Социально-политический состав, быт, реэмиграция: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001; Ревякина Т.В. Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае: Начало 1920-середина 1940-х гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.

⁶ См.: Российская эмиграция в Маньчжурии: Военно-политическая деятельность, (1920-1945): Сборник документов / Сост. Е.Н. Чернолуцкая. ЮжноСахалинск, 1994.

оказались представители российской эмиграции⁷. Активными пропагандистами фашистских идей в Харбине были белые генералы В.Д. Косьмин, В.В. Рычков и бывший министр внутренних дел Приморского правительства братьев Меркуловых В.Ф. Иванов. Фашистские идеи увлекли некоторую часть выходцев из России, в основном представителей молодого поколения.

Большую роль в этом процессе сыграл Николай Иванович Никифоров (1886-1951), с 1922 г. – и.д. экстраординарного профессора юридического факультета в Харбине по кафедре истории русского права. На юридическом факультете в Харбине работал до его ликвидации факультета в 1937 г. и был его последним деканом.

Первоначально, молодежные группы Харбина, которые изучали различные антикоммунистические идеологии, в том числе и фашистскую, были сконцентрированы в клубе Русского студенческого общества, возникшего в 1922 г. на Харбинском юридическом факультете, руководителями которого являлись П.И. Грибановский и А.Н. Покровский.

В 1925 г. на базе Русского студенческого общества (РСО) было создано Русское фашистское движение (РФД), пока еще в форме тайной группы («Группа Покровского», по имени ее лидера – бывшего офицера Белой армии, поручика А.Н. Покровского). В том же году, после того, как «Группа Покровского» установила связь с проживающими в Шандуне бывшими членами правительства братьев Меркуловых во Владивостоке, Русское фашистское движение было преобразовано в Русскую фашистскую организацию (РФО). Большинство первых членов РФО были преподавателями и студентами Харбинского юридического факультета, а также Политехнического и Педагогического институтов, Института ориентальных и коммерческих наук.

В 1926 г. «Русская фашистская организация» была фактически преобразована в «Союз национальных синдикатов русских рабочих фашистов Дальнего Востока», именованный также «Союзом синдикалистов-фашистов», поскольку РФО стала создавать «национальные синдикаты» – фашистские профсоюзы студентов, а также работников разных специальностей.

Первоначально работой организации руководили А.Н. Покровский и Б.С. Румянцев. Многие из его членов ранее состояли в различных монархических организациях. «Союз синдикалистов-фашистов» занимался пропагандой фашистских идей среди представителей российской эмиграции в г. Харбин. Первым программным документом этой организации стала появившаяся 21 ноября 1926 г. публикация «Наши требования». Достаточно быстро «Союз синдикалистов-фашистов» студенческого кружка превратился в организацию численностью в несколько сот человек.

Создавая праворадикальное по своему характеру движение, представители российской эмиграции в Китае, очевидно, копировали уже имеющийся к тому моменту опыт итальянских фашистов во главе с Б. Муссолини, которые находились у власти в Италии с 1922 г.

Наряду с этим, предпринимались попытки найти «источки» фашизма в Российской империи. Так, например, в 1928 г. в Харбине вышла книга Ф.Т. Горячкина «Первый русский фашист Петр Аркадьевич Столыпин», в которой автор рассказал, что представляет собой это

---

⁷ В 1922 г. в Константинополе был учрежден Российский отдел ополчения фашистов (РООФ). В 1924 г. в Европе, в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, профессором Д.П. Рузским и генерал-майором П.В. Черским была создана Национальная организация русских фашистов (НОРФ), идеологически ориентированная на итальянский фашизм. Вскоре отделение НОРФ появилось в Китае в г. Тяньцзинь. Существовали в Китае и другие фашистские организации, такие как «Рабоче-крестьянская казачья оппозиция, или Русские фашисты», «Опричники грядущего самодержца русского» в Тяньцзине. Эти организации также в основном опирались на идеи итальянских фашистов. Однако, все они не получили своего дальнейшего развития по сравнению с организациями, которые возникли в г. Харбин. Подробнее: Базанов П. Н. Первые организации русских фашистов // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / Отв. ред. и сост. В.Ю. Жуков. СПб.: СПбГАСУ, 2011. С. 23-37.

политическое течение и заявил, что П.А. Столыпин «даже гениальнее современного Бенито Муссолини. Этот русский колосс, этот гениальный государственный деятель».

С первых дней своего существования «Союз синдикалистов-фашистов» искал поддержки у местных китайских властей. Известно, что правительство Маньчжурии использовало эту организацию в собственных целях. Так, в марте 1928 г. фашисты пытались вмешаться в забастовку в Государственном пароходстве: формировали отряды штрейкбрехеров, но потерпели неудачу. Кроме того, с 1928 г. они участвовали в создании «партизанских отрядов» для засылки на территорию СССР.

Процесс вызревания в среде российской эмиграции в Китае праворадикального по своему характеру движения завершился тем, что в 1931 г. в Харбине (в маленьком домике на Школьной улице, где тогда снимал комнату К.В. Родзаевский) прошел Съезд русских фашистов Дальнего Востока. В результате, на базе ряда действовавших к тому моменту в Маньчжурии профашистских молодежных организаций, членами которых являлись представители российской эмиграции, была создана «Российская фашистская партия» (26 мая 1931 г.). В числе основателей «Российской фашистской партии» - группа студентов и преподавателей Харбинского юридического факультета, эмигрантского высшего учебного заведения, существовавшего с 1920 по 1937 гг. в Харбине⁸.

Очевидно, что, с одной стороны, идеологи русского национализма, лидеры созданной в Харбине в 1931 г. «Российской фашистской партии»⁹ (в их числе – уроженец г. Благовещенск Константин Владимирович Родзаевский (1907-1946), бежавший в Маньчжурию в 1925 г., после чего он поступает на Харбинский юридический факультет, вступает в Русскую фашистскую организацию и вскоре становится членом актива РФО)¹⁰ восприняли отдельные положения националистической идеологии, сформулированные еще до Октябрьской революции 1917 г. С другой стороны, в отличие от дореволюционного этапа в развитии русского национализма, когда преобладающей в его идеологии являлась православная составляющая, представители «новой волны» русского национализма делали главный акцент на антикоммунистических взглядах. Последнее обстоятельство максимально, насколько это было возможно, сближало русских националистов с итальянскими фашистами и германскими национал-социалистами. Это становилось совершенно очевидно, учитывая, что и первые, и вторые, и третьи, пусть и в разной степени, но в качестве еще одного составляющего элемента в фундаменте своей идеологии рассматривали идеи антисемитизма.

В 1933 г. в Харбине, на Китайской улице, недалеко от широко известной тогда гостиницы «Модерн», открылся Русский клуб – центральный штаб «Российской фашистской партии». Здесь же действовало игорное заведение, деятельность которого способствовала притоку значительных финансовых средств в кассу «Российской фашистской партии». По некоторым данным, члены «Российской фашистской партии» были связаны и с преступной деятельностью (проституция, торговля наркотиками, захват в заложники с целью получения выкупа и др.).

В научной литературе приводится и такой, весьма примечательный факт. Во время гастролей Ф.И. Шаляпина в Шанхае представители «Российской фашистской партии» пытались его шантажировать, требуя, чтобы выручка от концертов пошла в фонд РФП. Добиться этого от великого артиста не удалось, он выгнал вымогателей из своего номера. Между нами говоря, писал потом Ф.И. Шаляпин своей дочери Ирине, все эти монархисты и фашисты – «сволочь неестественная!».

⁸ Подробнее: Дорофеева М.А. Юридический факультет в Харбине как форпост русского образования в Китае // Берега: Информационно-аналитический сборник о Русском зарубежье. Вып. 9. СПб, 2008. С.40-46.

⁹ До 1934 г. – «Русская фашистская партия». С 1934 г. – «Российская фашистская партия».

¹⁰ Подробнее: Дуче из Благовещенска // Версия, 8-14 декабря 2003 г. URL: http://www.warmech.ru/jap/jap_gaz_3.html.

«Российская фашистская партия» представляла собой военизированную организацию, ставила своей целью свержение Советской власти и установление фашистской диктатуры в России (как указывалось в Программе «Российской фашистской партии», «Новой Национально-Трудовой Великой России, России для Россиян»), опираясь при этом на помощь Японской империи.

В 1934 г. под редакцией К.В. Родзаевского вышла в свет книга вопросов и ответов «Азбука фашизма», переиздававшаяся впоследствии несколько раз. Книга представляла собой сборник вопросов и ответов – они должны были разъяснить идеологию, теорию и практику русского фашизма¹¹. К.В. Родзаевский является автором еще целого ряда книг и брошюр, в которых были изложены программные установки «Российской фашистской партии», а также ее стратегия и тактика.

Идеология «Российской фашистской партии» - русский фашизм, определяемый главным лозунгом российских фашистов – «Бог, Нация, Труд!».

Высшим органом партии был Съезд (до 1935 г.) и Верховный Совет (после 1935 г.).

В апреле 1934 г. в Харбине прошёл 2-й (Объединительный) съезд Российских Фашистов.

28 июня – 7 июля 1935 г. в Харбине прошёл 3-й (Всемирный) съезд Российских Фашистов, на котором были утверждены Программа и Устав «Российской фашистской партии».

21-23 января 1939 г. в Харбине прошёл 4-й (последний) съезд Российских Фашистов.

Лидер «Российской фашистской партии» К.В. Родзаевский носил титул Генерального секретаря.

В структурном отношении «Российская фашистская партия» мало чем отличалась от политических организаций праворадикального толка, действовавших тогда в разных странах мира.

Желающие вступить в ряды «Российской фашистской партии» писали Прощение о том, что «разделяют вполне идеологию и тактику Русской фашистской партии, настоящим ходатайствую о включении меня в число ее членов». И далее: «При вступлении в Партию обязуюсь выполнять все распоряжения подлежащих высших органов ее и соблюдать необходимую конспирацию». Кроме того, заполнялась анкета, в которую вносились личные данные о потенциальном члене «Российской фашистской партии».

Сначала их определяли в сочувствующие, затем – в кандидаты и через какой-то срок – в действительные члены. Друг друга члены «Российской фашистской партии» называли «собратниками». Существовали первичные (2-5 человек) организации – фашистские ячейки, более крупные – «очаги» и организации в одной или нескольких странах – «отделы».

Отделы и ячейки «Российской фашистской партии» действовали в Австрии, Бельгии, Болгарии, Германии, Греции, Испании, Италии, Латвии, Литве, Эстонии, Нидерландах, Польше, Румынии, Швейцарии, Югославии, Канаде, США, Аргентине, Бразилии, Парагвае, Уругвае, Чили, Индокитае, Монголии, Сирии, Филиппинах, Японии, Египте, Марокко, Австралии, Новой Зеландии.

Наряду с территориальными структурами «Российской фашистской партии» создавались группы и по другим признакам, в т.ч. национальным. Так, например, действовала армянская секция РФП (тесный контакт с РФП поддерживал Союз армян под руководством К. Акопяна) и самостоятельная партийная казачья группа, созданная в июле 1937 г. В Хайларе был создан мусульманский «очаг» РФП.

«Российская фашистская партия» имела следующие отделы, входящие в ее структуру: Организационно-структурный отдел; Учетно-статистический отдел; Учетно-

---

¹¹ В 1943 г. в Харбине из печати вышла еще одна книга К.В. Родзаевского - «Современная иудаизация мира, или Еврейский вопрос в XX столетии». 11 октября 2010 г. решением Центрального районного суда города Красноярска книга была признана в РФ экстремистским материалом и была внесена в Федеральный список экстремистских материалов (№ 861).

распределительный отдел; Контрольный отдел: Разведывательный отдел; Контрразведывательный (особый) отдел; Военный отдел; Внутрирубежный отдел; Плановый отдел.

Кроме того, существовали отдельные органы при «Российской фашистской партии»: агитационно-пропагандный отдел, идеологический совет, кружок по изучению СССР (КИС), а также разные подотделы – эмигрантский, устной агитации, письменной агитации, смешанной агитации, изучения СССР и дипломатический и др. Имелись собственные вооруженные формирования, – например, охраной руководителей «Российской фашистской партии» занимался Особый отряд, возглавляемый А.А. Болотовым.

В 1934 г. в Харбине начала функционировать Высшая партийная школа, в которой осуществлялась подготовка кадров для «Российской фашистской партии».

25 октября 1936 г. Верховный Совет «Российской фашистской партии» утвердил положения «О партийном приветствии В. Ф. П.», «О партийном флаге В. Ф. П.», «О Национальном Флаге и Гимне В. Ф. П.», «О партийном значке В. Ф. П.», «О Партийном Знамени В. Ф. П.», «О партийной форме и иерархических знаках В. Ф. П.», «О религиозном значке В. Ф. П.».

У «Российской фашистской партии» имелась своя униформа, которая состояла из чёрной рубашки, чёрного кителя с золотыми пуговицами со свастикой, чёрной фуражки с оранжевым кантом и свастикой на кокарде посередине, ремня с портупеей, чёрных брюк-галифе с оранжевым кантом и сапог; на левом рукаве рубашки и кителя, чуть выше локтевого сгиба, нашивался оранжевый круг, окаймлённый белой полосой, с чёрной свастикой посередине. На обшлаге левой руки нашивались партийные иерархические знаки.

Имелись у «Российской фашистской партии» также свои символика (в т.ч. значок, члена РФП)¹², близкая по своей форме и содержанию к символике НСДАП (главным элементом символики являлась свастика), флаг и гимн – «Поднимайтесь, братья, с нами!».

Чтобы привлечь к себе внимание, 7 ноября и 1 мая члены «Российской фашистской партии», именовавшие эти дни «днем измены» и «днем эксплуатации», устраивали шумные демонстрации у здания Консульства СССР в Харбине, которые иногда заканчивались потасовками с полицией.

В середине 1930-х годов «Российской фашистской партией» был организован «Фонд Противокоммунистической борьбы», главной задачей которого был сбор средств для осуществления свержения коммунистического режима в СССР. Сбор средств осуществлялся через продажу литературы, изданной Фондом, а также через реализацию марок, выпущенных Фондом. Осуществлять распространение литературы и марок Фонда вменялось в обязанность членов партии и сочувствующих.

В 1935 г. «Российской фашистской партией» был принят «план фашистской трёхлетки», в соответствии с которым предполагалось в течение 3-летнего периода (1 мая 1935 г. – 1 мая 1938 г.) свергнуть советскую власть в России. «Российские фашисты обязаны выполнить эту задачу или погибнуть!» - говорилось в «Азбуке русского фашизма».

Осуществление этих планов виделось через максимальное развертывание «внутриросийской работы»: в течение трёх лет всю Россию намечалось покрыть «сетями несвязанных друг с другом ячеек», которые по сигналу в 1938 г. должны были поднять повсеместное единовременное восстание. При этом, каждая созданная в России революционная ячейка должна образовать несколько аналогичных революционных ячеек путем пропаганды, агитации, в т.ч. используя террор и другие насильственные методы.

В июле 1937 г., после переименования, партия приняла новое название – «Российский Фашистский Союз» (РФС).

Примечательно, что «Российская фашистская партия» имела целую сеть различных дочерних организаций, ориентированных на самые разные социальные слои общества.

¹² См.: Окорочков А.В. Русская эмиграция в наградах и знаках. М.: Институт Наследия, 2020.

«Российское Женское Фашистское Движение» (1934-1943 гг.) являлось женской организацией «Российской фашистской партии», которая была создана с целью объединения девушек и женщин, разделяющих идеологию русского фашизма. Объединяло русских девушек и женщин в возрасте от 20 до 40 лет. Выступало за Национальную трудовую Россию, построенную на корпоративной системе русского фашизма, в которой женщина заняла бы «по праву ей принадлежащее место – носительницы идеи красоты и хранительницы семейного очага (жены, матери), надлежащим образом обеспеченное законом».

«Российское Женское Фашистское Движение» состояло из центрального руководства и местных организаций. Центральным руководством был Руководящий центр и его органы, местными организациями – очаги, районы и отделы. Руководящий центр учреждался на съездах «Российской фашистской партии». Общее руководство работой принадлежало Главе «Российской фашистской партии» через Руководящий центр. Постановления Руководящего центра входили в силу по утверждению их Главой «Российской фашистской партии». Руководящий центр состоял из председательницы, которая считалась также председательницей всего движения в целом, её заместительницы, секретаря, которая считалась также секретарём всего движения в целом, казначея и начальниц отделов Руководящего центра – отдела пропаганды, отдела подготовки. Местные организации состояли из фашисток различных категорий сочувствующих, кандидаток, действительных членов, членов актива, зачисленных в соответствующую организацию распоряжением её руководящего органа. Очагом называлась группа фашисток от 2 до 5 человек, районом – группа очагов определённой территории и отделом – группа очагов или районов определённой значительной территории. Очаг возглавлялся старшей очага, район – начальницей района, отдел – начальницей отдела, назначаемых вышестоящими начальницами и утверждаемыми Руководящим центром.

«Российское Женское Фашистское Движение» имело форму: белую блузу с чёрной юбкой и чёрным галстуком-бантом, на левом рукаве носилась свастика.

С 1935 г. «Российское Женское Фашистское Движение» издавало газету «Пробуждение», которая первоначально была ежемесячной, а затем издавалась раз в две недели.

1 марта 1941 г. «Российское Женское Фашистское Движение» было переименовано в «Союз русских женщин».

«Союз Фашистской Молодёжи» - молодёжная организация «Российской фашистской партии», созданная в 1936 г. в Харбине, в которой состояли автоматически все члены организаций в возрасте от 16 до 25 лет. Возглавлялся И.Н. Дунаевым, у которого был многолетний опыт работы в воспитательных органах.

Зачисление в «Союз Фашистской Молодёжи» осуществлялось автоматически: всех членов организаций «Российской фашистской партии» соответствующего возраста, независимо от пола. При этом они оставались членами в соответствующих организациях. «Союз Фашистской Молодёжи» разделялся на две группы: младшую и старшую. Каждая группа имела две степени: юных фашистов и фашисток; авангардистов и авангардисток. Для перехода из степени в степень сдавались экзамены. Успешно сдавшие 2-ю ступень норм «Союза Фашистской Молодёжи» зачислялись в «Академию им. П.А. Столыпина». В «Союзе Фашистской Молодёжи» работали культурно-просветительный, драматический и философский кружки, а также школы кройки и шитья и изучения языков. Важнейшими секциями значились политическая и военная. Структурными единицами являлись филиалы при отделах «Российской фашистской партии».

Руководитель «Союза Фашистской Молодёжи» назначался Главой «Российской фашистской партии», остальные руководители назначались приказами Руководителя.

12 апреля 1939 г. возник «Антикоммунистический союз молодежи», также ставший резервом пополнения рядов «Российской фашистской партии». В него, помимо «Союза Фашистской Молодёжи», входили: Союз националистической молодёжи, Молодая имени атамана Семёнова станица и другие.

«Союз Юных Фашистов – Авангард» и «Союз Юных Фашисток – Авангард» - соответственно, мужская и женская молодежные организации «Российской фашистской партии», созданные в 1934 г. в Харбине, в которых могли состоять юноши и девушки русской национальности в возрасте от 10 до 16 лет.

Целями молодежных организаций являлись: сохранение русских детей от денационализации; систематическое воспитание их в русском национальном духе, строгом соблюдении Веры Православной и традиций былой России; подготовка национально-мыслящих русских юношей и девушек к ответственному национальному служению на началах религии, нации и труда; пополнение подрастающей смены кадров «Российской фашистской партии». Идеология и тактика Союза всецело определялись идеологией и тактикой «Российской фашистской партии».

Для вступления в «Союз Юных Фашистов – Авангард» или «Союз Юных Фашисток – Авангард» необходимо было поручительство одного из членов этих организации или «Российской фашистской партии». «Союз Юных Фашистов – Авангард» и «Союз Юных Фашисток – Авангард» разделялись на две группы: младшую (10-13 лет) и старшую (13-16 лет). Каждая группа разделялась на два разряда: 2-й разряд – Юные Фашисты и Юные Фашистки и 1-й разряд – Авангардисты и Авангардистки. По достижении 16 лет члены «Союза Юных Фашистов – Авангард» и «Союза Юных Фашисток – Авангард» переходили в «Союз Фашистской Молодёжи».

В молодежных организациях существовали должности: старший и старшая оцага, старший и старшая района (отряда), старший и старшая отдела (дружины). Структурные единицы Союза составляли: очаги (группа в 5 человек), очаги определенного территориального района образовывали район (отряд), районы определенного пригорода или группы пунктов образовывали отдел (дружину). Во главе стоял Начальник Авангарда, назначаемый Главой «Российской фашистской партии», остальные руководители назначались приказами Начальника Авангарда.

Форма Авангарда состояла: для юношей – из чёрной рубашки с желтыми пуговицами и синими погонами и чёрных брюк, для девушек – из белой блузы с чёрным бантом на груди и чёрной юбки. У юношей рубашка опоясывалась ремнем с португеей. Головной убор – чёрная фуражка с оранжевым кантом и кокардой из буквы «А» в венке из листьев.

28 февраля 1941 г. организации были переименованы в «Союз русских юношей» и «Союз русских девушек».

«Союз Фашистских Крошек» - детская организация «Российской фашистской партии», созданная в 1934 г. в Харбине, в которой могли состоять «русские мальчики и девочки, верящие в Бога, любящие Россию, уважающие Труд».

Заявленная цель «Союза Фашистских Крошек» - «спасение Российских детей от влияния улицы и денационализации, воспитание их для будущей России в религиозно-национальном фашистском духе». Членами Союза могли быть дети российских эмигрантов в возрасте от 3 до 10 лет. Для вступления в «Союз Фашистских Крошек» было достаточно записки родителей о согласии.

Фашистские крошки подразделялись на: простую фашистскую крошку, умную крошку, крошку-всезнайку и крошку-авангардистку. По достижении 10-летнего возраста фашистская крошка переходила в «Союз Юных Фашистов – Авангард» или «Союз Юных Фашисток – Авангард».

В «Союзе Фашистских Крошек» существовали должности: старший или старшая оцага, начальник или начальница района и начальник или начальница отдела. Структурные единицы «Союза Фашистских Крошек» составляли: очаги (несколько крошек, живущих поблизости друг от друга или учащихся в одной школе, одном классе), группа очагов определенного района составляли район, группа районов в определенных территориальных границах составляли отдел.

Во главе «Союза Фашистских Крошек» стоял Руководящий Центр С. Ф. К., учреждаемый приказом Главы «Российской фашистской партии».

Форма фашистских крошек состояла: у мальчиков – из чёрной рубашки, португели и чёрных брюк, у девочек – из чёрного сарафана, надетого на белую блузу.

«Союз Фашистских Крошек» издавал газету «Крошка».

В целях распространения своих взглядов среди самых широких слоев российской эмиграции в Китае, под эгидой «Российской фашистской партии» издавались многочисленные периодические издания (журнал «Нация», газета «Нация», газета «Наш путь» и др.).

Среди них выделяется ежедневная газета «Наш путь», основанная 3 октября 1933 г., и выходившая в 1933-1938 гг. в Харбине, в 1938-1943 гг. в Шанхае. Издание являлось официальным органом «Российской фашистской партии», пропагандируя идеи православия, национализма и фашизма. Тираж составлял 4000 экземпляров. Распространялась в Харбине, Шанхае, Тяньцзине, Синьцзяне и других местах. В течение всего периода его выпуска главным редактором был К.В. Родзаевский. При газете существовало «Издательство газеты „Наш Путь“»¹³.

Внимание уделялось также акциям, несущим в себе особый символизм. Так, 8 июня 1941 г. на Соборной площади в Харбине, напротив гостиницы «Нью Харбин» состоялось торжественное открытие Памятника борцам с коминтерном («Памятник героям, павшим в борьбе с коминтерном»). Монумент был посвящён белоэмигрантам, погибшим в борьбе с Коминтерном и являлся единственным в мире памятником подобного рода.

Идея постройки памятника принадлежала главе Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) В.А. Кислицыну. Идею поддержал глава Японской военной миссии в Харбине генерал Хикосабуро Хата, а также его преемник генерал Гэндзо Янагита. После этого БРЭМ обратился к жителям Маньчжоу-го с призывом жертвовать деньги на памятник. Средства были собраны в короткий срок, после чего был объявлен конкурс проектов памятника, условием которого было «чтобы проект был выдержан в православном духе, гармонировал бы с Собором и являлся бы произведением искусства»¹⁴. Закладка камня состоялась 7 ноября 1940 г. Его строительство обошлось в 69750 юаней.

Памятник был выполнен из светло-серого гранита в псевдорусском стиле. В нишах двух боковых фасадов располагались барельефы, высеченные из гранита: Георгий Победоносец, поражающий копьём змия, и архистратиг Михаил, разящий огненным копьём и попирающий ногой дьявола. С южной стороны памятника было написано: «Героям, павшим в борьбе с коминтерном». Внутри памятника находился мраморный саркофаг с врезанной памятной доской, надпись на которой гласила: «С благословения Высокопреосвященнейшего митрополита Мелетия, разрешения и при содействии властей во главе с начальником Императорской Ниппонской военной миссии генералом Хата и его преемником по должности начальника миссии, генералом Янагита, по инициативе начальника Главного Бюро по делам российских эмигрантов, генерала от кавалерии В.А. Кислицына, Строительным комитетом под председательством Императорской Ниппонской армии майора Наимура, при секретарях М. Мацубара и М.Н. Гордееве, при наблюдающем за возведением памятника инженер-архитекторе Н.С. Свиридове, при производителе работ инженере Н.П. Калугине и его помощнике инженере В.Н. Феоктистове, скульпторе Н.И. Звереве, на средства населения Маньчжурской Империи, воздвигнут сей памятник в лето от Рождества Христова 1941-ое, эры Кан-Дэ 8-ое»¹⁵.

Во время церемонии открытия памятника, в своей речи В.А. Кислицын, в частности, сказал, что «в день открытия и освящения единственного в мире по своей идее и своему зна-

¹³ Чжан Хуйцзюнь. Периодическая печать, издававшаяся в Китае выходцами из России // Китайский информационный Интернет-центр. 10/01/2003. URL: <http://russian.china.org.cn/>.

¹⁴ Харбинское время. № 151 от 8.06.1941.

¹⁵ Харбинское время. № 152 от 10.06.1941.

чению памятника борцам с коминтерном необходимо вспомнить тех, кто погиб от сил зла», после чего перечислил длинный список. В него вошли и были перечислены поимённо: император Николай II и члены его семьи, расстрелянные в Екатеринбурге, великий князь Михаил Александрович, расстрелянный в Перми, другие расстрелянные члены императорской фамилии, лидеры Белого движения А.В. Колчак, Л.Г. Корнилов, П.Н. Врангель, В.О. Каппель и другие. От Никольского собора подошёл крестный ход в главе с митрополитом Мелетием, архиепископом Нестором, епископами Димитрием и Ювеналием, которые совершили молебен и обряд освящения памятника.

После вступления в Харбин в ходе Маньчжурской наступательной операции (1945 г.) советских войск во второй половине августа 1945 г. памятник был снесён и на его месте возведён памятник погибшим советским солдатам, который стоит до настоящего времени.

Было бы неправильным считать, что идеология русского национализма, крайним проявлением которой стал русский фашизм, получила широкое распространение среди представителей российской эмиграции в Китае. Эти идеи получили поддержку со стороны небольшой части населения русских колоний в Маньчжурии и Китае, общая численность которого в 1923 г., оценивалась приблизительно в 400 тысяч человек¹⁶.

Многих представителей российской эмиграции в Китае отталкивала праворадикальная идеология «Российской фашистской партии», в особенности, антисемитизм, а также экстремизм в ее деятельности (в т.ч. преступная деятельность, связанная с откровенным нарушением закона). Негативную оценку получало также сотрудничество «Российской фашистской партии» с Японской военной миссией.

Количество сторонников «Российской фашистской партии» в Маньчжурии составляло 200 человек в 1931 г., 5000 в 1933 г.¹⁷ и достигло в 1935 г., по утверждениям К.В. Родзаевского, 20000¹⁸. Помимо Маньчжурии, отделы партии существовали во многих странах Европы, Северной Африке, Латинской Америки, США, Канаде, Австралии, в местах проживания русских эмигрантов¹⁹. Общее число ее членов в 1938 г. было примерно 30000²⁰. Ю.В. Мельников считает все эти цифры явно завышенными и определяет численность «Российской фашистской партии» в 4000 человек.

Движение русских националистов в Маньчжурии не следует рассматривать как автономное, изолированное от других течение, существовавшее в общем потоке подобных ему движений, во множестве распространившихся по всему миру. Предпринимавшиеся попытки объединения «Российской фашистской партии» (К.В. Родзаевский), действовавшей в Китае, с «Всероссийской фашистской организацией» (А.А. Вонсяцкий), действовавшей в США, являются частью общей для националистических движений 1930-х годов стратегии, ориентированной на максимально широкое распространение своего влияния в мире.

Первая такая попытка относится к 1934 г., когда в Иокогаме «Российская фашистская партия» (РФП) и «Всероссийская фашистская организация» (ВФО) предприняли попытку слияния, по результатам которого была создана «Всероссийская фашистская партия»: 3 апреля 1934 г. был подписан Протокол № 1, в котором провозглашалось слияние Р. Ф. П. и В. Ф. О. и создание Всероссийской фашистской партии (В. Ф. П.). Предполагалось соединение организационного начала РФП и финансовых ресурсов ВФО. 26 апреля 1934 г. в Харбине на 2-м (объединительном) съезде Российских Фашистов произошло официальное объединение ВФО и РФП и создание «Всероссийской фашистской партии».

¹⁶ О численности населения русских колоний в Маньчжурии в частности и в Китае в целом см., напр., Полян П. Эмиграция: Кто и когда в XX веке покидал Россию Опубликовано в: Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С.493-519.

¹⁷ Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925-1945. М.: Слово, 1992. С. 112.

¹⁸ Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925-1945. М.: Слово, 1992. С. 227.

¹⁹ Окорочков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). М.: Руссаки, 2002. С. 160-168.

²⁰ Центральный архив ФСБ РФ. Следственное дело Н-18765 в отношении Семёнова Г. М., Родзаевского К. В. и др. Т. 10, л.д. 145-206.

В специально принятом документе говорилось:

«На состоявшейся конференции 3-го апреля с.г. в г. Иокогаме, Особоуполномоченные ВФП и представители РФП, обсудив вопрос объединения, вынесли нижеследующую резолюцию по вопросу о слиянии ВФО и РФП:

1. Признать, что в интересах создания общего антикоммунистического фронта Зарубежья соединение ВФО с РФП является повелительно необходимым и должным быть проведенным в жизнь.

2. Совещание признает, что политических расхождений между РФП и ВФО не существует после принятия политической платформы письма А.А. Вонсяцкого.

3. Совещание признает, что открытое письмо подчеркивает важность борьбы с коммунистической властью.

4. Совещание приняло в основу будущей деятельности Всероссийской Фашистской Партии указание открытого письма А.В. Вонсяцкого к главному Штабу Русских Фашистов в Америке (напечатанного в «Фашисте» № 1, которое указывает недочеты прошлой деятельности Зарубежных антикоммунистических организаций и, исправляя ошибки, допущенные русскими политическими организациями зарубежья, создает нерушимую базу для дальнейшего единства фашистской партии)».

Однако, уже через несколько месяцев произошел разрыв между К.В. Родзаевским и А.В. Вонсяцким, поскольку последний критически относился к ярко выраженным антисемитским взглядам, которые пропагандировали русские фашисты, находившиеся в Маньчжурии, а также выступал против сотрудничества с атаманом Г.М. Семеновым.

На 3-м (Всемирном) съезде Российских Фашистов (28 июня – 7 июля 1935 г.) было принято решение, что «ВФП будет приветствовать всякое вторжение в СССР иностранных войск» и «поддержит их». Также на нем был принят курс на сотрудничество со связанными с японцами атаманом Г.М. Семеновым и Дальневосточным союзом казаков, подтверждена линия на поддержку русскими фашистами созданного японцами Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ).

Летом 1936 г. в Харбине из членов «Всероссийской фашистской партии» был сформирован диверсионно-разведывательный отряд «Спасение Родины» во главе с М.П. Маслаковым, в котором насчитывалось около 50 подготовленных бойцов под руководством офицера Японской императорской армии Судзуки.

Осенью 1936 г. члены «Всероссийской фашистской партии» предприняли попытку устроить подрывные акции на территории СССР. Для этого с помощью японских военных на советскую территорию были заброшены несколько групп членов «Всероссийской фашистской партии», однако, каждая вторая группа была обнаружена и уничтожена пограничниками. Одна группа в составе 6 человек прошагала по шпалам 400 км до Читы и 7 ноября 1936 г., когда отмечалась очередная годовщина Великого Октября, смешавшись с толпой демонстрантов, вынули и раздали листовки, в которых обличались преступления И.В. Сталина. Сотрудники НКВД узнали о проведенной акции по раздаче подрывных материалов с опозданием и, в результате, группа благополучно вернулась в Маньчжурию.

Между тем, даже с учетом вышеобозначенного обстоятельства, а также имея ввиду определенные успехи представителей идеологии русского национализма в Китае в ходе процесса организационного оформления своего движения (тщательно проработанная идеология, широкое внедрение принципа вождизма, создание сети различных организаций, ориентированных на самые разные социальные слои общества, наличие собственных средств массовой информации, органов партийной печати – журналов, газет и др.), русский национализм в целом и русский фашизм, в частности, в исторической перспективе подтвердили свою несостоятельность.

Их крах стал неизбежным в условиях начавшейся Второй мировой войны 1939-1945 гг., в ходе которой, главным образом после нападения Германии на СССР, идеологи русского национализма перешли на откровенно враждебные, уже не только по отношению к совет-

скому руководству, но и по отношению к советскому народу, позиции, влились в ряды русских коллаборационистов.

Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. заставило русских фашистов буквально воспрянуть духом. К.В. Родзаевский и А.В. Вонсяцкий, постоянно конфликтовавшие между собой, вновь решили объединиться «ради общего дела».

В этом же ключе можно рассматривать также некоторые аспекты деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ). Эта, созданная 28 декабря 1934 г. при участии японцев организация, в военных вопросах достаточно активно сотрудничала с японскими военными властями.

В 1938 г. была сформирована так называемая «Бригада Асано», вооруженное формирование в армии Маньчжоу-го, в которую вошли некоторые представители русских эмигрантов, живших в Маньчжурии. Отряд под командованием японского офицера Макото Асано, место дислокации которого находилось на станции Сунгари – II, формировался как разведывательно-диверсионный и, по некоторым данным, принимал участие в боях в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол. В 1943 г. «Бригада Асано» была переформирована в Русские отряды маньчжурских войск, которые приняли ограниченное участие в военных действиях в Маньчжурии²¹.

Таким образом, русские фашисты на Дальнем Востоке еще задолго до Второй мировой войны начали свое сотрудничество с враждебными по отношению к Советскому Союзу силами, продолжив его и в дальнейшем.

Такая, в сущности антипатриотическая, антироссийская позиция, не могла не способствовать значительному ослаблению влияния идеологии русского национализма в эмигрантской среде и, в конечном счете, привела к идеологическому «тупику». Закономерным итогом стала фрагментация движения и его фактическая ликвидация к концу Второй мировой войны 1939-1945 гг.

В 1943 г. «Российский Фашистский Союз» (РФС) был запрещен японцами, господствовавшими в оккупированной Маньчжурии, поскольку в отношении К.В. Родзаевского возникли подозрения по поводу того, что он сотрудничает с советскими разведывательными службами.

Японская военная разведка, известная под названием «Японская военная миссия» (ЯВМ) объявила 1 июля 1943 г. о ликвидации отделений «Российского Фашистского Союза» (РФС) в Маньчжурии, Японии и Китае без каких-либо объяснений. На любую деятельность (собрания и др.), униформу и эмблему РФС был наложен строгий запрет.

По окончании Второй мировой войны руководители, попавшие в советский плен (К.В. Родзаевский²², А.П. Бакшеев, Л.Ф. Власьевский, И.А. Михайлов, Л.П. Охотин, Б.А. Шепунов, князь Н.А. Ухтомский), в 1946 г. были казнены или приговорены к длительным срокам заключения («Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу атамана Г.М. Семёнова, К.В. Родзаевского и других»)²³. Так, например, К.В. Родзаевскому вменялась в вину активная антисоветская деятельность после бегства из СССР, в частности, создание «Русской

²¹ Подробнее см., напр., Смирнов С.В. Русские офицеры в военизированных и армейских подразделениях Маньчжоу-го (1932-1945 гг.) // Белая армия. Белое дело. 2006. №15. С. 95-102; Смирнов С.В. Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938-1945. Екатеринбург, 2012; Смирнов С.В. Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го (1938-1945). М., 2016.

²² 13 августа 1945 г. ввиду неизбежности оккупации Маньчжоу-го советскими войсками К.В. Родзаевский покинул Харбин и перебрался в Шанхай, а затем – в Пекин, где обратился в Посольство СССР и сдался советским властям. Тогда же (22 августа 1945 г.) К.В. Родзаевский написал И.В. Сталину (еще одно письмо было отправлено на имя командующего оккупационными войсками СССР в Маньчжурии маршалу А.М. Василевскому) письмо, в котором объявил, что он отрекается от своих взглядов (См.: Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину // Отечественная история. 1992. № 3. С. 92-100). 25 октября 1945 г. К.В. Родзаевский добровольно вернулся в СССР, где был немедленно арестован.

²³ Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М.: Воениздат, 1979.

фашистской организации» и руководство ею, проведение антисоветской пропаганды среди белогвардейцев, находившихся на территории Маньчжурии, составление листовок, брошюр и книг антисоветского содержания и т.п., включая активную деятельность на международной арене с созданием аналогичных организаций и групп в Маньчжурии, Китае, а также в Европе и США. Кроме этого, согласно приговору, он был причастен к подготовке нападения на СССР совместно с рядом японских генералов, организации и личном участии в ряде провокаций, проводимых японской разведкой, как повод для оккупации Маньчжурии; организовывал и готовил из числа членов РФС шпионов и террористов, используемых против СССР, был связан также с германской разведкой и использовал получаемые от немцев средства на антисоветскую работу. К.В. Родзаевский признал свою вину, и 30 августа 1946 г. был приговорен к смертной казни. В тот же день он был расстрелян.

Представляется, что феномен русского национализма, отражающий одну из страниц в истории российской эмиграции в Китае, представляет собой ничто иное как трагедию, превратившуюся в фарс. Занимаясь поиском для России третьего, альтернативного по отношению к капитализму и социализму пути развития, отдельные представители русских эмигрантских кругов Китая, вставшие на позиции русского национализма, совершили серьезную ошибку.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2007.
2. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М.: Русская панорама, 2004.
3. Аблова Н.Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии (1920-1940 гг.) // Россия XXI. 2004. № 2. С. 126-145.
4. Аурилене Е.Е., Потапова И.В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство». Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2004.
5. Балакшин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2013.
6. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007.
7. Василенко Н.А. Российская эмиграция в Маньчжурии накануне и в годы Второй мировой войны // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 20-25.
8. Гладких А.А. Русский фашизм в Маньчжурии // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008. № 5. С. 112-121.
9. Гончаренко О.Г. Белоэмигранты между звездой и свастикой. М.: Вече, 2005.
10. Добрынина М.В. Фашизм как инструмент контрреволюционной деятельности белого движения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10. С. 128-133.
11. Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1931-1945. М.: Наука, 1990.
12. Звезда и свастика: большевизм и русский фашизм / общ. ред., сост. и послесл. С. Кулешова. М.: Терра, 1994.
13. Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920-1940-е гг. М.: МГОУ, 2003.
14. Каневская Г.И., Шульгина Н.В. Политические организации русской эмиграции в Китае в 1920-1940 гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1.
15. Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии, 1920-1930-е гг. Санкт-Петербург: Астерион, 2014.
16. Курас Л.В. Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки) // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2016. Т. 11. № 4. С. 163-173.

17. Лазарева С.И., Сергеев О.И. Общественно-политическая активность российских эмигрантов в Китае в 20-40-е гг. XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 145-156.
  18. Мельников Ю.Н. Русские фашисты Маньчжурии: К.В. Родзаевский. Трагедия личности // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 109-121. № 3. С. 156-164.
  19. Окроков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). – М.: «РУСАКИ», 2002.
  20. Онегина С.В. Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 150-160.
  21. Панченко А.Б. Нация и национализм в дискурсе русской эмиграции 1920-1930-х годов: истоки и подходы // Исторический ежегодник. 2012: Сб. науч. тр. / Гл. ред. А.Х. Элерт; Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2012. – С. 116-129.
  22. Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1994.
  23. Рубанов Е.А. Фашистское и националистическое движение в среде русской эмиграции в Маньчжурии в 1930-1940-е гг. // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 115-125.
  24. Сергеев О.И., Лазарева С.И. Российская эмиграция на Дальнем Востоке (1917-1945 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2000.
  25. Сидорчик А. Свастика над Харбином. Как борцы с большевизмом стали русскими фашистами // АиФ. 26.05.2016. URL: https://aif.ru/society/history/svastika_nad_harbinom_kak_borcy_s_bolshevizmom_stali_russkimi_fashistami.
  26. Смирнов С.В. Русские офицеры в военизированных и армейских подразделениях Маньчжоу-го (1932-1945 гг.) // Белая армия. Белое дело. 2006. № 15. С. 95-102.
  27. Смирнов С.В. Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938-1945. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012.
  28. Смирнов С.В. Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го (1938-1945). М.: Алгоритм, 2016.
  29. Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925-1945 = The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925-1945. М.: Слово, 1992.
  30. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002.
  31. Чжан Хуйцзюнь. Периодическая печать, издававшаяся в Китае выходцами из России // Китайский информационный Интернет-центр. 10/01/2003. URL: <http://russian.china.org.cn/>.
  32. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987.
  33. Шульгина Н.В. Политическая обстановка в среде восточной ветви русской эмиграции: исторический аспект // Россия и АТР. 2013. № 1. С. 43-56.
  34. Яковкин Е.В. Русские солдаты Квантунской армии. М.: Вече, 2014.
  35. Ямпольский В.П. Русские эмигранты на службе Квантунской армии // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 60-61.
-

Кургузов Павел Владимирович, независимый исследователь

г. Улан-Удэ

bpnf1968@bk.ru

**1-Й ПАРТИЗАНСКИЙ РАЙОН АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ
(ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПОВСТАНЧЕСКОГО ШТАБА В 1918 – 1919 ГГ.)**

УДК 94 (47)

DOI 10.48344/BSPU.2021.92.44.017

***Аннотация:** В статье на основе ряда документов из архивных фондов и источников научного и мемуарного характера исследуется начальный период развертывания партизанского движения в Амурской области (осень 1918 г. – июнь 1919 г.). Анализируется деятельность штаба 1-го партизанского района в Свободненском районе области, его состав на разных этапах его деятельности, показана хронология событий и боевых операций, проведенных с его участием.*

***Ключевые слова и фразы:** Гражданская война на Дальнем Востоке России, Амурская область, партизанское движение, подпольная работа, комиссия Истпарта, японская интервенция.*

Pavel Kurguzov, independent researcher

Ulan-Ude city

bpnf1968@bk.ru

**1ST PARTISAN DISTRICT OF THE AMUR REGION
(FROM THE HISTORY OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF
THE INSURGENT HEADQUARTERS IN 1918-1919)**

***Abstract.** Based on a number of documents from archival funds and scientific and memoir sources, the article examines the initial period of the deployment of the partisan movement in the Amur Region (autumn 1918 - June 1919). The activity of the headquarters of the 1st partisan district in the Svobodnensky district of the region is analyzed, its composition at different stages of its activity, the chronology of events and military operations carried out with its participation is shown.*

***Key words and phases:** Civil war in the Russian Far East, Amur region, partisan movement, underground work, Istpart commission, Japanese intervention.*

В 1967 году в рамках празднования 50-летия Октябрьской революции, в Благовещенске был издан сборник воспоминаний, очерков и документов о борьбе за власть Советов на Амуре в 1918 – 1922 гг. под характерным названием «Красный остров». В тексте примечаний, один из составителей сборника, известный дальневосточный историк Н.А. Шиндялов справедливо указывал, что известные обстоятельства разгрома красных фронтов, как на востоке, так и на западе Сибири и Дальнего Востока, предопределили стратегическое положение Амурской области, как территории спасения многочисленных красногвардейских отрядов, внушительной численностью около десяти тысяч человек.

Немаловажным фактором для организации и успешной координации партизанского движения был и массовый приезд эвакуированных кадров советских правительств Сибири, Забайкалья, Приамурья и Приморья в Благовещенск и другие города Амурской области.

Говоря о масштабах амурского партизанского движения, один из благовещенских делегатов на III Всесибирской конференции подпольных большевистских организаций состоявшейся в марте 1919 г., сообщил, что «в подпольных организациях и партизанском движении области участвовало в начале 1919 г. около 60 тысяч человек». При этом все население области в этот период составляло 400 тысяч, то есть фактически в повстанческом движении находилось около 15 процентов всех жителей данной территории. И хотя анализ приведенной цифры, конечно же, является дискуссионным, тем не менее, размах и массовость революционного движения в этом регионе Дальнего Востока ни для кого из исследователей этого периода, не является принципиально спорным моментом [7, с. 337].

За прошедшие сто лет с момента окончания боевых действий против японских интервентов и белого движения в Амурской области, действиям партизан и подпольных организаций антиправительственной направленности было посвящено немало сборников мемуаров, монографий, научных статей и газетно - журнальных публикаций. При этом наиболее интересная часть фактического материала о начальном периоде партизанского движения в Приамурье, в свое время была собрана в «истпартовских» фондах архивов Дальнего Востока. Написанные «по горячим следам» событий, как правило, десятилетней давности, эти материалы начала тридцатых годов XX века, при всей своей присущей любой мемуаристике, определенной субъективности, оказались наиболее правдивыми.

Одним из первых мероприятий дальневосточного Истпарта, явилось создание комиссии по сбору воспоминаний бывших красных партизанских командиров, рядовых бойцов и крупных руководителей большевистской партии и советского руководства, непосредственно участвовавших в Гражданской войне в Забайкалье, Приморье и Амурской области. Одним из организаторов этой комиссии на Дальнем Востоке, стала редакция хабаровской газеты «Тихоокеанская Звезда», во главе с ее редактором, известным старым политкаторжанином и старым большевиком Я.Я.Грунтом [1, л. 6].

Так в 1927 г., благодаря проделанной работе сотрудников газеты «Тихоокеанская Звезда» и комиссии Далькрайисполкома по проведению юбилея Октябрьской революции на Дальнем Востоке, в Хабаровске вышел в свет первый сборник воспоминаний участников партизанского движения и боевых действий Народно-Революционной Армии ДВР (Дальневосточной республики), Восточного Забайкалья, Амурской области и Приморья, «В огне революции». В дальнейшем работы некоторых авторов этого сборника были напечатаны в сборнике под редакцией А. Соковикова, А. Шурыгина, С. Цыпкина и А. Лазебникова «И на Тихом океане свой закончили поход». Сборник был посвящен «10 – й годовщине освобождения Дальневосточного края» и освещал «5 лет борьбы за советский Дальний Восток (1917 – 1922 гг.)». Последней книгой, посвященной партизанскому движению на Дальнем Востоке и в Забайкалье, перед началом большого сталинского террора 1937 года была: «Таежные походы. Сборник эпизодов из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке», под редакцией М. Горького, П. Постышева и И. Минца вышедшей в 1935 г. Вскоре она была исключена из фондов советских библиотек, впрочем, как и два вышеуказанных сборника.

Особо хотелось бы отметить и выход в свет в 1929 г., в Хабаровске, в издательстве «Книжное Дело», книги активного участника партизанского движения на Дальнем Востоке, одного из постоянных авторов статей в газете «Тихоокеанская Звезда», Саввы Сергеевича Кургузова. Вышедшая под названием «Амурские партизаны», эта работа явилась по факту, одним из первых исследований по истории партизанского движения в Амурской области на ее начальном этапе, в период так называемой первой компании 1918-1919 гг. Интересные факты, личные оценки социального состава населения и первых партизанских отрядов, география боевых действий и походов амурских партизан сделали эту работу одним из важных научных источников по теме Гражданской войны на Дальнем Востоке. Эта книга в конце тридцатых годов, была переведена в спецхран и долгое время была недоступна для исследо-

вателей. Сам автор был незаконно репрессирован и расстрелян в декабре 1937 г., перед этим попав в печально известные ныне «сталинские расстрельные списки».

Наиболее интересными данными из этой работы, для нас явилась как внутренняя жизнь самого штаба, так и персоналии его руководителей. Являясь одним из руководителей партизанского движения в Свободненском оперативном районе, С. Кургузов, обстоятельно вспомнил как начало работы самого штаба, так и его первых организаторов. Он так же описал структуру, методы и формы штабной работы, что является по нашему мнению очень важными данными, для изучения истории повстанческого движения в Амурской области в целом и в рамках 1-го партизанского (Свободненского) района в частности. При этом надо вспомнить также огромный вклад в изучении этой проблемы и других соратников С. Кургузова, работников этого же штаба, а также участников партизанского движения из 2 – го района. Из наиболее ценных и обстоятельных воспоминаний следует отметить очерки, отложившиеся в фондах Хабаровского Истпарта, бывших партизан: И. Безродных, А. Ключерева, И. Ракова, Ф. Кошелева. Следует заметить, что в них сохранился большой пласт информации, который был, сочтен или излишне субъективным или не вполне правильным для определенных канонов, установленных Истпартом для официальных публикаций. Вследствие этого, использование рукописей в первоначальной редакции этих воспоминаний, становится приоритетным, в деле изучения объективной картины партизанского движения, и особенно на первом его этапе, этапе становления.

17 сентября 1918 г., красногвардейские отряды готовились к отходу из Благовещенска, десятки судов Амурской флотилии, уходили в ночь на 18 сентября вверх по Зее. Японские эшелоны в это время уже прошли станцию Завитая. В своих воспоминаниях С. Кургузов писал, что: «Отступление из Благовещенска происходило беспорядочно, с отступлением опоздали. В то время, когда наши суда стояли в Благовещенске, я был помощником комиссара почты и телеграфа Амурской области. .... Со стороны отдельных работников чувствовалась растерянность, не было единого центра, которое могло эту 10 – ти тысячную массу (красногвардейцев) объединить. Отступление от города Благовещенска в этой растерянности и происходило. Некоторые части проскочили до Зеи, некоторые не дошли даже до города Свободного. 21 сентября 1918 г. пала Советская власть на Амуре» [2, л. 25- 26]. Далее, продолжая, эту же тему он признавал, что была большая: «...деморализация в войсках. Какое то, я бы сказал, бесшабашное отношение было работников Центросибири и Дальсовнаркома, которые не только не пытались, как-нибудь помочь амурчанам, чтобы удержаться, но они категорически отказались (нам) помогать, а Дальсовнарком попросту удрал, во главе с Краснощекковым» [4, л. 127]. «Будь единодушие у всех руководящих работников, выдержка и строго разработанный план действия, мы сумели бы отступить в тайгу более организованно; могли бы сохранить силы, военное имущество, золотые запасы и оказать еще серьезное сопротивление наступающему врагу. Но этого не было...» [8, с. 7].

С первых дней ухода в тайгу, руководители Советской власти на Амуре, не выходили из своих землянок и тайги. Настроение у крестьянства было к ним откровенно отрицательное. Повсеместно происходили аресты комиссаров, красногвардейцев, советских работников. Тем не менее, уже начиная с ноября 1918 г., начались первые попытки организовать деятельность подпольных организаций, стали возникать первые группы бойцов добровольцев – основы партизанских отрядов.

В период поздней осени 1918 г., перед началом серьезных партизанских операций, Амурская область была разделена на два района, примерно напополам по течению реки Зея, перерезающей Амурскую область. По левому течению реки Зея был создан второй партизанский район, а по правому – первый. Председателем первого района стал член партии эсеров – максималистов, бывший амурский комиссар земледелия Василий Васильевич Патрушев – Аверьянов, а второго – подпольный руководитель Амурского совнаркома (г. Благовещенск), большевик Федор Никанорович Мухин. Штаб первого района находился в верховьях реки

Юхта Серебрянской волости, севернее города Свободный, штаб второго – вынужден был быть мобильным и постоянно переезжал из села в село возле г. Благовещенск (деревни Ивановка, Красный Яр, Жариково, Борисоглебка, Ильиновка). Кроме двух крупных районных штабов, существовали еще и небольшие волостные штабы: Мазановский, Тарбагатайский, Архаро – Буреинский, Зейский [8, с. 12].

После отхода из Благовещенска, группа красногвардейцев во главе с В. Патрушевым и Ф.Бреусом была замечена возле деревни Рождественка, не зная о взятии Свободного, они продвигались в район этого города, но узнав о грозящей опасности, уехали в направлении деревни Серебрянка. Здесь около селения Маркучи, в лесу была вырыта и устроена землянка, где осталась часть комиссаров из Благовещенска. Позднее туда приехал и С.Кургузов, который осенью 1918 г., попав в Благовещенскую тюрьму, сумел освободиться оттуда, используя паспорт с чужой фамилией и именем. Упомянутая выше деревня Рождественка (Серебрянская волость) на некоторое время стала центром сбора разбитых красногвардейских отрядов, прибывших в Свободненский район с Уссурийского фронта. Здесь в этот период находился отряд Шевченко, из села на озере Ханка, Камень-Рыболов. Недалеко от этого места, возле деревни Москвитино, была разгружена баржа с военным (винтовки, патроны), хозяйственным имуществом и продовольствием (в частности бочки с соленой красной рыбой). Вскоре в Рождественку прибыл небольшой отряд советских работников во главе с В.Патрушевым. В составе этой группы также были Ф.Г. Голик, Кошкин и др. [9, с. 8 - 10].

Первое организационное совещание по организации штаба первого партизанского района состоялось в деревне Маркучи (Серебрянская волость), в середине ноября 1918 г. в составе 12 человек. На собрании присутствовали: В. Патрушев, С. Кургузов, Н. Осипов, П. Евсеенко, Спиридонов и др. На этом совещании было заслушано два доклада, С. Кургузова, о положении в городах Благовещенск и Свободный и В.Патрушева о подготовительных мероприятиях по организации будущего вооруженного восстания в условиях таежного подпольного существования уцелевших отрядов и групп. Были приняты решения по строжайшей конспирации штабной работы, установлении постоянной связи со штабом Ф. Мухина, усилению пропагандистской работы в г. Свободный, сбором всех одиночных агитаторов на местах в единый координационный центр (Штаб 1 – го района). Согласились с тем, что нужно немедленно приступить к широкой работе по агитации в селах Свободненского района, начать сбор подписей так называемых «приговоров сельских сходов», начать сбор информации о небольших отрядах в тайге и отдаленных деревнях, для их присоединения к главным силам района, а также создать вооруженный отряд для защиты штаба от карательных отрядов белых и японцев. Также решили организовать широкую сеть конспиративных квартир во всех населенных пунктах района (не менее двух – трех на каждую деревню), создать группы связников для оперативной передачи информации в штаб. Договорились создать списки всех жителей способных носить оружие, стали собирать информацию о численности лошадей и телег. В дальнейшем конспиративные квартиры во главе со связниками партизанами стали, по сути, небольшими штабами в практически каждой деревне 1 – го района. Была налажена организация снабжения этих связников агитационными пропагандистскими материалами. В течение 3 – х месяцев проведена работа по сбору из местных сельских обществ более трехсот общественных приговоров [8, с. 13 - 14].

Областное выступление вместе с партизанами Ф. Мухина из 2-го района было назначено на 15 февраля 1919 г. Но оно было сорвано, из-за событий в селе Мазаново, когда спровоцированные японцами местные жители на рождественские праздники 1919 г., устроили массовое крестьянское выступление (Мазановское восстание), жестоко подавленное японцами и белогвардейцами.

В конце декабря штаб первого района созвал в тайге, в шести километрах от деревни Черновской, на заимке Ляпуновых, районный съезд, с участием около 30 депутатов Серебрянской волости. Здесь были вынесены и обсуждены вопросы подготовки февральского вос-

стания, объединения всех мелких отрядов в одно большое партизанское соединение, мобилизационные, продовольственные и другие вопросы. Был выбран основной состав Штаба под председательством В. Патрушева. Постоянными членами Штаба стали: Н.Осипов, А. Шестаков, С. Кургузов, П. Евсеенко, П. Иванов, Красильников, В. Аксенов, Спиридонов и другие. Военным командиром отряда стал П. Власов. Агитаторами Штаба были выбраны и назначены Волчкович, А.Шестаков, Куляшев, Богородов, Н.Шестаков, А.Богданов. Уполномоченный по финансам и оружию – И. Шестаков, казначеем отряда и Штаба – С. Ворожцов [8, с. 15-16].

В январе 1919 г., во время Мазановского восстания в Штаб 1 – го района, который в это время находился в деревне Черновке стоящей на правом берегу реки Большая Пера, под видом ответственных советских работников – подпольщиков прибыли агенты белогвардейской контрразведки, бывшие комиссары Ямщиков-Ямпольский и Белов. Оба они предъявили «мандаты» за подписью Ф. Мухина и прожили в Штабе около 3 дней. Войдя в доверие, выяснив все планы партизан, получив доступ к шифрам, а также оставив ряд поручений «от товарища Ф. Мухина», лже – подпольщики уехали в г. Свободный. Вернувшись через несколько дней, они привели в деревню сводный карательный отряд из 150 японских солдат, а также местных контрразведчиков во главе с начальником свободненского отделения белым офицером Рудомино. Началась стрельба по жителям деревни и бой с небольшим сторожевым отрядом партизан (6 человек), под командой матроса Неделькина, который был полностью уничтожен. В результате боев, Штаб был частично разгромлен. Погибли как некоторые его члены, так и уполномоченный по доставке оружия И.Шестаков, схваченный в Благовещенске и расстрелянный в местной контрразведке. [8, с. 20 - 21].

После «Черновских» событий, Штаб района решил переехать в так называемый «Мраморный дворец», большую землянку устроенную прямо в чаще леса. Здесь произошел еще один случай предательства. В отряде в это время работал один красный «интернационалист» из бывших солдат австро-венгерской армии по имени Карл. Поссорившись с некоторыми членами Штаба на бытовой почве, он уехал на станцию Гондатти (Шимановская) и вскоре привел к «Мраморному дворцу» отряд белых милиционеров из 20 человек. Не найдя здесь никого из обитателей, они устроили засаду и вскоре встретив идущих в Штаб партизан, расстреляли Шидловского, Спиридонова, Алексея Шестакова, и еще нескольких человек. Раненные подпольщики Богорадов и Александр Шестаков успели скрыться. В результате этого случая погибли несколько человек штабных работников и в руки белой контрразведки, попала вся канцелярия Штаба. Пришлось срочно менять систему шифрования, оповещения и проводить ряд других мероприятий, связанных с действиями партизан на местах [8, с. 21-22].

Последним местом расположения Штаба в апреле 1919 г., стало глухое и безлюдное место в верховьях рек Юхты и Жатвы. Позади был несостоявшийся захват г. Свободного, разгром Серебрянской волостной управы и другие, боевые операции. К этому моменту Штаб 1 – го района, 14 февраля 1919 г., объединился со Штабом и партизанской армией 2 – го района. 15 и 16 февраля объединенная группировка партизан обоих районов, сумела провести три наиболее тяжелых и кровопролитных боя 1919 г.: Малоперский, Чудиновский и Юхтинский. Избежав грозящего ей окружения, десятитысячная партизанская армия под командованием Г. Драгошевского, сумела перейти линию железной дороги возле разъезда Юхта и, потеряв большую часть обозов, а также некоторую часть раненных, ушла таежными дорогами и тропами в глухую и недостижимую амурскую тайгу, через деревню Желтоярово [6, с. 100 - 102].

В конце февраля партизаны провели еще несколько боев (Белогорский, Бочкаревский, Павловский, Святогорский) и, оставшись без патронов и других боеприпасов, вынуждены были организованно распуститься, понимая, что впереди у крестьян – партизан была посевная и летние полевые работы. Были оставлены лишь особые диверсионные и охранные отряды количеством, не превышающим 200 – 300 человек. Это решение было принято 29 марта

1919 г. на специальном совещании в деревне Бочкаревке. Через несколько дней, уже наполовину поредевшая армия подошла к деревне Натальино на Зее, и здесь в доме почтово – телеграфной конторы, где разместился объединенный Штаб двух районов, состоялся обмен мнениями между Г. Драгошевским и В.Патрушевым. Последний был против роспуска партизанской армии. «Товарищ Батка», так звали Г. Драгошевского штабные партизанские работники, обращаясь к «Деду» (позывной В.Патрушева), говорил, что «Я, товарищи, считаю, что воевать нам больше нельзя. Партизан надо распустить по домам... У нас осталось по 5 – 6 патронов на партизана. Снаряды мы все расстреляли. Жрать нам тоже нечего, так как крестьян мы объели основательно, и мы рискуем голодом морить армию, а самое главное – у нас весна на носу, начинаются весенние работы и, если Армию мы не распустим по домам сейчас, то она сама себя распустит через две – три недели» [5, л. 2 - 3].

Наутро отряды 2-го района Г.Драгошевского перейдя Зею, двинулись в направлении деревни Андреевка, а отряды В.Патрушева из 1-го района маршрутом через деревни Забайкалка – Рождественка – Рогачевка – Маркучи – верховья реки Юхта.

Вскоре на севере района собралось 15 активистов - штабников (Патрушев, Кургузов, Краснощеков, Осипов, Шестаков, Лузин, Сидельников, Гамов и др.) – остальные, примерно 1500 партизан, 1-го района, разошлись по своим деревням. Недалеко от Маркучи вырыв землянку, провели небольшое совещание и подвели итоги зимне – весенних боев 1919 года.

Летом 1919 г., Амурская область согласно коллективной договоренности была разделена на 4 района. Четвертый район, самый большой, бывший первый, остался без изменений границ, а 2 – район был разделен еще на три района: 1- й район находился между реками Зеей и Томью, 2 – район между реками Томью, Зеей, Буреей и Архарой, а 3 – й между реками Архарой и Буреей. В августе, районные штабы были переименованы в Военно-полевые коллективы (Советы), был создан областной Военно-полевой коллектив, которому подчинялись все районные штабы. Были упразднены пехотные части, теперь партизанские отряды стали только кавалерийскими. Председателем Областного Таежного коллектива (Исполкома) был избран уроженец Забайкалья Степан Самойлович Шилов [8, с. 52].

10 августа 1919 г. в верховьях Юхты состоялся первый съезд населения 4 – го партизанского района. Руководителями и организаторами съезда были Патрушев, Краснощеков, Бреус, Кургузов и др. [4, л.137]. Вскоре в «Хрустальном дворце» на Юхте осталось только 9 членов Штаба 1 – го (4 – го района). В его составе были: В. Патрушев, С. Кургузов, И. Раков, М. Круглов, Красильников, Лузин, Н. Осипов, Чересседельников [8, с. 51].

«Дворец» представлял собой вывороченную осенним бураном огромную сосну, упавшую на землю, в пространстве торчащих корней дерева и была устроена жилая землянка. Без окон и дверей, она больше напоминала медвежью берлогу, чем человеческое жилище. Печки в землянке не было, люди спали в шубах, унтах и меховых шапках. Воду добывали из снега или льда.

Здесь члены Штаба 1-го (4-го района) пробыли до середины мая 1919 г, дождавшись чернотропья и долгожданного тепла. По воспоминаниям И.Ракова, В.Патрушев и С.Кургузов составляли оперативные сводки Революционного повстанческого движения, воззвания к рабочим и крестьянам Амурской области, а остальные члены Штаба распечатывали их на печатной машинке. Также все были заняты составлением агитационно – пропагандистской литературы, воззваний и листовок. Затем в мае месяце все штабисты разошлись по деревням Серебрянской волости и до июня месяца 1919 г. вели организационную работу со связниками своего района [3, л. 220].

Таким образом, с апреля 1919 г. начинается второй этап партизанского движения в Амурской области, который требует отдельного изучения. Его события проходили на фоне начавшихся неудачных военных компаний армии Верховного правителя России адмирала А.В.Колчака и широкого партизанского движения в западном Забайкалье – вотчине белого атамана Г.Семенова. Именно в это время начинает происходить серьезное размежевание ме-

жду наиболее радикальными элементами в руководстве партизанским движением Амурской области, организаторами партизанской вольницы или так называемой «партизанщины» и сторонниками установления определенной «народной законности» и дисциплины в повстанческих рядах. Наиболее ярко это проявилось в конфликтах с одним из руководителей партизанских отрядов 4 – го района Андреем Ивановым, впоследствии расстрелянным уже в период существования Дальневосточной республики, органами Госполитохраны.

В 1970 г., в Сан-Франциско, один из самых авторитетных белых генералов – эмигрантов, Викторин Михайлович Молчанов, участник Сибирского каппелевского ледяного похода и боев за Приморье, Хабаровск и Волочаевскую сопку в 1921 – 1922 гг., дал большое интервью, в котором вспоминал многое из событий Гражданской войны в России. Отвечая на вопрос о том, что, по его мнению, явилось главными причинами поражения Белого движения, он сказал: «Белые потерпели поражение из – за того, что в Сибири нас повсюду окружали партизаны, которые были против нас. Чего у нас не было – так это способности опираться на народ и находить у него поддержку. Если бы мы умели так или иначе находить подход к людям, все могло быть иначе, но мы были на это не способны... С самого начала войны во Вьетнаме я говорил, что Америка потерпит поражение, потому что как вы можете воевать, если население готово атаковать вас с тыла, что и делают вьетнамцы? Нечто подобное происходило с нами в Сибири. Они будут с вами разговаривать и рассказывать, как они вас любят, работать с вами, а потом когда представится случай, они будут в вас стрелять» [10, с. 189-190].

Данное мнение, на наш взгляд, констатирует особый характер повстанческо - партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке. В случае с Дальним Востоком России и особенно Амурской области ожесточенный характер внутриусобной войны был осложнен еще и кровопролитным противостоянием с японскими интервенционистскими войсками. При этом данная особенность придала событиям гражданской войны в Амурской области особую степень радикализма, как со стороны белых, так и красных сил. Изучение этих особенностей является на наш взгляд, одной из интересных и актуальных возможностей для анализа подлинной истории Гражданской войны в России в целом и истории Дальнего Востока в частности. В этой связи, исследование штабной деятельности партизанских сил, их интеллектуального и человеческого потенциала, с разбором этапов повстанческого движения, территориальных особенностей выделенных районов (в том числе учета отличий социального положения старожилов и переселенцев), а также внутреннего неизбежного политического размежевания в период взятия власти Тажным Исполкомом зимой 1920 г., между вчерашними еще товарищами по партизанским отрядам в лице анархистов, левых эсеров, большевиков, эсеров – максималистов, становится одним из действенных исторических инструментов для беспристрастного исследования хода и результатов Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф – П. 44.Оп.1.Д.19.
2. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф – П. 44.Оп.1.Д.179.
3. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф – П. 44.Оп.1.Д.243.
4. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф – П. 44.Оп.1.Д.257.
5. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф – П. 44.Оп.1.Д.270.
6. И на Тихом океане свой закончили поход // Лит. – худ. сборник к 10 годовщине освобождения ДВК: 5 лет борьбы против интервентов и белогвардейцев за Сов. Д. Восток (1917-1922) / Юбилейная комиссия печати Реввоенсовета ОКДВА. Истпартотд. Далькрайкома ВКП (б). – М.; Хабаровск: ОГИЗ, 1932 г. – С. 160.

7. Красный остров // Воспоминания, очерки, документы о борьбе за власть Советов на Амуре (1918 – 1922 гг.), сост. Л.А.Хаславский. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1967 г. – С.360.
8. Кургузов С.С. Амурские партизаны. – Хабаровск: Книжное дело, 1929 г. – С. 56.
9. Кургузов Л.С. Партизанские воспоминания. – Архив автора, Рукопись. – 1969 г. – С. 24.
10. Молчанов В.М. Последний белый генерал. – М.: Айрис-Пресс, 2009 г. – С. 400.

Лян Ин, аспирантка

Департамент истории и археологии

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Lian.in1@dyfu.ru

Хисамутдинов Амир Александрович, д-р ист. наук, профессор

Департамент истории и археологии

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

khisamut@yahoo.com

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БИОГРАФИИ КИТАЕВЕДА С. ПОЛЕВОГО

УДК 811

DOI 10.48344/BSPU.2021.25.19.018

Аннотация. Статья посвящена китаеведу Сергею Александровичу Полевому (1886, Украина – 1971, США), получившему известность благодаря научной, педагогической и общественной деятельности в Китае. С молодости Сергей Александрович был увлечен китайским языком, китайской культурой и литературой, над которыми китаевед много работал. Понимая, насколько устарели словари, составленные еще миссионерами Русской православной миссии и переводчиками Российского посольства, Полевой решил их дополнить новыми материалами. В 1927 – 1934 гг. в Пекине вышли из печати два китайско-русского словаря и указатель, в 1937 г. Полевой завершил окончательную версию – «Большой русско-китайский словарь», которые очень значимы для лексикографии, китаеведения и преподавания русского языка в Китае.

Ключевые слова и фразы: С.А. Полевой, китайско-русский словарь, лексикография, китаеведение, история науки.

Liang Ying, Postgraduate student

Department of History and Archeology

Far Eastern Federal University (Vladivostok)

Lian.in1@dyfu.ru

Amir Khisamutdinov, Dr. Sc. In History, Professor

Department of History and Archeology

Far Eastern Federal University (Vladivostok)

khisamut@yahoo.com

LEXICOGRAPHIC ASPECTS OF SINOLOGIST SERGEI POLEVOY'S BIOGRAPHY

Abstract. The article is dedicated to the Sinologist Sergei Aleksandrovich Polevoy (1886, Ukraine - 1971, USA), who became famous for his scientific, pedagogical and social activities in China. From his youth, Sergei Alexandrovich was fascinated by the Chinese language, Chinese culture and literature, on which the Sinologist worked a lot. Realizing how outdated the dictionaries compiled by the missionaries of the Russian Orthodox Mission and the translators of the Russian embassy, Polevoy decided to supplement them with new materials. In 1927 - 1934 in Beijing, two Chinese-Russian dictionaries and an index were published, in 1937 Polevoy completed the final version -

"The Great Russian-Chinese Dictionary", which are very significant for lexicography, Sinology and teaching the Russian language in China.

Key words and phases: *S.A. Polevoy, the Chinese-Russian dictionary, lexicography, Sinology, History of Science.*

Несмотря на большие заслуги в китаеведении и сближении России с Китаем, в России о Сергее Александровиче Полевом (1886, Украина – 1971, США) известно немного. Лишь в некоторых изданиях встречаются упоминания о его трудах [2; 9; 11]. С.А. Полевой больше известен в Китае [1; 7; 10], где участвовал в становлении Коммунистической партии Китая. Однако внимание китайских учёных привлекает только его общественно-политическая деятельность, а научная работа китаеведа очень мало затронута. К 100-летию основания Коммунистической партии Китая, на мой взгляд, представляется целесообразным показать читателям другую сторону китаеведа Полевого, который внес вклад в создание Коммунистической партии Китая.

Работа С.А. Полевого над словарём фактически началась, когда он написал дипломную работу в Восточном институте во Владивостоке. Его дипломная работа – указатель по периодической печати о Китае была также связана с выявлением специальных терминов. Для получения степени магистра, он отправился в Петербургский университет, а в 1917 г. получил стипендию для повышения квалификации в Китае, где он занимался преподавательской, общественной и научной деятельностью (1919-1939). С. Полевой много занимался китайским языком, литературой и культурой, что нашло отражение в его многолетней работе по составлению русско-китайского и англо-китайского словарей.

В 1927 г. был издан первый вариант – «Русско-китайский словарь юридических, дипломатических, политических, философских и др. научных терминов». Словарь насчитывает 652 страницы, составленный из предисловия, основной части словаря (626 с.), приложения (позднейшие добавления, 24 с.), список опечаток (2 с.). Словарь содержит термины, употребляемые в отраслях знаний: юриспруденции, дипломатии, политической экономии, политике, социологии, философии, психологии, истории, истории литературы, торговле, банковском деле и др. В него включены также неологизмы, вошедшие в последние годы в китайский язык, и слова и выражения, трудно переводимые на китайский язык [6].

К концу 1927 г. был выпущен указатель – «Китайский указатель к словарю юридических, дипломатических, политических, экономических, философских и других научных терминов». В силу технических трудностей, встретившихся при составлении и печатании указателя, он не мог быть выпущен одновременно со словарем. Указатель составлен по ключевой системе и содержит в себе все отдельные слова и выражения, имеющиеся в словаре. Для удобства пользования указателем и в целях экономии во времени при отыскании нужного выражения, с правой стороны каждой страницы указаны ключевые знаки начальных иероглифов содержащихся на данной странице выражений, с левой стороны – указывается количество черт начальных иероглифов за вычетом ключевого знака. Страницы «Приложения» к словарю отмечены иероглифом «附». В конце указателя имеется «Таблица к отысканию трудных иероглифов» [3].

После дополнения нового содержания к первому варианту в 1934 г. был опубликован «Русско-китайский словарь юридических, дипломатических, экономических, философских и др. научных терминов. Доп. Новейшая общественно-политическая, научно-техническая терминология и сокращения...». Новейшая вариант насчитывает 193 страницы, включает в себе предисловие, основную часть словаря и список опечаток. В словаре были дополнены неологизмы, новейшие научно-технические термины и сокращения, нашедшие свое отражение в современном китайском языке (на страницах периодической печати, а научно-технической,

общественно-политической и художественной литературе). Как указал автор в предисловии к этому словарю, цель дополнения – зафиксировать новейшую китайскую и русскую терминологию и дать китайскому читателю необходимое пособие при чтении русских газет и книг научно-технического и общественно-политического содержания [5, с. 4].

После ряда работ по сбору данных в 1937 г. была завершена окончательная версия – «Большой русско-китайский словарь». Однако словарь не был издан из-за оккупации японцами Северного Китая.

С.А. Полевой быстро понял, что русско-китайский словарь, переведенной миссионерами Русской Православной миссии в Пекине и Посольства России, не отвечает требованиям времени. Давно уже появилось много новой лексики, особенно в политической и юридической областях. По словам И.И. Серебренникова, который хорошо знал С.А. Полевого, «составление словарей с добавлением в них новых китайских иероглифов, вызванных в жизни тем, что мы могли бы назвать европеизацией Китая и его политико-юридическим развитием, – вот что интересовало главным образом наших синологов <...>» [8].

Составление англо-китайского словаря С. Полевым было связано с его старым другом и коллегой, Сергеем Григорьевичем Елисеевым (1889-1975, Париж), с которым познакомился в Петроградском университете. Работа над англо-китайским словарем началась летом 1936 г., когда Елисеев приехал в Пекин. Узнав, что Полевой составлял русско-китайский словарь, который близится к завершению, он сразу же пригласил Полевого составить англо-китайский словарь. После того, как С. Полевой уехал из Китая в США, где стал научным сотрудником в престижном Гарвардском университете. К сожалению, по разным причинам англо-китайский словарь не был издан, и в настоящее время нахождение этой рукописи пока неизвестно.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Лю Цзяньи, Ли Даньян. Русские, которые проложили путь группе Г.Н. Войтинского к созданию Компартии Китая // История партии в Пекине. – 2011. – № 6. – С. 19–26. Кит.
2. Мировицкая Р. Не публиковавшиеся ранее документы из Архива МИД РФ по истории российско-китайских культурных связей // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 6. – С. 117.
3. Полевой С.А. Китайский указатель к словарю юридических, дипломатических, политических, экономических, философских и других научных терминов. – Пекин, 1927. – 242 с. (Предисловие от 30 дек. 1927).
4. Полевой С.А. Периодическая печать в Китае. – Владивосток: Изд. Вост. ин-та, 1913. – XI, 191 с., 19 ил.
5. Полевой С.А. Русско-китайский словарь юридических, дипломатических, экономических, философских и др. научных терминов. Доп. Новейшая общественно-политическая, научно-техническая терминология и сокращения. – Пекин, 1934. – 193 с. (Предисловие от 20 янв. 1934).
6. Полевой С.А. Русско-китайский словарь юридических, дипломатических, политических, философских и др. научных терминов. – Пекин, 1927. – 652 с.
7. Сань Му. С.А. Полевой: русский, принимавший участие в деятельности по созданию Коммунистической партии Китая // Общий обзор Коммунистической партии Китая. – 2009. – № 10. – С. 55–56. Кит.
8. Серебренников И.И. Мои воспоминания: в 2 т. – Т. 2: В эмиграции (1920-1924). – Наше знание, 1940. – С. 81-82.
9. Скачков П.Е. Библиография Китая // АН СССР. Ин-т народов Азии. 2-е изд. Москва: Изд-во вост. лит., 1960. Алфав. указ.: 663 с. (6 назв.).

10. Сяо Шэн. Некоторые виды деятельности С.А. Полевого в течение основания Компартии Китая. История партии Пекина. – 2002. – № 1. – С. 25-27. Кит.
11. Хисамутдинов А.А. «Верный друг китайского народа»: Сергей Полевой // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 1. – С. 149-158.

Паршуков Владимир Александрович, ведущий инженер
Муниципальное бюджетное учреждение «Управление инженерной защиты» (Ульяновск)
asf-zavod@yandex.ru

БИОГРАФИИ АТАМАНОВ ЕНИСЕЙСКИХ КАЗАЧЬИХ СТАНИЦ В КИТАЕ

УДК 94(47):314
DOI 10.48344/BSPU.2021.59.55.019

***Аннотация.** На основе архивных документов в статье рассматриваются биографии атаманов казачьих станиц, образованных енисейскими казаками в Харбине и Шанхае. Указаны сведения об участии станичных атаманов в Первой мировой и Гражданской войнах, о их жизни и деятельности в эмиграции. Биографии некоторых атаманов исследуются впервые.*

***Ключевые слова и фразы:** атаманы, енисейские казаки, казачьи станицы, Харбин, Шанхай, эмиграция, Первая мировая война, Гражданская война.*

Vladimir Parshukov, *Leading Engineer*
Municipal Budgetary Institution «Inspectorate of Engineering Protection» (Ulyanovsk)
asf-zavod@yandex.ru

BIOGRAPHIES OF ATAMANS OF YENISEI COSSACK VILLAGES IN CHINA

***Abstract.** Based on archive documents, the paper is dedicated to biographies of atamans of Cossack villages formed by Yenisei Cossacks in Harbin and Shanghai. The paper provides data related to the participation of atamans of Cossack villages in the First World War and Civil War, their life and activity in emigration. Biographies of some atamans are studied for the first time.*

***Key words and phrases:** atamans, Yenisei Cossacks, Cossack villages, Harbin, Shanghai, emigration, the First World War, Civil War.*

После поражения белогвардейских войск на большей части Сибири енисейские казаки в составе Енисейской казачьей бригады совершили Великий Сибирский ледяной поход. Под Читой и на Дальнем Востоке они участвовали в боевых действиях, а затем были вынуждены эмигрировать в Китай, где ими образованы две казачьи станицы: Енисейская зарубежная станица в Харбине и Енисейская станица в Шанхае.

Имя одного из атаманов Енисейской зарубежной станицы в Харбине А.Н. Тялшинского, занимавшего во время Гражданской войны должность атамана Енисейского казачьего войска, известно среди историков и краеведов. Его биография была исследована в работах А.Е. Богущкого [1], А.Н. Тимофеева [2], А.П. Шекшеева [3] и других авторов. Имена остальных станичных атаманов малоизвестны и их биографии до настоящего времени не исследовались. Новые архивные источники из федеральных и региональных архивов позволяют восполнить этот пробел.

В 1926 г. в Харбине енисейскими казаками-эмигрантами была образована Енисейская зарубежная станица, входящая в Союз казаков на Дальнем Востоке. По воспоминаниям эмигрантов, станица была создана в «целях поддержания между казаками духа взаимного общения, без которого не мыслит себя ни один казак, а так же для оказания материальной помощи казакам, очутившимся в нужде» [4]. По сведениям Н.Н. Абложей, станицу возглавил сотник Войщев [5].

Войщев Николай Иванович родился 6 декабря 1883 г. в семье крестьянина Енисейской губернии. Православного вероисповедания. Общее образование получил в Красноярской

мужской гимназии. Проходил военную службу нижним чином с 1 января 1906 г. Во время Первой мировой войны был повторно призван на службу и получил военное образование в 1-й Иркутской школе прапорщиков. 1 апреля 1916 г. произведен в офицерский чин прапорщика. С 17 сентября 1916 г. прапорщик Войщев Н.И. проходил службу в 14-ом Сибирском стрелковом запасном полку, где занимал должность младшего офицера 4-й роты. На январь 1917 г. был холост и служил в том же полку и состоял в той же должности [6, Л. 14].

С начала Гражданской войны Николай Иванович Войщев проходил службу в 1-м Енисейском казачьем полку. В Енисейском казачьем войске своих офицеров – выходцев из казаков было немного, поэтому службу в казачьих частях войска проходили бывшие пехотные офицеры, приписавшиеся к казачеству, среди них был Н.И. Войщев. На август 1918 г. поручик Войщев числился в пулеметной команде полка [7, Л. 28].

20 февраля 1919 года офицеры 1-го Енисейского казачьего полка сотник Войщев Николай Иванович и прапорщик Серебренников Валериан Васильевич были поручителями со стороны жениха при венчании сотника того же полка Лобанова Василия Иннокентьевича и гражданки, девицы Прокопьевой Марии Герасимовны [8, Л. 271].

1-й Енисейский казачий полк во время Гражданской войны находился в постоянных боях с красными партизанами внутри Енисейской губернии. Сотник Войщев упоминается в приказах по полку. Так 29 мая 1919 г. он в числе других офицеров пулеметной команды прибыл со станции «Камала». А 18 июля того же года, приказом по полку сотник Войщев был назначен начальником саперной команды полка. Позже он занимал должность начальника пулеметной команды.

Николай Иванович был участником Великого Сибирского ледяного похода. В 1920 году на Дальнем Востоке, будучи в чине подъесаула, он числился командиром Отдельной конной батареи Енисейского казачьего войска.

Заметным событием среди казачества Дальнего Востока было издание в 1940 г. в Харбине сборника «Памятка Енисейского казачьего войска 1618-1938. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков». На одной из страниц сборника была помещена фотография есаула Войщева Николая Ивановича. Видимо возглавлял станицу Николай Иванович непродолжительное время или занимал эту должность как наказной атаман, не будучи избран станичниками. Согласно другого источника, казаки Енисейской зарубежной станицы в Харбине избрали первым станичным атаманом войскового старшину Алексея Николаевича Муратова [9].

Муратов Алексей Николаевич родился 11 февраля 1888 года в Красноярске. Православного вероисповедания. Общее образование получил в гимназии, а военное – в Иркутском военном училище. 1909 год указан в его анкетах как год поступления на военную службу. В первом офицерском чине подпоручика он состоял с 6 августа 1913 г., со старшинством с 6 августа 1912 г. В составе 31-го Сибирского стрелкового полка Алексей Николаевич участвовал в Первой мировой войне. За боевые отличия он награжден многими военными орденами. На июнь 1917 года штабс-капитан Муратов занимал должность полкового адъютанта, за его подписью и подписью командующего полка полковника Дмитриева выпущено немало отчетных документов [10, Л. 221, 240].

Вернувшись с фронта, капитан Муратов А.Н. проживал в Красноярске. В революционном 1917 году он вступил в Енисейское казачье войско, где в последующем играл заметную роль.

В метрической книге Покровской церкви г. Красноярска в разделе о бракосочетавшихся за 1918 год была сделана следующая запись о его венчании: «б (19) июня гражданин города Красноярска Алексей Николаевич Муратов, православного вероисповедания, первым браком, 28 лет и гражданка, девица Курской губернии, Белгородского уезда, Масловской волости, села Ольшанского Надежда Григорьевна Ситникова, православного вероисповедания, первым браком, 19 лет...» [8, Л. 109].

В 1918 г. при власти большевиков офицер состоял в тайной организации, которая готовила свержение Советской власти. После формирования 1-го Енисейского казачьего полка капитан Муратов занимал в нем сначала должность командира 1-й сотни, а затем помощника командира полка по хозяйственной части. В конце 1918 г. он участвовал в боях на Пермском фронте, где за отличия был отмечен орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В начале 1919 г. есаул Муратов назначен временно исправляющим должность командира полка, а с ноября этого же года он был утвержден командиром 1-го Енисейского казачьего полка. Со своим полком он совершил Великий Сибирский ледяной поход, а в 1923 г. из Приморья войсковой старшина А.Н. Муратов эмигрировал в Китай, где проживал в Харбине.

Награды, которые он получил во время Первой мировой и Гражданской войны: ордена Святой Анны 2, 3 и 4-й степеней с мечами и бантом, Святого Станислава 2 и 3-й степеней с мечами и бантом, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Будучи станичным атаманом Енисейской зарубежной станицы в Харбине, А.Н. Муратов, пользовался большим и вполне заслуженным авторитетом у казаков. На 1935 г. он служил агентом железнодорожного уголовного розыска в Харбине и имел оклад 24 золотых рубля. В анкете, заполненной им собственноручно в этом году, указано так же, что с женой Надеждой Григорьевной, 35 лет и сыном Дмитрием, 15 лет, он проживал в Славянском городке на улице Разносная. 3 ноября 1936 г. надзиратель железнодорожного уголовного розыска Муратов был переведен в Хайлар в наружную железнодорожную полицию.

Алексей Николаевич состоял в приходе Свято-Николаевского собора и после переизбрания с должности атамана, оставался членом Енисейской зарубежной станицы [11, Л. 1 - 16].

4 июля 1940 г. в эмигрантской газете появился некролог о преждевременной смерти войскового старшины Енисейского казачьего войска Муратова Алексея Николаевича. [11, Л. 17].

Тялшинского Алексея Никаноровича казаки-эмигранты называли бессменным атаманом Енисейской зарубежной станицы в Харбине, который возглавлял ее на протяжении многих лет начиная с 1927 года. Родился он 16 февраля 1888 г. в Петрозаводске Олонецкой губернии в семье священника, эконома Олонецкой духовной семинарии. В 1905 г. окончил Петрозаводское духовное училище по 2 разряду. В 1912 году окончил Олонецкую духовную семинарию. В этом же году служил смотрителем приюта для мальчиков ведомства Императрицы Марии Федоровны в г. Петрозаводске. В 1913-1914 гг. был чиновником особых поручений при Ковенском губернаторе в городе Киеве. В 1915 г. состоял чиновником при Главноуполномоченном по устройству беженцев с прифронтовой полосы в четвертом районе Варшавской, Курской губерний и области Войска Донского.

4 февраля 1916 г. Тялшинский А.Н. зачислен в эскадрон Николаевского кавалерийского училища в городе Петрограде, после окончания которого Высочайшим приказом произведен в хорунжие (со старшинством с 01.02.1916). Был направлен на фронт в Яссы в Уссурийский казачий полк Уссурийской казачьей дивизии, где занимал должность адъютанта и делопроизводителя полкового суда. Будучи младшим офицером конвойной сотни при командующем 3-го кавалерийского корпуса генерале П.Н. Краснове, вместе с енисейскими и иркутскими казаками участвовал в мятеже Керенского – Краснова в конце 1917 г. В действующей армии находился с 19.02.1917 по 09.12.1917. В декабре 1917 г. прибыл в Красноярск и вступил в Енисейское казачье войско (ЕКВ), проходя службу в Красноярском отдельном казачьем дивизионе, в составе которого участвовал в Сотниковском мятеже против большевиков. В 1918 году исполнял обязанности помощника атамана и председателя войскового правления ЕКВ. В 1919 г. избран атаманом войска. В этом же году Тялшинскому было присвоен воинский чин полковника и он был командирован в город Владивосток слушателем в Академию генерального штаба за счет войска с сохранением содержания по должности войскового атамана.

В 1920 г. Тялшинский А.Н. из Владивостока через Гензан, Мукден, Синьзян эмигрировал в Маньчжурию, где до 1923 г. занимался случайными заработками. В 1923-1924 гг. служил полицейским в городе Харбине. В 1925 г. Алексей Никанорович работал билетёром на автобусах. Затем в 1926-1927 гг. был заведующим бензинным пунктом агентства «ТЕКСАС» в городе Харбине. С 1929 по 1935 гг. служил заведующим бензинового пункта агентства «СТАНДАРТ-ОЙЛ-Ко». С 1936 г. Тялшинский служил в нефтяном союзе в городе Харбине [12, Л. 1 - 25].

С 1939 по 1944 г. он состоял заведующим курсов японского языка и преподавателем в Духовной семинарии.

Алексей Никанорович Тялшинский был женат на Лидии Федоровне Тялшинской (урожденной Новицкой), 1894 года рождения, с которой имели сыновей Георгия, 1920 г. рождения и Федора, 1922 года рождения.

С приходом Советской армии в Харбин в августе 1945 г. органами СМЕРШ Тялшинский был арестован и депортирован в СССР. В ноябре 1945 г. Приморским военным трибуналом осужден по ст. 58-2 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы (за вооруженное восстание с целью захвата власти). С декабря 1945 г. – в «Краслаге» (пгт. Нижний Ингаш Нижнеингашского района Красноярского края). 30 марта 1949 г. – этапирован в особый лагерь МВД «Озерлаг» (ст. Тайшет Иркутской обл.). Срок отбыл полностью. Освободившись в ноябре 1955 г., прибыл в г. Черногорск (Хакасская автономная область Красноярского края), где к тому времени проживал старший сын Георгий, вместе со своей семьей приехавший из Китая в СССР на подъем целинных и залежных земель. Умер от сердечной недостаточности 20 февраля 1956 г., не прожив на свободе и трех месяцев. После отпевания похоронен на старом городском кладбище г. Черногорска [13].

Летом 1943 г. на очередном общем сходе чинов Енисейской зарубежной казачьей станицы в Харбине был избран новый атаман – вахмистр Каргаполов Денис Алексеевич [14, Л. 11]. Казаки поблагодарили бывшего атамана Алексея Никаноровича Тялшинского за его многолетний труд на благо станицы и назначили его почетным советником при Енисейской зарубежной казачьей станице.

Каргаполов (в некоторых документах Каргополов) Денис Алексеевич родился 3 июня 1898 г. в станице Таштыпской Минусинского уезда Енисейской губернии в семье казака. Русский. Православного вероисповедания. С 1907 по 1912 год учился в сельском училище в Таштыпе. До 1917 года жил при родителях и занимался сельским хозяйством. С 1918 по 1922 гг. участвовал в Гражданской войне, начав службу в 1-м Енисейском казачьем полку. Имел воинский чин вахмистра. В Маньчжурию прибыл в 1922 году из Приморья через Хунчун и Гириин. Оказавшись в эмиграции, он входил в группу казаков-джигитов, гастролировавших 1923 по 1926 год по Китаю и Индокитаю. В 1926 г. остался в Шанхае, где работал шофером. Через год вернулся в Харбин и работал по той же профессии. С 1932 по 1936 г. служил на государственной почте почтальоном, затем до 1942 года работал кучером на лесных концессиях в Хэндаохэцзы у предпринимателя С. Кондо. После 1943 г. работал конюхом на фанерном заводе. Доход его составлял 140 гоби в месяц. Согласно анкеты за 1944 год Денис Алексеевич имел семью в составе жены Каргаполовой Клавдии Павловны, 44 лет и дочери Александры, 13 лет. В Харбине Каргаполовы проживали в Славянском городке на улице Канатной, дом 8.

Выбор станичников, избравших Каргаполова атаманом, был не случайным. Казаки характеризовали его в политическом и уголовном отношении вполне благонадежным и рекомендовали его с наилучшей стороны. Согласно анкетных сведений, он придерживался антикоммунистических убеждений, активно принимал участие в казачьих организациях, с 1925 г. состоял членом Восточного казачьего союза, был награжден Знаком отличия Военного ордена «За Великий Сибирский поход». [15, Л. 6, 17 об.].

Атаман и правление Енисейской зарубежной станицы в Харбине избирались на один год. На основании рапорта вновь избранного атамана, выходил приказ по Союзу казаков на Дальнем Востоке.

Д.А. Каргаполов был последним атаманом Енисейской зарубежной казачьей станицы в Харбине, так как с приходом Красной армии в 1945 г. в Харбин, станица перестала существовать. Многие казаки были арестованы, осуждены и отбывали срок заключения в Советском Союзе.

Несколько позднее, чем в Харбине, в Шанхае была так же образована Енисейская станица, которую возглавлял сотник Юшков Афанасий Гаврилович. Имея высокий авторитет среди казаков, спланировав их вокруг себя, Афанасий Гаврилович из года в год переизбирался на должность станичного атамана [16]. В непростых условиях эмиграции он многое делал для станичников. Отрывочные сведения, собранные из разных источников, позволяют проследить биографию этого офицера.

Родился Афанасий Гаврилович 17 января 1895 г. в Енисейской губернии. Служил в казачьих частях. Во время Гражданской войны он занимал должность младшего писаря писарской команды 1-го Енисейского казачьего полка. После окончания Читинского казачьего военного училища, Юшков служил командиром сотни в Енисейской казачьей бригаде.

В эмиграции, проживая в Харбине, сотник Юшков состоял во взводе джигитов под руководством полковника Григория Кирилловича Бологова. Джигитовка на харбинском ипподроме в 1923 г. прошла с большим успехом. «Харбинцев приятно поразила молодцеватость джигитов – офицеров и казаков, – а их невиданные еще в Харбине трюки завоевали настолько горячие симпатии любителей конного спорта, что сразу нашелся предприниматель, хозяин цирка Изако, пожелавший продолжить это дело» [17]. После заключения с цирком договора Афанасий Гаврилович Юшков гастролировал в составе группы казаков-джигитов по Китаю в города Пекин, Нанкин, Шанхай, а затем в Японию, Сингапур и на Филиппинские острова. Восхищенно наблюдая за выступлением енисейских казаков, зрители-иностранцы высказывались, что нет в мире лучших джигитов, чем русские казаки.

Закончив гастроли в 1924 году, Юшков остался на постоянное жительство в Шанхае. После эвакуации из Шанхая в 1949 г. вместе с женой Надеждой Антоновной проживал на острове Тубабао, затем эмигрировал в США, где скончался в 1970 г. в Сан-Франциско.

Енисейские казаки, оказавшись в эмиграции в Китае образовали свои казачьи станицы. Атаманами станиц казаки выбирали достойных, заслуженных людей, как правило, офицеров, имевших организаторские способности, лидерские качества и умеющих повести за собой людей.

Под руководством атаманов, станичное правление проводило регистрацию и учет казаков, выдавало им документы и справки, необходимые при обращении в органы местной власти, помогало разобраться в юридических вопросах, организовывало медицинскую и материальную помощь инвалидам, вдовам и сиротам, содействовало в трудоустройстве [18].

В станицах работали дамские кружки. Казаки отмечали религиозные, светские, а также войсковые праздники.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Богущий А.Е. Атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский // Клио. 2011. – № 4 (55). – С. 154-156.
2. Тимофеев А.Н. Атаман Енисейского казачьего войска и Енисейской зарубежной казачьей станицы в Харбине Тялшинский Алексей Никанорович (реконструкция биографии) // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы Второй международной научной конференции (Владивосток, 12-14 октября 2016 г.). – Хабаровск, 2017. – С. 164-167.

3. Шекшеев А.П. Алексей Никанорович Тялшинский: атаман Енисейского казачьего войска // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2016. – № 1 (6). – С. 76-83.
4. Памятка Енисейского казачьего войска 1618–1938. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков. – Харбин, 1940. – 174 с.
5. Аблажей Н.Н. РОВС и енисейское казачество // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 85.
6. РГВИА (Российский Государственный Военно-исторический архив). Ф. 408. Оп. 1. Д. 9886.
7. РГВА (Российский Государственный военный архив). Ф. 39515. Оп. 1. Д. 290.
8. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. Р-2453. Оп. 1. Д. 57.
9. Памятка Енисейского казачьего войска... Указ. соч. – С. 155.
10. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1050.
11. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 32183.
12. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 48430.
13. Тимофеев А.Н. Указ. соч. – С. 166.
14. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17290.
15. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 19343.
16. Родимый край. – Париж, 1930. – № 12. – С. 29.
17. Памятка Енисейского казачьего войска... Указ. соч. – С. 169.
18. Паршуков В.А. Деятельность енисейских казаков, избранных в руководство станиц и казачьих союзов в эмиграции // Владивосток - точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы Второй международной научной конференции (Владивосток, 12-14 октября 2016 г.). – Хабаровск, 2017. – С. 72.

Пиллер Илья Константинович, студент 2 курса бакалавриата
Историко-филологический факультет
Благовещенский государственный педагогический университет (Благовещенск)
piller.ilya@mail.ru

ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

УДК 908+327.2
DOI 10.48344/BSPU.2021.10.71.020

Аннотация. В статье рассматриваются политические аспекты Японской интервенции, также описываются и анализируются основные инциденты с гражданским населением на территории Дальнего Востока.

Ключевые слова и фразы: японская интервенция, сожжение Ивановки, Николаевский инцидент, инцидент с «Дайки Мару».

Ilya Piller, student 2nd year undergraduate
Faculty of History and Philology
Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)
piller.ilya@mail.ru

JAPANESE INTERVENTION IN THE FAR EAST OF RUSSIA

Abstract. In the article consider the political aspects of the Japanese intervention, also describes and analyzes the main incidents with the civilian population in the Far East.

Key words and phrases: Japanese intervention, burning of Ivanovka, Nikolaev incident, incident with "Daiki Maru".

Японская интервенция носит экспансионный характер, заключающийся в увеличении сферы влияния Японии в период Гражданской войны в России. Японское командование не желало выделять войска для международных сил, захотев действовать самостоятельно, выделив 12-тысячное войско. Как в итоге показывает статистика, количество японских войск было выше данной цифры приблизительно в 6 раз, т.е. 73 тыс. человек.

Япония не имела казуса белли к прямой войне против России, поскольку действовал Портсмутский мирный договор, и любое прямое столкновение сторон несло бы за собой тяжелые последствия со стороны мирового сообщества, поэтому Япония повернула ситуацию в свою пользу: в январе 1918 г. во Владивосток прибыли японские корабли с десантом, но высадиться он не мог, это сразу могло бы начать войну без повода, поэтому в результате «вооруженного нападения» были убиты 2 сотрудника японской торговой конторы «Исидо», после чего адмирал Хирохару Като обратился к населению с речью о том, что Япония берет на себя «охрану общественного порядка в целях обеспечения личной безопасности иностранных граждан», в первую очередь подданных японского императора». Таким образом японские войска имели полное право выставить свои войска на территории России, где есть японские подданные [5].

Помимо «дипломатических игр» с Белогвардейским командованием и множества боестолкновений с Красными войсками, Японская интервенция «славится» различными инцидентами с участием гражданского населения. Из известных – сожжение Ивановки и инцидент с «Дайки Мару».

Сожжение Ивановки – один из эпизодов Японской интервенции. Вероятной причиной сожжения стало то, что сама Ивановка являлась центром «красного» партизанского движения. Именно оттуда вышло 13 рот партизан во время Гамовского мятежа. В феврале 1919 года готовилась атака на Благовещенск с целью выбить «белых» и японцев.

В конце февраля 1919 года газета «Эхо» опубликовала слова японского генерал-майора Ямады о жителях Ивановки: «Отряд японских войск под моим командованием прибыл 21 февраля в это село, нашел там стариков, женщин и детей. Мужчин были единицы, остальные ушли с Красной армией. Предупреждаю, что при проявлении в будущем со стороны жителей сочувствия большевикам и активном их выступлении против японской армии жестоко накажу село» [1].

22 марта 1919 года японские войска подходили со сторон Благовещенска, Константиноградовки и Анновки к Ивановке. Они уже знали, что там было «осиное гнездо» (по словам Ямады). Местные же жители начинали этот день с посевной. Внезапно появились японцы и начали уничтожать всех, кто попытается выйти из деревни. Юг деревни был свободен к отходу и люди, кто смог, ушли таким путем. Людей бросали в амбары, а мужчин убивали штыками. Известен эпизод с убийством школьного учителя Алексея Матыцина, которого прямо на уроке избили и расстреляли. Самым ужасным моментом является «живой костер» из 36 человек в амбаре. Количество убитых равняется 257 людям [2].

Однако в целом эпизод с сожжением Ивановки поддается критике. Существует мнение, что было все так выставлено с целью объединить людей против японцев и «белых». Историк Дмитрий Соколов в своём труде «Белый террор глазами большевиков» пишет о том, что на самом деле могло быть так: красноармейцы готовились к выходу на Благовещенск, дошли до него и нанесли серьезный урон войскам противника, хоть и понесли поражение как под Благовещенском, так и у Ивановки. Выжившие укрепились в селе и начался бой, в котором и погибли люди, а так же сгорели дома. Так же указывается, что погибших было на 36 человек меньше, т.е. – 221 человек. Из них это 208 мужчин, 9 женщин и 4 ребенка, которые погибли, попав под обстрел, являясь случайными жертвами [3].

Что действительно является правдой? Наверное, что все же она где-то посередине. Не поддается логике то, что центр «Красного» партизанского движения был сдан японцам на растерзание без какого-либо боя. К тому же, учитывая тот факт, что там готовилось нападение на Благовещенск, а значит было достаточно войск как рядом с Ивановкой, так и в ней самой.

Что же до инцидента с «Дайки Мару» - это одно из «особенных» событий Японской интервенции, поскольку является пиратским нападением японских войск в отместку за Николаевский инцидент (расправа над японцами со стороны солдат ДВР, случившаяся в период с 23 по 31 мая 1920 г. и являющаяся следствием вооруженного конфликта между партизанами и японской армией 12-15 марта 1920 г.) [5]. Вдохновителем нападения является Рикиитиро Эдзурэ. Он собрал пожертвования и решил набрать команду (60 человек), арендовал судно «Дайки Мару». Изначально он заинтересовал людей тем, что они плывут захватить золото в Охотском море, но позже заявил о том, что пройти дрейфующие льды будет невозможно, и поэтому надо сменить курс на Николаевск-на-Амуре. Это является хитрым ходом Эдзуре с целью отомстить армии ДВР. 9 октября, достигнув Николаевска, пираты взяли на abordаж несколько судов, экипажи были взяты в плен и заперты в каюте. 22-23 октября члены экипажей были казнены. Вернувшись в Отару, пираты разгрузились, получили по 150 иен награды, выслушали капитана и разошлись. Позже несколько пиратов из чувства вины решили сдаться с повинной, по их показаниям была дана розыскная ориентировка на остальных. На суде Эдзурэ оправдывался тем, что пытался поднять национальный дух японцев, принижённый Николаевским инцидентом. 27 февраля 1925 года он был приговорён к 12 годам тюрьмы. 34 других пирата были приговорены к разным наказаниям от 500 иен до 12 лет тюрьмы [6].

В итоге можно сказать о том, что Японская интервенция не была лишена жестокости, как самих японцев, так и противостоящих им сторон. При этом нельзя не отметить успешные политические ходы японского командования, которое умело спровоцировало нападение на Россию, не нарушая условий Портсмутского мирного договора.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Амурская газета «Эхо», выпуск от февраля 1919 г.
2. Кошкин А.А. Курильский пинг-понг. 100 лет борьбы за острова. – СПб.: Питер, 2018. – 448 с.
3. Соколов Д.В. Белый террор глазами большевиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/2582264> – 19.04.2021.
4. Тепляков А.Г. Террор атаманов и интервентов против красных партизан Сибири и Дальнего Востока: мифы и факты // Актуальные вопросы философии, истории и юриспруденции. Сб. статей. Кафедра философии и гуманитарных наук НГУЭУ, 2016. – С. 168-187.
5. Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918-1922 гг. – М.: Воениздат, 1957. – 268 с.
6. Японская газета «Ёмиури Симбун», выпуск от 1 марта 1967 года.

Сапрыкина Марина Геннадиевна

Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Нижний Новгород)

saprykinamg@ya.ru

**ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН:
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В «ЭГО-ДОКУМЕНТАХ» ИЗ ФОНДА Я.К. КОКУШКИНА**

УДК 93/94

DOI 10.48344/BSPU.2021.42.17.021

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности изображения собственного Я и самосознания уроженца Нижегородской земли Я.К. Кокушкина как человека, жившего в эпоху социальных потрясений начала XX века, являвшегося участником революционных событий 1917 года и Гражданской войны на Дальнем Востоке. Автором дается общая характеристика личности Я.К. Кокушкина и его «эго-документов», проводится комплексный анализ текстов наиболее значимых в данной работе сочинений; анализируются способы изложения и освещенные биографические сведения в авторских текстах разного типа. В качестве основных источников в работе используются отрывки из дневника Кокушкина, его автобиографий и материалы художественной повести "Я. Весна человечества". Обширный комплекс неопубликованных источников из личного фонда Я.К. Кокушкина позволяет системно изучить вопросы идентификации, самосознания личности человека, живущего на сломе эпох и выявить особенности презентации его личного опыта.*

***Ключевые слова и фразы:** революция 1917, Гражданская война на Дальнем Востоке, Я.К. Кокушкин, эго-документы, дневник, эсперанто.*

Marina Saprykina

The Nizhniy Novgorod State Reserve Museum of History and Architecture (Nizhniy Novgorod)

saprykinamg@ya.ru

**MAN IN THE ERA OF CHANGE:
THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 AND THE CIVIL WAR
IN THE "EGO-DOCUMENTS" FROM THE FUND Y.K. KOKUSHKIN**

***Abstract.** The article examines a specificity of representation own Self and self-consciousness of a native of Nizhny Novgorod region Y.K. Kokushkin as a person who lived in the era of social shocks at the begin of XX century and a participant in the revolutionary events of 1917 and the civil war in the Far East. The author gives a common characteristic of the individual of Y.K. Kokushkin and his "ego-documents". Also, he made complex analysis his texts the most important for this work. The author analyzed ways of presentation and illuminated biographical information in the author's texts of different types. Main sources in the work are parts of the diary of Kokushkin, his autobiographies and materials of his novel "I. The Spring of Humanity". Extensive range of unpublished sources from the personal fund Y.K. Kokushkin allows systematically studying the issues of identification, self-consciousness of the human personality who lived at the break of ages and find specificity of his own experience presentation.*

***Key words and phases:** Revolution of 1917, Civil War in the Far East, Y.K. Kokushkin, ego-documents, diary, Esperanto.*

Череды исторических потрясений начала XX века повлияла не только на нашу страну, но и на весь мир. Сегодня особое внимание уделяется рассмотрению этих событий через призму личной истории. Как жил, о чем думал, что чувствовал отдельно взятый человек, живя в эпоху перемен? Какой отпечаток время наложило на его личность и судьбу? Найти ответы на эти вопросы современным исследователям может помочь такой вид исторических источников как «эго-документы». Историк Н.М. Филатова отмечает, что «прицельная работа с эго-документами в качестве исторического источника сегодня намечает, в частности, возможность изучения переломных моментов истории из антропологической и психолингвистической перспектив, с позиции персональной истории и истории идентичностей»¹.

С этих позиций предлагаем рассмотреть «эго-документы» из наследия уроженца Нижегородской земли, участника Гражданской войны на Дальнем Востоке Якова Карповича Кокушкина (1892–1984 гг.).

В качестве основных источников в работе используются отрывки из дневника Кокушкина, его автобиографий (художественной и производственных разных лет) и материалы художественной повести «Я. Весна человечества». Использованные в работе материалы не опубликованы и находятся в Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Личный фонд Я.К. Кокушкина, хранящийся в ГОПАНО, насчитывает 407 единиц хранения, охватывающих временной промежуток с 1903 по 1984 гг. Документы фонда включают в себя: дневниковые записи, варианты автобиографий, документы научной и творческой деятельности Я.К. Кокушкина, в числе которых черновые варианты книг, статьи, тексты лекций и выступлений автора; материалы к биографии Я.К. Кокушкина, общественной и служебной деятельности (личные документы, документы служебной деятельности, записные книжки); переписку Я.К. Кокушкина; богатый изобразительный материал (фотографии разных лет как самого Я.К. Кокушкина и членов его семьи, так и участников борьбы за советскую власть на Дальнем Востоке).

Дневник Я.К. Кокушкина выделяется на фоне других подобных источников своей масштабностью – объемом (более четырех тысяч листов, из них более тысячи о событиях 1917 г.) и, главное, количеством информации, охватывающей различные стороны служебной и общественной деятельности автора. Сведения дневника могут быть в свою очередь дополнены, отчасти верифицированы, другими документами фонда, наиболее интересными для настоящего исследования являются автобиографии Я.К. Кокушкина (в том числе его «попытка написания художественной автобиографии») и материалы художественного произведения – повести «Я. Весна человечества».

Рассмотрение основных вех жизни и творчества, событий, пережитых Я.К. Кокушкиным, поможет нам в изучении вопроса формирования личности и мировоззрения автора. Этот вопрос, безусловно, является важным с той точки зрения, что оставленные им материалы несут в себе не только информацию о конкретных событиях, свидетелем которых стал Я.К. Кокушкин, но и большой отпечаток субъективности восприятия происходивших событий.

Яков Карпович Кокушкин – выходец из рабочей семьи, с детства много читал, научился играть на скрипке, изучил искусственный международный язык эсперанто, на котором писал свой дневник, еще до призыва на службу в армию успел поработать и на пароходе кочегаром, и на Сормовском заводе,² занимая должность конторщика.

В 1913 г. был призван в царскую армию, в которой прослужил рядовым, писарем штаба 4-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка до марта 1917 г.³ С ноября 1913 по октябрь 1922 года Я.К. Кокушкин находился в Приморье: от начала службы еще в импе-

¹ Филатова М.Н. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота». С.33–34.

² Ныне завод «Красное Сормово» – судостроительное предприятие в Сормовском районе Нижнего Новгорода, одно из старейших предприятий в данной отрасли, основано в 1849 г.

³ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 132. Л. 26.

раторской армии вплоть до установления советской власти на Дальнем Востоке и окончания Гражданской войны.

Как раз с начала службы Яков Карпович начинает вести дневник, записи в котором делает на языке эсперанто, созданном Людвигом Заменгофом в 1887 г. О своем увлечении эсперанто Я.К. Кокушкин пишет так: «За год до призыва на военную службу мною овладела та самая мечта о братстве народов, но через единый для всего человечества, международный язык, с которым познакомился я случайно. ЭСПЕРАНТО! Месяца в два научившись читать и писать, а через год свободно разговаривать на этом очень легком логично построенном, благозвучном языке, я стал яростно его пропагандировать: стоит только всем народам им овладеть, и войн не будет»⁴. Именно эта пропаганда эсперанто, предполагает Я.К. Кокушкин, повлияла на определение его на службу на Дальний Восток. Что вероятно, небезосновательно, т.к. несмотря на популярность языка в конце XIX – начале XX вв., существование эсперантистской периодической печати за рубежом, в России в начале 1910-х гг. властью не только запрещались собрания и печать эсперантистов, но и велось наблюдение за участниками движения.⁵

На Дальнем Востоке Я.К. Кокушкин начинает заниматься активной общественно-политической (по сути, революционно-большевистской) деятельностью. В 1915–1916 гг. участвовал в нелегальной организации во Владивостокском гарнизоне, в составе которой большевиков не было⁶.

С марта 1917 г. – депутат Владивостокского Совета, член военной комиссии Совета, член полкового комитета, организатор и председатель Эгершельдского комитета солдатских депутатов⁷. В мае 1917 г. стал членом РСДРП(б)⁸. В сентябре 1917 г. был делегатом от Владивостокской организации РСДРП в Никольск-Уссурийске. Как большевик выступал и голосовал за разрыв с меньшевиками. По размежеванию с меньшевиками был избран в комитет Владивостокской большевистской организации и возглавлял эгершельдскую группу большевиков⁹.

В ноябре-декабре 1917 г. активно участвовал в установлении советской власти во Владивостоке, был избран членом исполкома Инженерного управления Владивостокской крепости, членом крепостного распорядительного комитета¹⁰. В декабре 1917 г. присутствовал на III съезде Советов Дальнего Востока в Хабаровске, был избран членом «Временного коллектива по управлению Дальним Востоком»¹¹.

В январе 1918 г. участвовал в работе Съезда крестьянских депутатов Приморья в Никольск-Уссурийске, избран секретарем исполкома. Был выдвинут от Владивостокского Совета в состав Приморской областной продовольственной управы, руководил финансовым отделом вплоть до свержения Советской власти во Владивостоке 29 июня 1918 г.¹² В феврале 1918 г. принимал участие в работе съезда Советов Амурской области в Благовещенске, был докладчиком по политическому моменту и одним из инициаторов перехода власти в руки Советов. В июле-сентябре 1918 г. – член редколлегии нелегальной газеты «Красное знамя»¹³ и подцензурной газеты «Рабочий и крестьяне», автор передовиц, листовок, фельетонов, ведущий оратор на массовых митингах в Народном Доме.

⁴ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 132. Л. 35.

⁵ Власов Д.В. Эсперанто: полвека цензуры. Развитие эсперанто-движения и его журналистики в условиях цензуры в Российской империи и СССР (1887–1938 гг.). – М.: Импэто, 2011. – С. 60-73.

⁶ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 83. Л. 61.

⁷ Там же. Л. 57.

⁸ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 130. Л. 36.

⁹ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 83. Л. 64.

¹⁰ Там же. Л. 65.

¹¹ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 41. 124 л.; ГОПАНО. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.

¹² ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 83. Л. 67.

¹³ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 44. 37 л.

10 сентября 1918 г. был арестован, заключен японскими интервентами в концлагерь, 13 января 1919 г. бежал из лагеря¹⁴.

17 января 1920 г. постановлением Дальневосточного крайкома партии был назначен его представителем в Никольск-Уссурийском военно-революционном комитете по подготовке восстания против белогвардейской армии Колчака¹⁵. С 26 января 1920 г. – политический уполномоченный Никольск-Уссурийского военного района. В марте 1920 г. участвовал в работе областной партконференции и областного съезда трудящихся в Никольск-Уссурийске. Был избран председателем комиссии по наказам. В начале апреля 1920 г. – председатель Никольск-Уссурийского уездного съезда трудящихся, председатель Никольск-Уссурийского исполкома¹⁶. С 17 апреля по начало июня 1920 г. – председатель ревштаба прифронтовой полосы Приморья¹⁷. В июне-декабре 1920 г. – политический уполномоченный Амутнинского военного района.

В январе 1921 г. – председатель областной партконференции во Владивостоке, руководитель и лектор областной партшколы (полулегальной) во Владивостоке¹⁸.

При выступлении каппелевцев в ночь на 31 марта 1921 г. руководил защитой вокзала. Вплоть до меркуловского переворота 26 мая 1921 г. был во главе партшколы, являлся членом боевой части Совета обороны Владивостока, руководителем мобилизационного отдела. С конца мая по 22 октября 1921 г. – член подпольного Приморского облревкома РКП(б) во Владивостоке, редактор ряда газет. В ноябре-декабре 1921 г. – военный комиссар 2-го отдела Приморского батальона. В период наступления каппелевцев был взят в плен, из которого бежал 26 декабря 1921 г. в с. Картун¹⁹.

В январе-июне 1922 г. – член Военного Совета партизанских отрядов Приморья, начальник политотдела с правами военного комиссара при командующем²⁰. В августе 1922 г. по разрешению Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) выбыл в распоряжение Нижегородского губкома РКП(б)²¹.

Вернувшись в родное Сормово, в период с 1923 по 1930 г. Яков Карпович вел большую пропагандистскую и массово-политическую работу, был агитатором, руководителем строительства Сормовского дворца культуры. Позднее работал на строительстве Горьковского автозавода, являлся руководителем строительства Сормовского парка культуры и отдыха, стадиона.

В августе-ноябре 1941 г. – военный комиссар 33-й госпитальной базы армии в г. Горьком. Демобилизован в связи с расформированием базы.

В 1942–1950 гг. работал на административно-хозяйственных должностях на заводе «Красное Сормово», был пропагандистом парткома завода, воспитателем в молодежном общежитии завода. Яков Карпович был участником социалистического соревнования, и принимал активное участие в общественной и культурной деятельности завода: занимался газетой «Красный Сормович», был одним из организаторов радиовещания завода, а также активно занимался делом воспитания молодежи и политического просвещения трудящихся завода.

По выходу на пенсию вел общественную и партийную работу, был членом областного комитета защиты мира, членом парткомиссии при Горьковском обкоме КПСС, всесоюзного общества «Трезвость».

В 1967 г. в связи с 50-летней годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции и 75-летним юбилеем был награжден орденом Ленина.

¹⁴ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 83. Л. 70.

¹⁵ Там же. Л. 72.

¹⁶ Там же. Л. 73.

¹⁷ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 47. 74 л.

¹⁸ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 116. 44 л.

¹⁹ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 83. Л. 75-76.

²⁰ Там же. Л. 79.

²¹ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 83. Л. 97–98.

Рассмотрев основные вехи служебной и общественной жизни Якова Карповича Кокушкина, можем сделать вывод о том, что близкие ему в юности идеи демократических преобразований и социальной справедливости стали не только объектом размышлений на страницах его дневника и художественных произведений, но привели его в ряды партии большевиков и служили ориентиром деятельности как в годы революций и Гражданской войны, так и на протяжении всей дальнейшей жизни.

Безусловно, материалы из фонда Я.К. Кокушкина позволяют составить более полное представление о личности самого Кокушкина, и представляют также интерес для дальнейшего исследования. Так, например, исследователи, обращаясь к теме Гражданской войны на Дальнем Востоке, в своих работах используют небольшие статьи Я.К. Кокушкина²². Полагаем, историков также могут заинтересовать и дневник, и художественные произведения Якова Карповича, ведь они представляют собой ценный и в своем роде уникальный источник для изучения данной темы.

Из наиболее объемных и информативных документов фонда отметим автобиографию (точнее, разные варианты автобиографий) Я.К. Кокушкина, его дневник и художественные повести.

Варианты автобиографий хранятся в одном деле фонда²³, составляющем 167 листов, большая часть которых представляет собой карандашные рукописи на различных черновиках, некоторые из которых склеены из таких исписанных полосок в «целые» листы. Эта часть плохо систематизирована и местами повествование обрывается буквально на полуслове. Также в деле содержатся несколько автобиографий (версий автобиографии) для предоставления персональной пенсии, составленных в 1960-е годы.

Дневник Я.К. Кокушкина имеет достаточно сложную структуру, так как представляет собой целый комплекс документов. Помимо оригиналов дневника – рукописные тетради на искусственном языке эсперанто – также существует еще несколько видов его перевода, а именно: авторские рукописные тексты перевода, авторские машинописные переводы, а также некоторые части дневника были переведены другими эсперантистами. Можно даже сказать, что дневник Я.К. Кокушкина – это не просто комплекс документов, это комплекс нескольких исторических источников, в каждом из которых можно найти свои аспекты для изучения прошлого.

Отдельно отметим, что в архивном фонде хранятся далеко не все дневниковые записи. Так, например, первая тетрадь дневника хранится в Приморском краевом краеведческом музее им. В.К. Арсеньева и переведена экскурсоводом музея В.Ю. Жуковым (машинопись датирована 1981 годом)²⁴. И уже перевод хранится в личном фонде Я.К. Кокушкина в ГОПАНО.

Всего дневниковые записи в личном фонде Я.К. Кокушкина, хранящемся в ГОПАНО, занимают 38 дел (Д. 118–155), из них к 1917 году относится ровно половина имеющихся дел (16 дел: Д. 123–126, 128–139, в том числе 2 дела содержат записи на эсперанто без перевода (Д. 125, 133)). Что же касается объема этих дел, он разнится, общее количество листов дел, содержащих дневниковые записи, составляет 4389 листов, из них 1344 листа входит в дела, относящиеся к 1917 году.

²² См: Бучко Н.П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика: 1917–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук: специальность 07.00.02 «Отечественная история» / Николай Петрович Бучко; Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. – Хабаровск. 2006. – 253 с.; Кузьмин В.Л. Дальневосточные организации правосоциалистических партий в годы гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук: специальность 07.00.02 «Отечественная история» / Василий Леонидович Кузьмин; Хабаровский государственный педагогический университет. – Хабаровск. 2004. – 258 с.

²³ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 83. 167 л.

²⁴ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 155. Л. 1.

Представить более полную картину, описываемого Я.К. Кокушкиным в автобиографии и дневнике, а также сравнить способы презентации пережитого автором, кажется нам возможным при изучении его художественных произведений. Опись документов личного фонда Я.К. Кокушкина, хранящегося в ГОПАНО, содержит целый подраздел «Книги, очерки, пьесы», состоящий из 28 единиц хранения, в числе которых черновые рукописи и машинописные тексты небольших статей, очерков, отрывки художественных повестей и записи воспоминаний о событиях Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Прошлое подвергается репрезентации в той мере, в какой это требует актуальная Я-концепция, следовательно, прошлое изменчиво. Важно отметить, что конструирование автобиографии – заслуга не только индивида, а производное от совокупной деятельности многих индивидов, получившее объективированную форму социальных автобиографических схем²⁵. Когда эти схемы меняются, тогда и возникает исследовательский интерес к повседневности, отношение к ней как конструируемому ресурсу.²⁶

Именно на время такой «дестандартизации» пришлись детские и юношеские годы Я.К. Кокушкина. Этим и интересна его судьба, и это же делает уникальным его творческое наследие. В разного вида эго-текстах он пытался сначала осознать/познать себя, а затем и презентовать себя и свой личный опыт.

Предприняв «попытку написания художественной автобиографии», как сам Я.К. Кокушкин ее назвал, он создал текст, повествующий наиболее полно из всех вышеуказанных работ о детских годах автора. Автобиография вышла текстом достаточно лиричным, наполненным воспоминаниями о детстве, размышлениями о формировании личности автора, повесть в свою очередь вышла тоже автобиографичным сочинением, с элементами вымысла, но основанным при этом, прежде всего, на реальных событиях и людях.

Дневник от двух этих текстов отличается разительно тем, что является его особенностью как исторического источника, – отрывочность, дробность и, безусловно, запись «по горячим следам». Дневник Я.К. Кокушкина имеет и элементы мемуарные, но их не так много. Датированная точность сведений может быть также сильной стороной дневника как исторического источника и позволить почерпнуть больше фактической информации из текста, чем из двух других текстов. Но это не означает, конечно, что дневник менее полезен для изучения внутреннего мира человека, написавшего этот самый дневник.

В самом начале своего дневника Я.К. Кокушкин обосновывает необходимость для себя ведения дневника:

«Передо мной множество вопросов: кто я? Почему я во Владивостоке, сильной крепости на самой границе Руси и что заставило меня писать дневник? Я задаю вопросы себе самому, словно пишу дневник для кого-то другого. Но конечно я пишу только для себя самого, потому, что в настоящий момент я сам хочу уяснить свое положение, хотя сейчас оно для меня понятно. Я думаю, что в ближайшие 3–5 лет весь дневник не представит для меня интереса, но потом, если бог даст мне здоровья, он будет мне необходим. А ответы на все стоящие передо мной вопросы будут необходимы для полной гармонии дневника»²⁷.

Таким образом, с первых страниц дневника мы видим, что он несколько отличается от дневника в привычном смысле (с коротким описанием прошедшего дня, характерной для этого вида источника обрывочностью сведений). Я.К. Кокушкин в своем дневнике предпринимает попытку поиска ответов на свои экзистенциальные вопросы. А с учетом факта, что дневник велся на эсперанто, понятно, что прочесть его смог бы не каждый, и этот дневник был еще и секретным изначально.

²⁵ Рождественская Е. Когерентность автобиографии и нарративизация идентичности // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики / ред. Ю.П. Зарецкий, Е.К. Карпенко, З.В. Шушпанова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: «БИБЛИОГЛОБУС», 2017. С. 61.

²⁶ Там же.

²⁷ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 155. Л. 2.

Я.К. Кокушкин в дневнике очень ярко отразил свои ощущения и впечатления в отношении основных событий начала XX века в нашей стране, в отношении социальных, политических, культурных вызовов революционной эпохи.

Однако Гражданская война, участником которой стал Я.К. Кокушкин, в имеющихся дневниковых делах фонда не отражена (важно отметить также, что значительная часть дневниковых записей этого периода была утрачена при побеге из концлагеря японских интервентов в 1919 г.). Но сведения о Гражданской войне нашли свое отражение в воспоминаниях Я.К. Кокушкина и в его художественных произведениях, в частности, в повести «Я. Весна человечества», посвященной именно этим событиям.

В повести «Я. Весна человечества» персонажей очень много. Центральная фигура – Яков, он же и главный герой. Из-за плохой систематизации материала, который представляет собой обрывки листов (зачастую склеенных полосок), в которых также и повествование обрывочно, сильно осложнено установление сюжета повести, что больше похоже на наброски, чем на готовое произведение. Местами же это просто фрагменты текста из дневника²⁸. Название повести, как мы можем понять, автору не кажется вычурным. Он позиционирует себя, уже исходя из названия повести, как участника приближения этой «весны человечества», и сам является плодом и примером этого полного обновления общества. Как и предвещает название повести, ее сюжет выстроен на событиях из жизни автора, а второстепенными персонажами повести стали некогда знакомые сослуживцы, товарищи по партии.

Так как в документах фонда имеется несколько дел с разными датировками, относящимися к повести «Я. Весна человечества»,²⁹ из всех художественных произведений Я.К. Кокушкина оно позволит проследить динамику способов изложения личного опыта и, возможно, проследить изменения в отборе излагаемой информации.

Надо отметить интересную деталь: в деле, обозначенном как первая глава повести, тоже есть обоснование для написания этого произведения: характеристика Я.К. Кокушкина, написанная писателем А.А. Фадеевым для назначения первому персональной пенсии, и его же небольшой отзыв о «литературных пробах» Якова Карповича:

«В Москве на курсах в течение месяца находился Яша Кокушкин. Мы с ним несколько раз виделись... Он познакомил меня со своими литературными планами и показал кое что из написанного («Война – войне» Я). У него несомненно есть способности». (подчеркнуто мною). Александр Фадеев... Повесть нашей юности. Москва, 1961 [...] Их надо реализовать!!!»³⁰

Несмотря на то, что датировки во всех трех делах, относящихся к повести «Я. Весна человечества», отличаются: Д. 3 – 1924 г., Д. 8 – 1948 г., Д. 21 – 1969 г., мы видим, что датировка, указанная в приведенном выше отрывке гораздо более поздняя, а на следующем листе в деле есть еще более поздняя дата – 1981 г., то, можем предположить, что значительная часть работа велась в 1960-е гг. (Д. 21 датировано 1969 г.), это обусловлено и тем, что Я.К. Кокушкин в это время готовил документы для назначения ему персональной пенсии. Но правки вносились и гораздо позднее, в 1980-е гг. Обратим внимание также, что датировка дела № 3 обозначена в самом документе как «9.IX.83», это также не соответствует заявленной дате 1924, но подтверждает нашу версию о более поздних сроках создания документа. Прямых свидетельств об этом нами не найдено, но можем предположить, что в 1980-е годы Яков Карпович, прожив долгую жизнь, но так и не закончив повесть, решил довести начатое до конца (на момент 1980-го года ему было уже 88 лет, скончался он в 1984 г., немногим не дожив до 92-х летнего возраста).

²⁸ См.: ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 8. 17 л.

²⁹ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 3. 4 л.; ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 8. 17 л.; ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 21. 102 л.

³⁰ ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

Тот факт, что текст повести (впрочем, как и автобиография) писался Я.К. Кокушкиным на небольших черновиках, которые он потом склеивал, подтверждает гипотезу о том, что у автора не было четкого плана повести, что это были отдельные заметки, из которых он в прямом смысле, конструировал свое произведение. Текст автобиографии и рукописный перевод дневников выглядит так же: это записи на «черновиках», зачастую отличающихся по размеру, иногда также склеенных в «целые» листы.

Изучив комплекс «эго-документов» Я.К. Кокушкина, мы выяснили, что дневник, являясь уникальным историческим источником, лег в основу художественных текстов автора – автобиографии и повести «Я. Весна человечества», которые были составлены гораздо позже в уже зрелом возрасте. Полагаем, что именно осознав масштаб событий уже в середине-второй половине 1920-х гг., Я.К. Кокушкин принимается сначала за перевод дневниковых записей и написание художественной автобиографии (авторские переводы касаются именно эпизодов, относящихся к 1917 г.). Более ранние тетради переводились эсперантистом Капустиным Л.Г. после смерти Якова Карповича, с 1987 г. После перевода наиболее важных частей дневника (в фонде есть непереуведенные тетради, относящиеся уже к послереволюционному времени) Кокушкин принялся за написание различных статей о революционных событиях, о революционерах, соратниках на Дальнем Востоке. И работа, которая, возможно, велась и все это время параллельно – написание повести, основные сохранившиеся отрывки которой датируются концом 1960-х и началом 1980-х гг.

Я.К. Кокушкин – с одной стороны, как обозначалось выше, личность уникальная: будучи выходцем из рабочей семьи, он научился играть на скрипке, купив на блошином рынке брошюру об эсперанто, самостоятельно изучил этот язык и вел на нем свой дневник, с другой же стороны, он – дитя своего времени, зараженный идеями всеобщего равенства, братства и дружбы народов, он стал агитатором и пропагандистом революционных идей.

Наследие Я.К. Кокушкина является богатым комплексом источников и по объему, и по содержанию и может быть полезно как для выявления дополнительных сведений событийной истории нашей страны, так и для изучения вопросов, связанных с самоидентификацией и самосознанием личности. Я.К. Кокушкин жил во время великих потрясений и социальных катастроф отечественной истории: здесь и Первая русская революция 1905-1907 гг., и участие России в Первой мировой войне, революционные потрясения 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война, и все эти события, так или иначе, нашли отражение в материалах, оставленных Я.К. Кокушкиным. Сохранившиеся материалы предоставляют возможность исследователям взглянуть на эпоху глазами современника, свидетеля и участника важнейших событий в истории нашей страны и всего мира.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Бучко Н.П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика: 1917-1922 гг. : дис. ... канд. ист. наук : специальность 07.00.02 «Отечественная история» / Николай Петрович Бучко; Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. – Хабаровск, 2006. – 253 с.
2. Власов, Д.В. Эсперанто: полвека цензуры. Развитие эсперанто-движения и его журналистики в условиях цензуры в Российской империи и СССР (1887–1938 гг.). – М.: Им-пэто, 2011. – 184 с.
3. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 3. 4 л.
4. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 8. 17 л.
5. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 21. 102 л.
6. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 41. 124 л.
7. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 44. 37 л.
8. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 47. 74 л.

9. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 57. 9 л.
  10. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 83. 167 л.
  11. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 116. 44 л.
  12. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 130. 52 л.
  13. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 132. 86 л.
  14. ГОПАНО. Ф. 7897. Оп. 1. Д. 155. 19 л.
  15. Кузьмин В.Л. Дальневосточные организации правосоциалистических партий в годы гражданской войны : дис. ... канд. ист. наук : специальность 07.00.02 «Отечественная история» / Василий Леонидович Кузьмин; Хабаровский государственный педагогический университет. – Хабаровск, 2004. – 258 с.
  16. Рождественская Е. Когерентность автобиографии и нарративизация идентичности // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики / ред. Ю.П. Зарецкий, Е.К. Карпенко, З.В. Шушпанова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: «БИБЛИО- ГЛОБУС», 2017. – С. 45–61.
  17. Филатова М.Н. Подходы к изучению эго–документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и "документальное" в славянских культурах: между подлинным и мнимым: сборник научных трудов / отв. ред. Н.М. Куренная. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – С. 24–40.
-

Сороколетова Алена Александровна, студент магистратуры
Школа искусств и гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)
Научный сотрудник
Отдел исследований
Музей истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева
sorokoletova.aa@students.dvfu.ru

ОБРАЗ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 930

DOI 10.48344/BSPU.2021.96.63.022

Аннотация. В статье на основе анализа историографических источников рассматривается процесс конструирования образа Дальневосточной республики. Показаны основные черты этого образа, сформированные в советской и новейшей исторической науке, анализируются факторы, повлиявшие на особенности формирования этих черт. Делается вывод о значительном расширении тематики ДВР. Новые направления и методы, обновленная источниковая база, отказ от единой исследовательской парадигмы оставляют значительные возможности для поиска и трактовки новых элементов образа Дальневосточной республики. Можно сделать вывод, что в новейшей отечественной историографии прослеживается тенденция к осмыслению Дальневосточной республики как определенного политического, социального, экономического, культурного пространства, в котором не только велись политические игры, но жили люди и осуществлялась организация их жизни. Исследователи стремятся к детализации этого пространства, пониманию его внутренней структуры, элементов повседневной реальности людей. Конструируемый образ ДВР становится более многогранным и сложным.

Ключевые слова и фразы: Дальневосточная республика, историография, восприятие, образ.

Alena Sorokoletova, MA student
School of Arts and Humanities
Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Research fellow
Research Department,
V.K. Arsenyev Museum of the History of the Far East
sorokoletova.aa@students.dvfu.ru

THE IMAGE OF THE FAR EASTERN REPUBLIC IN THE NEWEST RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article discusses the process of constructing the image of the Far Eastern Republic based on the analysis of historiographical sources. The paper demonstrates the main features of this image that were formed in the Soviet and modern historical science, analyses factors of their formation. The results show a significant expansion of the topic of the Far Eastern Republic. New research directions and methods, an updated source base, and the rejection of a single research paradigm leave significant opportunities for the search and interpretation of new elements of this image. Summing up the results, it can be concluded that in recent Russian historiography, there is a tendency to understand the Far Eastern Republic as a political, social, economic and cultural space in which people lived and organized their lives. Researchers strive to detail this space, to under-

stand its internal structure, the elements of people's everyday reality. The constructed image of the Far Eastern Republic becomes more multifaceted and complex.

Key words and phases: *the Far Eastern Republic, historiography, perception, image.*

Дальневосточная республика просуществовала достаточно короткий период – с 1920 по 1922 г. Идеи о ее создании, политическом, экономическом и социальном развитии, роли в международных отношениях, перспективах были окружены несмолкаемой полемикой современников – представителей разных политических взглядов, социальных слоев и уровней образования. Проблематика Дальневосточной республики сохраняет свою актуальность и сейчас, когда дискуссионные вопросы прошлого осмысливаются не только в научном, но и политическом, и общественном дискурсах, в которых образ ДВР приобретает многообразные трансформации и трактовки, в том числе имеющие мифологизированную основу. Поэтому сохраняется необходимость комплексно отразить элементы научного осмысления образа Дальневосточной республики и особенности их формирования.

Историографические работы, посвященные проблематике Дальневосточной республики, главным образом направлены на осмысление советской историографии. В середине 1960-х гг. к этому вопросу впервые обратился А.П. Шурыгин [14, с. 13]. Значительный вклад в освещение истории изучения ДВР внес Б.М. Шерешевский. В опубликованных в 1970-е годы статьях, он последовательно рассмотрел историографию ДВР 1920-х – начала 1970-х гг. [14, с. 13]. Особенный интерес представляют историографические исследования 1990-х гг. Их авторы отмечают формирование новых условий для объективного осмысления прошлого [38, с. 162] и вновь обращаются к анализу взглядов советских историков на проблемы ДВР, фактически обозначая круг задач для историков новейшего времени. Среди авторов следует отметить статьи Э.В. Ермаковой [14], Ю.Н. Ципкина [38], в которых выделены основные темы и дискуссионные вопросы в изучении Дальневосточной республики в советский период. Их статьи дают возможность составить представление об образе ДВР, сформированном в условиях абсолютного доминирования марксистской парадигмы в исторической науке.

Для последнего десятилетия характерно появление новых публикаций, посвященных изучению отдельных проблем истории ДВР. Так, А.А. Азаренков анализирует полемику 1970-х – 1980-х гг. о характере политического строя Дальневосточной республики [3, с. 62]. В статье А.В. Волочаевой представлен обзор современной историографии, отражающей проблемы преступности и способы борьбы с ней на территории ДВР [11].

На основе историографических исследований по истории ДВР можно представить черты того образа ДВР, который был сконструирован в советской историографии. Однако развитие исторической науки в начале нового тысячелетия, методологический плюрализм, расширение проблематики исследований делают актуальной проблемой исследование эволюции образа Дальневосточной республики в современной историографии.

В статье предпринята попытка показать новые элементы восприятия образа Дальневосточной республики, появившиеся в новейшей отечественной историографии.

В советский период в рамках марксистской парадигмы сформировался определенный набор тем изучения феномена ДВР и взглядов на ее образ. Определяющую роль в понимании элементов образа Дальневосточной республики играли высказывания самого В.И. Ленина. Наиболее глубоко были изучены следующие причины и процесс образования Дальневосточной республики; роль Ленина и ЦК РКП(б) в разработке идеи буферного государства [38, с. 163]; становление Народно-революционной армии (НРА); внешняя политика, международная деятельность ДВР, борьба с интервенцией, вопросы организации партийного руководства в разработке и осуществлении политики Советского государства на Дальнем Востоке, с 1960-х гг. развиваются дискуссии о сущности общественно-политического строя Дальневосточной республики [14, с. 12–14].

Таким образом, в советский период ДВР рассматривалась в контексте освещения масштабных проблем военной, дипломатической и политической деятельности Советской России в условиях Гражданской войны и интервенции. В этом контексте сформировался образ ДВР, который подавался как вынужденный компромисс, цель которого предотвратить столкновение России с империалистическими странами [14, с. 20] и добиться мирной ликвидации интервенции с последующим восстановлением советской системы на Дальнем Востоке [38, с. 164]; дальновидный и оригинальный тактический ход Ленина [38, с. 163]; буферное государство при определенной самостоятельности фактически связанное с РСФСР и руководимое РКП(б) [14, с. 21]. Дальневосточная республика воспринималась руководством коммунистической партии как переходное государственное образование [38, с. 167]. Этот взгляд был принят и в советской историографии. С экономической стороны ДВР рассматривалась как путь прорыва экономической блокады Советской России на Востоке [38, с. 166]. Таким образом, в советский период ДВР трактовалась как результат продуманной политики, буфер, созданный для решения конкретных задач в условиях Гражданской войны.

В новейшей отечественной исторической науке произошел ряд важнейших изменений, которые не могли не отразиться и на изучении Дальневосточной республики. Изменение политической и социальной-экономической ситуации, развитие плюралистической идеологии оказали непосредственное влияние на историческую науку [36, с. 83]. Признание ценности мультипарадигмальности стало важнейшим шагом в обогащении подходов к изучению и осмыслению прошлого. Новые исторические теоретико-методологические подходы, работа в рамках новых направлений исторической науки значительно расширили тематику исторических исследований ДВР: позволили сформировать новые темы и углубить изучение ставших традиционными для данного исследовательского поля проблем, сформулированных еще в советский период.

Рассмотрим в рамках каких научных направлений изучается Дальневосточная республика в новейшей отечественной историографии и выделим новые элементы осмысления образа ДВР.

В современной исторической науке наблюдается рост исследований по истории повседневности, социальной и культурной истории. Эмоциональные реакции, разнообразные составляющие привычного, структурирующего образ жизни социальных слоев становятся предметом исследовательского интереса историков. В отношении тематики исследований Дальневосточной республики можно заметить постепенное смещение исследовательской точки зрения: панорамный охват сменяется приближением исследовательского «объектива» к элементам повседневной реальности людей: историки начинают осмысливать ДВР не отстраненно как объект политики, а как пространство, где реально жили люди.

Так, к рассмотрению культурной составляющей пространства Дальневосточной республики обратились А.М. Лесовиченко и Э.В. Осипова. А.М. Лесовиченко рассматривает музыкальную культуру Дальневосточной республики [19]. Э.В. Осипова, исследуя театральную жизнь ДВР, поднимает такие важные проблемы, как политика в области культуры, возможности и препятствия в организации театральной жизни, нравственные и этические основы, связь с другими сферами культурной жизни [27, с. 48]. Она обращает внимание на высокую роль частной предприимчивости и самоорганизации в этом вопросе [27, с. 50]. Рассматривая возможности существования разных театральных форм в ДВР, исследователь вносит дополнительный элемент в понимание образа Дальневосточной республики, называя ее «красно-белым лоскутным одеялом» [27, с. 50] с точки зрения территориального распределения противоборствующих сил, что и в культурную сферу привносило такую же «лоскутность» взглядов и наличия либо отсутствия компромиссов. Дополняет понимание организации культурной жизни населения ДВР рассмотрение таких вопросов, как процесс комплектования библиотечных фондов и читательские интересы населения [5, 29], становление архивного дела Дальневосточной республики [16]. Исследователи также обращаются к изуче-

нию комплексов мероприятий культурно-просветительской работы в ДВР, направленных на определенную социальную группу, например, НРА [26, с. 129] или молодежь [4].

Значительное внимание в новейшей историографии уделяется проблеме развития системы образования в ДВР. К этой теме обращается С.Б. Белоглазова. Она отмечает реформирование школ Дальневосточной республики по советскому образцу и одновременно использование тактики лавирования между интересами трудящихся и частного капитала [8, с. 145]. Процесс развития системы образования изучался А.А. Жуковой и И.В. Романовой [15]. Они приходят к выводу: руководство ДВР стремилось к созданию и развитию системы высшего образования для подготовки профессиональных кадров. И.А. Сажина рассматривает процесс ликвидации безграмотности среди взрослого населения ДВР [32]. К этому же вопросу обращается А.И. Мороз [23]. Исследователи сходятся во мнении, что образовательно-просветительская работа в ДВР не была развернута в полной мере, главную сложность составляли недостаток ресурсов и существование внешнеполитической угрозы. Но уже настроенность местной власти на решение культурных и образовательных проблем говорит о том, что задачи буфера не исчерпывались решением военных и внешнеполитических вопросов.

В рамках изучения проблем устройства повседневной жизни ДВР сформировалась новая тематика исследований – проблемы здравоохранения и медицинского страхования. Этой темой занимались С.Ю. и У.В. Башкуевы [7]. Изучение сферы медицины и здравоохранения позволяет увидеть основные проблемы, осложнявшие координацию медико-санитарной деятельности: отсутствие единой эффективной структуры управления, наличие конкурирующих властных центров [7, с. 392]. Данные исследования вносят дополнительный элемент в раскрытие образа ДВР: власть в центре отводила ДВР преимущественно роль «геополитической подушки безопасности», но руководство ДВР не ограничивалось только исполнением этой роли, а прилагало значительные усилия для преодоления многочисленных вызовов существованию республики [7, с. 397]. Это говорит о неоднозначности трактовки образа ДВР в общественном дискурсе современников.

Исследователи постсоветского времени обращаются к теме преступности и борьбы с ней в Дальневосточной республике. Данный вопрос рассматривали Ц.С. Дондоков [12], А.С. Баранова [6], С.С. Пай [28]. Тенденции роста или падения преступности, ее виды, социальные группы, вовлеченные в преступную деятельность, становятся важным показателем для оценки проблем жизни общества ДВР.

Таким образом, обращение к темам повседневной, социальной и культурной истории позволяет воссоздать картину каждодневных проблем населения и действий власти, направленных на их регулирование. Как показывают исследовательские работы, в условиях Гражданской войны и интервенции найти исчерпывающее решение улучшения ситуации было затруднительно, но все актуальные проблемы жизнеустройства ДВР находили отклик власти, это позволяет уйти от оценки ДВР исключительно как объекта решения политических и военных задач Советской России и рассмотреть ее как государственное образование, в котором предпринимались конкретные меры для решения масштабного круга вопросов жизни общества.

Тематика ДВР начинает рассматриваться также и в рамках гендерной истории. Здесь можно отметить статьи А.И. Мороз и Д.А. Мирводы [24], А.А. Савчук [31]. Авторы раскрывают мероприятия органов власти ДВР по решению «женского вопроса» и реализации нового брачного законодательства в условиях консервативной специфики брачно-демографического поведения населения, сформированного в дореволюционные годы [31, с. 295]. Такие исследования позволяют выделить черты образа ДВР в восприятии современников в дискурсе обыденного и нормативного, консервативного и нового, в данном случае в контексте рассмотрения женского вопроса.

Историческая биография и персональная история стали в последние годы популярным направлением исследований. При этом изменяются принципы создания биографии: реконструируется объективная разносторонняя картина жизни, поднимается проблема самовосприя-

тия и самооценки личности, значительно увеличивается интерес к источникам личного происхождения, расширяется источниковая база, используются разные типы источников.

Применительно к ДВР биографические исследования основных ее деятелей являются частью процесса восстановления объективного взгляда на мотивы их деятельности. Так, образ А.М. Краснощекова, председателя Правительства Дальневосточной республики, подвергался в исторической науке корректировке, влиявшей и на восприятие образа ДВР в целом. В советской историографии сформировалось представление о Краснощекове как о «примиренце», «правом уклонисте», стремившемся превратить ДВР в самостоятельное буржуазно-демократическое государство [38, с. 165]. В новейшей историографии наблюдается тенденция пересмотра прежних негативных оценок образа этого исторического деятеля. В качестве примера приведем исследование Б.И. Мухачева, выбравшего нарративный жанр исторического рассказа, чтобы уделить внимание не только процессам, но и событиям жизни Краснощекова [25, с. 7].

В советской историографии рассмотрение ДВР как буфера стало своего рода клише описания, в новейшей историографии сохраняется следование этой традиции. В то же время можно отметить рост исследовательского интереса к анализу исторического опыта политики «буферизма». В стремлении осмыслить феномен буфера исследователи создают плюралистическую картину образа ДВР. Происходит переоценка утверждений об уникальности буфера Дальневосточной республики как продуманного проекта Ленина, в новейшей историографии проводятся параллели ДВР и Манчжоу-Го, предлагается мысль о буферизме как черте дальневосточной политики XX в. [35, с. 50], создание буферных автономий рассматривается как инструмент присутствия в регионе и решения поставленных задач [13, с. 63].

А.А. Азаренков анализирует практики организации региональной власти в Дальневосточном регионе в период революционной смуты. Он предлагает новый взгляд на степень реального влияния проекта центральной власти в жизни и организации ДВР, на идеи и практики создания буферной республики. Исследователь рассматривает Дальневосточную республику как результат политического кризиса и компромиссов. Так, он рассматривает события на Дальнем Востоке в период революции и гражданской войны в контексте их встроенности в общую логику российского системного кризиса – возрождения империи и закономерного регионального хаоса, последовавшего за распадом имперских управленческих структур [1, с. 178]. Исследователь опровергает идею абсолютного контроля Москвы за событиями в ДВР и развития последней по плану буферного строительства Ленина, он отмечает информационную разорванность Центра и Дальневосточного региона и приходит к выводу о практическом отсутствии координации с Москвой, следовательно ЦК РКП(б) могло давать указания общего характера, но не продвигать четкий проект буфера ДВР [1, с. 183]. А.А. Азаренков рассматривает Дальневосточную республику в контексте развития российского империализма, поэтому включение региона в состав Советской России для него закономерный шаг на пути к воссоединению разрозненных элементов Российской империи [1, с. 186].

В новейшей историографии продолжается рассмотрение исследовательских тем Дальневосточной республики, которые сложились еще в советский период. К ним относятся особенности политического строя, национальная политика, внешняя политика, законодательство ДВР, формирование и деятельность органов государственной власти, история НРА и борьба с интервенцией. Для подходов к этим исследовательским темам в постсоветский период характерно стремление к сохранению традиций и преемственности и в то же время поиск новых путей исследования. Можно отметить отход от широкой постановки проблемы к освещению отдельных ее аспектов.

В контексте изучения политических аспектов ДВР в постсоветской историографии исследователи обратились к рассмотрению вопроса, упоминавшегося, но подробно неисследованного в советский период – это вопрос взаимодействия партий в ДВР. К этой проблеме обращается в своей статье А.А. Азаренков, он характеризует образ ДВР как тактическую игру, прикрытую демократическими формами и политическими декларациями [2, с. 104] и рас-

смачивает вопрос о причинах проигранной партийной борьбы небольшевистских партий за подлинное народовластие ДВР, среди таковых исследователь отмечает оторванность от военно-политических реалий страны, ментальности населения, организационно-политическое бессилие [2, с. 99]. Таким образом, изучение проблемы взаимодействия партий, позволяет внести существенные дополнения в понимание образа ДВР и его альтернатив в рамках дискуссий о политическом режиме Дальневосточной республики.

Исследователи отмечают значительный возросший интерес к истории национальных движений и национальной политики Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и гражданской войны [37, с. 281]. Роль ДВР в решении национального вопроса в новейшей историографии исследуется достаточно разнонаправленно, что дополняет образ ДВР новыми сторонами осмысления. Преимущественно это работы, посвященные отдельным аспектам изучаемой проблемы. В статье Л.В. Кураса и Б.Г. Цыбенкова Дальневосточная республика рассматривается как «колыбель» Монгольской революции [17], статья Ю.Н. Ланцовой [18] посвящена политике Дальневосточной республики в отношении национальных меньшинств. Разнообразие рассматриваемых вопросов дает представление о многоаспектности национальной политики ДВР.

В новейшей отечественной историографии продолжилось изучение истории государственных институтов Дальневосточной республики. Фундаментально структура государственных институтов освещена в монографиях В. В. Сониной [33, 34]. В советский период основное внимание было сосредоточено на изучении правотворческих институтов и основных институтов исполнительной власти Дальневосточной республики, подробно аспекты деятельности министерств, судебных и контрольно-надзорных институтов ДВР не освещались. Сегодня можно наблюдать усиливающийся интерес к более подробному рассмотрению отдельных структурных элементов государственных институтов ДВР и особенностей их функционирования. Так, подробно рассматривается деятельность отдельных министерств: Министерства юстиции [21], Внешкольного отдела Министерства народного просвещения [22], Министерства по национальным делам [30]. Сравнительно недавно началось многостороннее изучение деятельности таможенной службы ДВР. Исследователи обращаются к рассмотрению таких вопросов, как история возникновения и основные направления деятельности таможенной службы [10], взаимодействие таможенных органов и полиции в борьбе с контрабандой [20], влияние опыта таможенного строительства советской России, решение кадровой проблемы [9].

Таким образом, более подробное рассмотрение причин создания, сложностей формирования и особенностей функционирования государственных институтов ДВР позволяет увидеть Дальневосточную республику как сложную реально функционирующую структуру. Независимо от цели создания, Дальневосточная республика не была фиктивным, абстрактным явлением, а включала в себя территорию с живущими на ней людьми и перед региональной властью постоянно возникали разнообразные проблемы, требующие государственного контроля и регулирования.

Итак, рассмотрение современной отечественной историографии Дальневосточной республики показало значительное расширение тематики исследований. Обновленная источниковая база, новые направления и методы, отказ от единой исследовательской парадигмы представляют значительные возможности для поиска и трактовки новых элементов образа Дальневосточной республики.

В исследованиях новейшей историографии можно наблюдать тенденцию к осмыслению Дальневосточной республики как определенного политического, социального, экономического, культурного пространства, в котором не только велись политические игры, но жили люди и осуществлялась организация их жизни, решались реальные и многообразные задачи. Исследователи стремятся к детализации этого пространства, пониманию его внутренней структуры. Конструируемый образ ДВР становится более многогранным и сложным.

Исследовательская проблематика Дальневосточной республики еще далеко не исчерпана. Остается актуальным изучение государственных институтов, взаимодействия политических партий, сущности буфера, природы государственного строя, восприятия ДВР в зарубежной историографии.

Работа в рамках новых исследовательских направлений: истории памяти, истории ментальности, истории повседневности и т.д. дает возможность осмысления образа ДВР в новых смысловых контекстах.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Азаренков А.А. Дальневосточная республика как периферийная модель преодоления системного кризиса традиционной империи // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 гг.): сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. – 2019. – С. 178-186.
2. Азаренков А.А. Демократические доктринеры и идея Дальневосточного государства - «буфера» в конце 1919 – начале 1920 г.: шанс на политическое выживание? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2009. – №1. – С. 99-107. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18780870> (Дата обращения: 25.04.2021)
3. Азаренков А.А. Дискуссия о политическом режиме Дальневосточной республики (1920–1922) в советской историографии // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: программа и тезисы докладов и научных сообщений второй международной научной конференции, посвященной 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции, 25-27 октября 2012 г. – 2012. – С. 62-65.
4. Бабкина Е.С. Молодежная коммунистическая печать Дальнего Востока периода Дальневосточной республики (из неопубликованного наследия отечественной журналистики) // Ученые заметки ТОГУ. – 2016. – Т. 7. № 4-1. – С. 341-349.
5. Бадлаева Т.В. Библиотечное дело Прибайкалья в условиях Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 43-46.
6. Баранова А.С. Бандитизм и меры борьбы с ним в Дальневосточной республике // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 6 (109). – С. 79-80.
7. Башкуев В.Ю., Башкуева У.В. Проблемы здравоохранения Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2015. – С. 391-398. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23522039> (Дата обращения: 28.04.2021).
8. Белоглазова С.Б. Руководство сферой просвещения в период Дальневосточной республики // Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке России: причины, особенности, участники: сборник материалов международной научной конференции. – 2018. – С. 137-146. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36962884> (Дата обращения: 28.04.2021).
9. Беляева Н.А. Управление таможенных сборов Дальневосточной республики // Россия и АТР. – 2020. – № 2 (108) – С. 80-91. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43030146> (Дата обращения: 25.04.2021).
10. Беляева Н.А., Ляпустин С.Н., Лаврик Л.А. Таможенное дело в Дальневосточной республике. – Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2018. – 116 с.
11. Волочаева А.В. Преступность в ДВР и борьба с ней в современной историографии // ДВР и завершающий этап Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 56-61.

12. Дондоков Ц.С. Безопасность граждан и организованная преступность в Дальневосточной республике: 20-ые годы XX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 35-39.
13. Дудин П.Н. Буферные государства как инструмент обеспечения стратегического присутствия в регионе Восточной Азии: советский и японский опыт // Вестник Московского университета. Серия 12: политические науки. – 2018. – № 6. – С. 50-65. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39576542>(Дата обращения: 25.04.2021)
14. Ермакова Э.В. Советская историография Дальневосточной республики // Из истории Дальневосточной республики. – 1992. – С. 8-29.
15. Жукова А.А., Романова И.В. Политика высшего образования в Дальневосточной республике // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2018. – Т.24 №3 – С. 72-76. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35081048>(Дата обращения: 28.04.2021).
16. Костанов А.И. Архивы и архивное дело в Дальневосточной республике (1920–1922 гг.) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. – 2009. – № 1 (8) – С. 77-90. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27339660>(Дата обращения: 28.04.2021).
17. Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» монгольской революции // Россия и АТР. – 2021. – № 1 (111) – С. 194-208. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44859322> (Дата обращения: 25.04.2021).
18. Ланцова Ю.Н. Национальная политика Дальневосточной республики по отношению к китайским и корейским рабочим // ДВР и завершающий этап Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 69-71.
19. Лесовиченко А.М. Некоторые аспекты музыкальной культуры Дальневосточной республики // Музыкальное искусство и культура: наблюдения, анализ, рекомендации. – 1996. – С. 71-87.
20. Ляпустин С.Н. Об истории взаимодействия таможенных органов с полицией в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке России // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 2 – С. 99-104. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26622596>(Дата обращения: 25.04.2021).
21. Макаров А.В., Дондоков Ц.С. Министерство юстиции – орган исполнительной власти Дальневосточной республики // Миграционное право. – 2006. – № 2. – С. 43-48.
22. Мороз А.И. Деятельность Внешкольного отдела Министерства народного просвещения ДВР (1920–1922 гг.) // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 4 – С. 47-54.
23. Мороз А.И. Советская образовательная политика в отношении взрослого населения и ее реализация в Восточном Забайкалье в условиях ДВР (1920–1922 гг.) // Октябрьская революция 1917 года в России и ее роль в мировой истории: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Великой Октябрьской революции. – 2017. – С. 247-255.
24. Мороз А.И., Мировода Д.А. «Женский вопрос» в восточном Забайкалье в 1920-е гг. (по материалам ГАЗК) // Региональная история: методология, источники, историография: сборник научных трудов третьих Международных Усмановских чтений. – 2016. – С. 83-85.
25. Мухачев Б.И. Александр Краснощеков: Историко-библиографический очерк. – Владивосток: ДВО РАН, 1999. – 284 с.
26. Мясникова Г.В. Пропаганда и культурно-просветительская работа в народно-революционной армии ДВР // ДВР и завершающий этап Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: материалы Всероссийской научно-практической конференции. –

2020. – С. 126-129. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44781441> (Дата обращения: 28.04.2021).
27. Осипова Э.В. Театральная жизнь Дальневосточной республики // Россия и АТР. – 2006. – № 1 (51). – С. 48-55. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9482393> (Дата обращения: 28.04.2021).
28. Пай С.С. Решение проблемы беженства, беспризорности и безнадзорности детей в Приморской области в 1917–1922 гг. // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы Второй Международной научной конференции. – 2012. – С. 149-154.
29. Пряженникова М.В. Формирование библиотечной сети Забайкалья в начальный период Дальневосточной республики (1921 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – №3-1 (9). – С. 155-157. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17010827> (Дата обращения: 28.04.2021).
30. Раднаева С.Б. Органы государственной власти Дальневосточной республики: Министерство по национальным делам // Сибирь в годы Великой российской революции: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции). – 2017. – С. 293-298. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30574070> (Дата обращения: 25.04.2021).
31. Савчук А.А. Брачное законодательство в Дальневосточной республике и его реализация // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы Второй Международной научной конференции. – 2012. – С. 155-158.
32. Сажина А.И. Ликвидация неграмотности в Забайкалье в период Дальневосточной республики // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – №10 (89). – С. 12-16. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18042430> (Дата обращения: 28.04.2021).
33. Сонин В.В. Государство и право Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 294 с.
34. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. – 352 с.
35. Суходолов А.П., Лебедева А.В. ДВР и Маньчжоу-Го: исторические параллели // Российско-китайские исследования. – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 40-53.
36. Урмаева К.А. Эволюция теоретико-методологических основ российской историографии на рубеже XX – XXI вв. // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – №3 – С. 83-88. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-teoretiko-metodologicheskikh-osnov-rossiyskoy-istoriografii-na-rubezhe-xx-xxi-vv/viewer> (Дата обращения: 28.04.2021).
37. Хромов Е.А. Основные тенденции историографии истории Азиатской России в середине 1990-х – 2010 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. – 2011. – С. 277-285. [Электронный ресурс]. URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/1VNMK/039_Khromov.pdf (Дата обращения: 25.04.2021).
38. Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика: была ли альтернатива? (некоторые вопросы историографии) // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 162-176.
-

Токмаков Валерий Сергеевич, канд. ист. наук, старший преподаватель
Кафедра философии, истории Отечества и иностранных языков
ФГБОУ ВО Амурская ГМА Министерства здравоохранения РФ (Благовещенск)
tokmakov_valeriyy@rambler.ru

СУДЬБЫ ЖЕНЩИН-КАЗАЧЕК В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

УДК 947. (571.6)
DOI 10.48344/BSPU.2021.22.38.023

Аннотация. В статье рассматриваются исторические судьбы женщин-казачек в дальневосточной эмиграции. Женщины-казачки занимались ведением хозяйства, обустройством домашнего быта, воспитанием и образованием детей, представляли интересы своих мужей, участвовали в общественной жизни войск. Они также передавали историческую память о казачестве подрастающим поколениям. В эмиграции женщины-казачки были заняты на многих работах, но зарабатывали, как правило, меньше мужчин. Интенсивно адаптируясь к новым условиям обитания, они продолжали воспитывать детей в казачьем духе.

Ключевые слова и фразы: женщины-казачки, исторические судьбы, ролевые функции, гендерная история.

Valeriyy Tokmakov, Cand. Sc. In History, Lecturer
Department of Philosophy, History of Russia and Foreign Languages
Amur State Medical Academy (Blagoveshchensk)
tokmakov_valeriyy@rambler.ru

FATES COSSACK WOMEN IN FAR EASTERN EMIGRATION

Abstract. The article reviews historical fates of Cossack women in far eastern emigration. Cossack women did housework, set up homes, brought up and educated children, represented interests of their husbands, participated in social affairs of the forces. They also handed down historical memory of the Cossacks to younger generations. In emigration Cossacks women were busy at many jobs, but, as a rule, they earned less than men. Adapting intensively to new living conditions, they continued to bring up their children in Cossack-style.

Key words and phrases: women of the Cossacks, historical fates, role functions, gender history.

После революционных событий и батальей Гражданской войны многие казачьи семьи зачастую в полном составе эмигрировали в Маньчжурию, где рождались новые представители войскового сословия, не имевшие прямого отношения к казачьей службе. Чаше сюда бежали представители Забайкальского (ЗКВ), Амурского (АКВ) и Уссурийского (УКВ), а также Сибирского, Оренбургского и других казачьих войск страны.

Вопросам возникновения, развития и гибели сообществ дальневосточной ветви российской эмиграции посвящено не мало монографических работ и статей в ведущих рецензируемых изданиях [1; 2; 3], в т. ч. по казачьей проблематике [22; 23; 24]. Биографические справочники, посвященные персоналиям дальневосточных офицеров, в т. ч. казачьих, содержат ценные сведения по составам семей [4; 21].

Коллективный, персонифицированный портрет эмигрантской части казачества будет не полон, без освещения судеб женщин и детей офицеров и рядовых войскового сословия, оказавшихся на чужбине. В его составлении главный упор мы делаем на неопубликованные архивные документы, также на материалы персональных анкет.

Способность к адаптации в условиях чужеродной среды у женщин-казачек была не меньше, а зачастую выше чем у казаков-мужчин. Исконно концентрировав усилия на обустройстве быта, ведении домашнего хозяйства, воспитании и образовании детей, казачки и в эмиграции были заняты на многих работах, воспитывали подрастающие поколения в казачьем духе, продолжали оставаться главными носителями сословных традиций и культуры.

Нередко встречались вдовы казаков, вторично выходявшие замуж, в т. ч. за лиц не войскового сословия. Так, Александра Ильинична Бирюкова, вдова убитого большевиками в 1919 г. полковника УКВ А.М. Бирюкова, проживая в Харбине, имела гражданского мужа, мещанина М.И. Олесова [6, Л. 1 об.]. Уроженка станицы Гродеково УКВ Таисия Захаровна Бирюкова в эмиграции вышла замуж за крестьянина Омской губернии И.А. Васильева [7, ЛЛ. 1, 4]. Дети от этих браков, не зная традиционного казачьего быта и службы, не могут быть в полной мере отнесены к войсковому сословию.

Типична судьба девушки казачьего происхождения Евгении Михайловны Номоконовой и ее семьи. Она родилась в 1925 г. в Маньчжурии. Ее отец, во время конфликта на КВЖД в 1929 г. был увезен в СССР и там погиб. Мать уехала вместе с дочерью в г. Харбин, вторично вышла замуж за Д.П. Кима [18, Л. 7].

Не выходявшие вторично замуж казачки влачили жалкое существование, трудились изо всех сил, чтобы прокормить себя и детей. Так, родившаяся в 1908 г. в зажиточной Екатерино-Никольской станице Степанида Павловна Лалетина, вдова, имевшая двоих сыновей на содержании, работала уборщицей. Также она в гимназии им. Ф.М. Достоевского в Харбине готовила завтраки для учеников [17, ЛЛ. 1, 4].

Анкеты бездетных казачек редко встречаются в фондах Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ). Данный факт лишний раз подчеркивает большую социальную нагрузку, которая легла на женские плечи эмигранток, оставшихся без средств к существованию, нередко даже без супругов. Мужья их часто погибали или пропадали без вести, при различных обстоятельствах в годы Гражданской войны и после ее завершения: в боях, при переходе границы, попадая в плен и т. д.

Часто имели место многодетные семьи, создававшиеся как до революции, так и в эмиграции. Елена Михайловна Гантимурова, родившаяся 29 августа 1917 г. в Дуроевской станице ЗКВ, родила четырех детей в 1938-1943 гг. (Сергей, Параскева, Анзанина, Людмила). Муж – Ф.П. Гантимуров из той же станицы [13, Л. 5]. Ее землячка, Анфия Николаевна Гантимурова-Деревцова, родилась 15 декабря 1912 г. в Забайкальской области, уехала в Маньчжурию вместе с отцом – Н.И. Гантимуровым. В феврале 1941 г. она вышла замуж за казака Трехреченской станицы – Анфира Хрисаифовича Деревцова. Жила в Хайларе, портниха по профессии [12, ЛЛ. 1-1 об.].

Полные семьи потомственных казаков находились в лучшем положении, нежели вдовы с детьми или одинокие казачки. Но им также приходилось с большим трудом, в более сложных условиях чем на родной земле, выстраивать сносный быт.

Супруга М.И. Верхотурова – Василиса Ивановна Верхотурова – родилась в Верхне-Благовещенском поселке в 1889 г., жила при родителях, а затем с мужем. До революционных событий у них родилось двое детей: Александр 1912 г.р., Клавдия 1914 г.р. За дочерью в Маньчжурии числилась значительная часть семейного хозяйства: дом, три лошади и четыре коровы [9, ЛЛ. 1,5; 11, Л. 1 об.].

Ольга Яковлевна Лалетина – жена Семена Иннокентьевича Лалетина – до 1927 г. жила с родителями в дер. Тамбуки Амурской области, затем в эмиграции на иждивении супруга. Дочь Лалетиных – Галина, в 14 лет служила в конторе на копиях, у нее была родная сестра и приемный брат [16, ЛЛ. 1-1 об.; 14, Л. 4].

Сестры Зинаида и Вера Тонких родились в Маньчжурии в 1919 и 1924 гг. Их отец – Семен Васильевич служил в станице Ломовской ЗКВ, Благовещенске, Гродековской станице УКВ, прибыл в Китай с отрядом атамана Семенова. Зинаида в 14 лет оставила обучение в гимназии из-за финансовых трудностей. Вера закончила лишь поселковую школу, с 15 лет

служила в магазине «Маруся». Обе владели японским и маньчжурским языками. Родившись в иной культурной среде, сестры показывают пример удачного приспособления к ней [20, ЛЛ. 14, 18, 24].

Портниха по профессии, уроженка г. Владивостока Евгения Степановна Верхотурова в 1917 г. вышла замуж за С.П. Верхотурова, служившего в Войсковом правлении УКВ. В 1929-1932 гг. она жила с мужем-слесарем на Мулинских копиях, сама работала сторожем на ст. Мулин. Имела советский паспорт, но отказалась от гражданства СССР, выбрав эмигрантское состояние [10, ЛЛ. 8, 20].

Мужчины также женились на представительницах не войскового сословия. Например, забайкальский казак И.М. Номоконов женился на уроженке Харбина – Лидии Марковне Втюриной, 1909 г.р., работавшей зубным врачом [19, ЛЛ. 1, 8].

В эмиграции материальное положение женщин было хуже, чем у мужчин. Их заработки, как правило, составляли от 20 до 40 гоби в месяц, доходили до 80 и 100, но встречались доходы и в 15 гоби. Основные профессии, которыми владели казачки – портниха, машинистка, уборщица, продавщица. Жена Ильи Григорьевича Вертопрахова Людмила Геннадьевна Вертопрахова была сестрой милосердия, работала в мебельной мастерской, служила в кино-театре «Азия». Она указывала жалование в 100 гоби, при этом семья снимала двухкомнатную квартиру за 60 гоби в месяц [8, ЛЛ. 5-7]. Работавшие в качестве домашней прислуги казачки располагали наименьшими доходами.

Испытывавшие сильную нужду, женщины, в графе, посвященной месту настоящей работы, часто указывали, что являются безработными, занимаются домашним хозяйством, находятся на иждивении мужа либо старшего брата. БРЭМ рекомендовал не занятых эмигранток к поступлению на службу или работу. В анкете амурской казачки Марии Иосифовны Лалетиной была указана специальность – «рабочая», затем написано – «занималась домашним хозяйством» [15, Л. 1].

Казачки-эмигрантки были вовлечены в общественную жизнь. Они вместе с детьми включались в состав станиц, при которых также имелись дамские кружки. При Амурской казачьей станице в Харбине, например, дамский кружок активно занимался благотворительностью, образовательной, издательской деятельностью [24, С. 26]. При Уссурийской казачьей станице, таковой работал под председательством П.И. Кореневой [5, Л. 2 об.].

Несмотря на трудолюбие, умение приспосабливаться к тяжелым условиям быта и непривычной обстановке, женщины, оторванные от патриархального станичного быта, проживая в городах, не были в равных условиях с мужской частью эмигрантского сообщества. Вопреки всем усилиям, потомственные казачки и в первом поколении не смогли воспрепятствовать постепенному размыванию и исчезновению казачьих сообществ на чужбине.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (1-я половина XX в.) – М.: Русская панорама, 2005. – 432 с.
2. Аргудяева Ю.В. Русское население в Трехречье // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 121-134.
3. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920-1950). – Хабаровск, «Частная коллекция», 2008. – 268 с.
4. Верой и правдой служа Отечеству: офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851-1920-е гг./В.Н. Абеленцев и др. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2018. - 768 с.
5. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 829. Оп. 1. Д. 18.
6. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 4498.
7. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 4509.
8. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 7611.

9. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 7634.
10. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 7635.
11. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 7637.
12. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 9574.
13. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 9584.
14. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 26201.
15. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 26205.
16. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 26208.
17. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 26209.
18. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 34068.
19. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 34069.
20. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 3. Д. 47628.
21. Господа офицеры...: командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области, 1854-1922: биографический справочник / В.Н. Абе-ленцев, А.А. Гаршин; под ред. А.В. Телюка. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2016. – 480 с.
22. Коваленко А.И. Токмаков В.С. Судьбы дальневосточных казаков: штрихи к коллективному портрету // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 2. – С. 118-125.
23. Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920-1945). – Омск: изд-во ОмГАУ, 2006. – 436 с.
24. Пушкарев В.А. Амурские казаки в Китае: опыт сохранения традиций (1918-1945). // Россия и АТР. – 2013. – № 3. – С. 17-29.

Фургалев Иван Михайлович, аспирант 3-го года обучения
Кафедра отечественной истории XX – XXI вв.
Институт истории и международных отношений
Южный Федеральный университет (Ростов-на-Дону)
furgalevivan@mail.ru

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ РСДРП И ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА

УДК 94

DOI 10.48344/BSPU.2021.43.20.024

***Аннотация.** Данная статья посвящена малоизученному в отечественной и зарубежной историографии вопросу взаимоотношений Заграничной Делегации РСДРП и Дальневосточной Республики в 1921 – 1922 гг. Автором изучены основные взгляды меньшевиков в эмиграции на возможное государственно-политическое устройство Дальнего Востока в условиях угрозы японской агрессии и слабой развитости региона. Дается анализ взглядов членов ЗД РСДРП на идею формирования «демократического буфера» на Дальнем Востоке, на участие меньшевиков в работе коалиционного правительства Дальневосточной Республики и на внешне-политический курс советской власти на Дальнем Востоке. Также в статье изучена позиция Заграничной Делегации по вопросам экономического развития ДВР, в особенности концессионной политики советской власти на Дальнем Востоке. В заключение автором демонстрируется, что несмотря на то, что сама концепция независимого демократического государства на Дальнем Востоке представлялась меньшевикам логичной, ее практическая реализация большевиками, по их мнению, была неудовлетворительной и способствовала лишь усилению позиций Японии на Дальнем Востоке.*

***Ключевые слова и фразы:** Заграничная Делегация, РСДРП, Дальневосточная Республика (ДВР), меньшевики, Дальний Восток, большевики, Социалистический Вестник.*

Ivan Furgaley, 3rd year postgraduate student
Department of Russian History XX – XXI centuries
Institute of History and International Relations
South Federal University (Rostov-on-Don)
furgalevivan@mail.ru

FOREIGN DELEGATION OF THE RSDLP AND THE FAR EAST REPUBLIC

***Abstract.** This article is devoted to the question of the relationship between the Foreign Delegation of the RSDLP and the Far Eastern Republic in 1921 - 1922, little studied in domestic and foreign historiography. The author studied the main views of the Mensheviks in exile on the possible state and political structure of the Far East in the face of the threat of Japanese aggression and the underdevelopment of the region. The article analyzes the views of members of the ZD RSDLP on the idea of forming a «democratic buffer» in the Far East, on the participation of Mensheviks in the work of the coalition government of the Far Eastern Republic and on the foreign policy of the Soviet government in the Far East. The article also examines the position of the Foreign Delegation on the economic development of the FER, in particular the concession policy of the Soviet government in the Far East. In conclusion, the author demonstrates that despite the fact that the very concept of an independent democratic state in the Far East seemed logical to the Mensheviks, its practical implementation by the Bolsheviks, in their opinion, was unsatisfactory and only contributed to the strengthening of Japan's position in the Far East*

Key words and phrases: *Foreign Delegation, RSDLP, Far Eastern Republic (FER), Mensheviks, Far East, Bolsheviks, Socialist Bulletin.*

Несмотря на свое непродолжительное существование, Дальневосточная Республика по-прежнему вызывает живой интерес со стороны исследователей Гражданской войны на Дальнем Востоке России. И одним из наименее изученных аспектов истории ДВР остается взгляд меньшевиков на формирование данного государства и на участие в работе его правительственных органов. Особенно справедливо данное утверждение в отношении Заграничной Делегации РСДРП – организации, представлявшей партию меньшевиков за рубежом, а вскоре взявшей на себя функции центрального органа партии. Между тем, члены Заграничной Делегации РСДРП уделяли немало внимания вопросам дальнейшего развития российского Дальнего Востока и новому государственному образованию, возникшему в его пределах.

На начальном этапе формирования Дальневосточной Республики меньшевики активно поддерживали идею создания «демократического буфера» на Дальнем Востоке. Они сыграли заметную роль в свержении правительства Колчака и наряду с эсерами были значимой политической силой в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, которую большевики не могли игнорировать. Стоит отметить, что данная идея не была новой для меньшевиков, и во многом отражала уже существовавшую в их рядах идею укрепления демократии на местах «в частях бывшей Российской империи» [8, с. 145]. Дальний Восток теперь представлялся им оптимальным регионом для формирования демократической республики с их участием в правительстве.

Такая демократическая республика, согласно позиции Ю.О. Мартова и Ф.И. Дана, будущих лидеров Заграничной Делегации РСДРП, должна была решить несколько ключевых задач. В первую очередь, она бы облегчила прорыв дипломатической блокады Советской России и заключение мирных и торговых договоров, на необходимости которых меньшевики последовательно настаивали. Во-вторых, такой «демократический буфер» позволил бы сохранить за Россией Дальний Восток без прямого конфликта с Японией, имевшей собственные интересы в регионе.

Вместе с тем процесс формирования ДВР изначально пошел по пути, расходившемуся с представлениями меньшевиков. Уже на начальном этапе существования ДВР советское правительство ясно дало понять, что ее независимость от Советской России является лишь формальностью, а ее включение в состав последней – делом времени. Это прямо противоречило позиции меньшевиков, которые полагали, что свою роль «демократического буфера» ДВР могла исполнить лишь при условии полной независимости от Советской России и формировании в ней подлинной демократии [19, р. 138].

Несмотря на все вышеназванные факторы, интерес меньшевиков к Дальневосточной Республике, как, к примеру вовлеченности большевиков в коалицию со своими политическими оппонентами сохранился. Именно в таком ключе рассматривал ДВР первый председатель Заграничной Делегации, Ю.О. Мартов. Обращаясь к съезду Независимой Социалистической Партии Германии 15 октября 1920 года Мартов, вопрошал: «Знают ли, например, немецкие и другие коммунисты, что их русские братья признают на Востоке иногда и ту коалиционную политику, которой они объявляют такую беспощадную критику на Западе? А между тем это имеет место вот уже несколько месяцев в так называемой Дальневосточной Сибирской республике <...> управляемой на основе всеобщего избирательного права...» [8, С. 705]. Кроме того, как и эсеры, большинство меньшевиков полагали, что защита российских территорий от иностранной интервенции (в данном случае, Японии) важнее их собственных разногласий с большевиками, поэтому они продолжили участие в работе Учредительного собрания ДВР [20, р. 302-303].

Заграничная Делегация РСДРП, сформированная в 1921 году вокруг редакции Социалистического Вестника, несмотря на все трудности в своей работе, продолжила отслеживать внутренние процессы, происходившие внутри Дальневосточной Республики, новости о которой выходили в постоянной рубрике «Из России». В частности, в заметке о выборах в Учре-

дительное собрание Республики (март 1921 г.) отмечалось, что в большинстве городов ДВР (за исключением Владивостока) коммунисты оказались в меньшинстве. В то же время, указывалось и на то, что в сельской местности и в армии большевики активно стремились воспрепятствовать вхождению меньшевиков в состав Советов и проведенная в этой сфере работа была признана на страницах журнала неудовлетворительной [14, с. 15-16].

В то время как участие меньшевиков в коалиционном правительстве оценивалось в целом положительно, вооруженные силы ДВР, в которых особенно активно проходил процесс очищения от меньшевиков и реформирования по советскому образцу, стали объектом критики со стороны Заграничной Делегации. Отмечалось полное отделение рядовых солдат армии от командиров, а ее кадровый состав характеризовался Заграничной Делегацией как «отбросы», направленные в регион по воле большевиков. Для исправления сложившейся ситуации лидеры ЗД предлагали провести реформирование армии и комплектовать ее по принципу территориальной милиции, что, по их мнению, должно было обеспечить максимальную защиту территории и населения Республики в условиях все более возрастающей угрозы войны с Японией. В целом меньшевиками высказывалось мнение, что в случае, если советской властью не будут предприняты решительные шаги по исправлению сложившейся ситуации, то Дальний Восток может быть потерян для России на длительное время [15, с. 16].

Данная критика сигнализировала существенный поворот в оценке меньшевиками Дальневосточной Республики. Если на первоначальном этапе ее существования меньшевики рассматривали ДВР как потенциальную возможность на практике реализовать свои политические проекты по созданию демократической республики, то теперь, в свете все большей советизации региона, члены Заграничной Делегации опасались что их партия, как и в европейской части России подвергнется политическим преследованиям и фактически перейдет на нелегальное положение. Более того, они полагали, что все более усиливающаяся советизация ДВР приведет к тому, что она не выполнит свою первоначальную роль «демократического буфера» и не сможет остановить японскую экспансию на Дальнем Востоке. Эти опасения в полной мере подтверждались и содержанием записки для Политбюро РКП(б) Г.В. Чичерина (составленной 17 октября 1921 г.), в которой указывалось на то, что роль ДВР как фиктивного государства не подлежит сомнению и предоставление ей подлинной независимости лишь «сыграет на руку тамошним меньшевикам и эсерам» [12, с. 197].

Говоря об ошибочности внешнеполитического курса большевиков на Дальнем Востоке в Заграничной Делегации, указывали на то, что Советская Россия не была даже приглашена на Вашингтонскую конференцию, на которой решались вопросы, напрямую затрагивающие ее интересы в регионе. В своей статье «Вашингтонская конференция» Ю.О. Мартов отмечал, что это стало закономерным итогом внешней политики советской власти на Дальнем Востоке и теперь уступки Японии со стороны США и Великобритании будут сделаны именно за счет России. По его мнению, в начале 1920-го года большевики оказались в практически идеальной внешнеполитической позиции, успешно разгромив силы контрреволюции и приблизившись к дипломатическому признанию своего правительства на международном уровне. Верным шагом он считал и формирование ДВР, указав на то, что этот малоразвитый и разоренный войной регион нуждался в подлинно независимом, демократическом развитии. Однако, как отметил Мартов, большевики фактически превратили ДВР в «московскую сатрапию» лишив ее даже призрака независимости и оттолкнув тем самым от себя капиталистические державы, имевшие интересы в регионе и способные стать противовесом Японии. Подводя промежуточный итог политики большевиков на Дальнем Востоке Мартов резюмировал, что на данный момент она лишь значительно облегчила Японии усиление своих позиций на Дальнем Востоке и создала благоприятную почву для деятельности белого движения. Исправить сложившуюся ситуацию, по его мнению, можно было лишь путем подлинной демократизации и независимости ДВР от Москвы, что должно было включать и создание в Республике народной милиции, не подчиненной большевикам [5, с. 8].

Еще более очевидным признаком провала советской внешней политики на Дальнем Востоке в Заграничной Делегации считали события связанные с Дайрэнской конференцией, где, по утверждению Мартова, советская делегация пошла на серьезные уступки Японии. В то же время, ситуация, сложившаяся вокруг ДВР, была использована Заграничной Делегацией РСДРП и для критики либеральной части русской эмиграции, которая по мнению лидеров Делегации скрытно поддерживала белогвардейское правительство Приамурского земского края (т.н. «черного буфера») и тем самым играла на руку интересам Японии, откладывая установление окончательного мира на Дальнем Востоке [7, с. 11]. Вместе с тем, Мартов подчеркивал, что именно антидемократическая политика советской власти в ДВР, которая не стала подлинно демократическим государством, позволила сторонникам белого движения во Владивостоке осуществить антибольшевистский переворот и поставить ДВР под угрозу уничтожения [7, с. 11].

Отдельного рассмотрения заслуживает анализ Заграничной Делегацией РСДРП экономической политики ДВР. Здесь ключевыми предметами анализа стали концессионная политика и процесс национализации. Курс советской власти и правительства ДВР на заключение концессионных договоров в целом положительно оценивался Заграничной Делегацией, так как по мнению ее членов приток иностранного капитала являлся важным условием восстановления народного хозяйства, разрушенного в годы Гражданской войны. При этом сам курс на концессионную политику, по их мнению, отражал кризис большевизма, поскольку, пойдя на привлечение иностранного капитала В.И. Ленин и его товарищи по партии признавали несостоятельность политики «военного коммунизма» [11, с. 6]. Признавая необходимость предоставления концессий иностранным предпринимателям, члены ЗД, однако, указывали на то, что они не должны привести к экономической интервенции Дальнего Востока, а также на недопустимость принудительного привлечения российских рабочих к труду на концессионных предприятиях [13, с. 7-8].

Решительный протест со стороны Заграничной Делегации РСДРП вызвал и курс большевиков на национализацию промышленности ДВР. В этом вопросе меньшевики указывали на чрезвычайную экономическую отсталость региона, гораздо большую по сравнению с более индустриализированной Европейской частью России (где данная политика также систематически критиковалась меньшевиками). Единственным исключением, где национализация допустима в рамках ДВР в Заграничной Делегации считали каменноугольную промышленность [15, с. 16]. В остальных секторах экономики, полагали меньшевики, следовало сохранить частную собственность. Кроме того, Заграничная Делегация РСДРП одобряла политику ДВР в сфере финансов и таможенных тарифов, которая была направлена на привлечение ввоза средств производства и на установление дополнительных пошлин на вывоз сырья [3, с. 24-25]. Указанные таможенные тарифы, принятые при непосредственном участии меньшевика Б.А. Косминского (министра финансов ДВР), рассматривались Заграничной Делегацией РСДРП как один из важнейших успехов партии в регионе и как один из немногих положительных векторов развития ДВР [15, с. 16].

Таким образом, на страницах печати лидеры Заграничной Делегации РСДРП перешли к решительной критике курса развития Дальневосточной Республики, осуждая ее советизацию. В то же время, меньшевики продолжили участие в работе правительственных органов ДВР, и эта деятельность продолжала освещаться на страницах «Социалистического Вестника», позиционируясь как одна из главных причин по которой еще не наступил окончательный крах ДВР. При этом, несмотря на решительную критику, которой на страницах «Вестника» подвергалась партия эсеров, меньшевики и на уровне Заграничной Делегации и в особенности на местном уровне были готовы к сотрудничеству с ними в рамках работы Учредительного собрания Дальневосточной Республики [4, с. 12]. Кроме того, меньшевиками предпринимались попытки организовать на территории ДВР и работу собственных органов печати. Помимо местной меньшевистской газеты «Волна» была предпринята попытка организовать реализацию на Дальнем Востоке и самого «Социалистического Вестника» о чем свиде-

тельствует одно из объявлений в сегменте рекламы, представленное на заключительной странице номера вышедшего в печать в сентябре 1922 года. Согласно объявлению, реализацию журнала планировалось осуществлять в Харбине через частное лицо (таковым указан Р. Васильев, проживавший на Диагональной улице) [18, с. 17]. Впрочем, при анализе данных о поступлениях в кассу журнала от продаж (приводившихся в конце каждого номера) нам не удалось отследить поступлений из данного источника и в дальнейших номерах данное объявление не дублировалось, что может свидетельствовать о неудаче данной попытки. Тем не менее, данный аспект деятельности Заграничной Делегации на Дальнем Востоке заслуживает дальнейшего и более детального изучения.

Что же касается работы меньшевиков в Учредительном собрании ДВР то несмотря на все их попытки сохранить коалиционный состав правительства им это не удалось. Последний год существования ДВР был отмечен регулярными арестами меньшевиков и закрытием их печатных органов, о чем Заграничная Делегация так же сообщала на страницах печати, призывая к сохранению коалиционного правительства и к поддержке Дальневосточного отделения РСДРП [17, с. 15]. Однако данные призывы не возымели эффекта и вместе с эвакуацией японских войск из Владивостока ДВР прекратила свое существование войдя в состав РСФСР. Анализируя результаты данного решения Ю.О. Мартов в рамках своей статьи о Лозаннской конференции указывал на то, что насильственная советизация Дальнего Востока стала одним из многих факторов, отразивших непоследовательность советской внешней политики, которая с одной стороны строилась на призывах к отказу от тайных соглашений и захватнических войн, но с другой сама допускала шаги, характерные для капиталистических государств [6, с. 2].

Подводя итоги деятельности Заграничной Делегации РСДРП по направлению Дальневосточной Республики, можно резюмировать, что меньшевики осознанно пошли на формирование коалиционного правительства с большевиками и эсерами, рассчитывая на формирование на Дальнем Востоке демократической и независимой от Советской России республики. Однако их собственных сил оказалось недостаточно для того, чтобы противостоять советизации ДВР. При этом опыт ее существования был позднее использован большевиками в целях собственной пропаганды для демонстрации неэффективности меньшевистского проекта демократической республики. Наиболее характерным примером такой пропаганды можно считать статью «Итоги прожитого», вышедшую в газете «Правда» под авторством меньшевика И.И. Ахматова, входившего в состав Учредительного собрания ДВР, а затем арестованного ГПУ (вскоре после этого объявил о выходе из РСДРП). В данной статье вина за тяжелое положение в ДВР полностью возлагается на меньшевиков и эсеров, которые получив власть не смогли эффективно ее использовать [2, с. 2-3].

Оценивая внешнеполитический аспект образования ДВР, лидеры Заграничной Делегации поначалу также являлись ее сторонниками, однако эта поддержка вскоре сменилась на жесткую критику всей концепции на основании отсутствия фактической независимости Дальневосточной Республики от Советской России. Такое положение дел, по их мнению, могло способствовать лишь усилению на Дальнем Востоке белогвардейцев и иностранных держав, в особенности Японии. С одной стороны, Заграничной Делегации удалось предугадать, что принудительная советизация ДВР оттолкнет часть населения от большевиков и усилит позиции белогвардейцев (как произошло в результате белогвардейского переворота в Приморье). В то же время, Заграничная Делегация РСДРП явно недооценила степень противоречий между Японией и другими крупными державами на Дальнем Востоке и способности советской дипломатии использовать данные противоречия в своих интересах.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Анисимов А.Л., Потоцкая Л.В. Финансовые органы на Дальнем Востоке России в 1920 – 1922 гг. // Россия и АТР. – 2005. – № 1 – С. 143-149.

2. Ахматов И.И. Итоги прожитого (от социал-демократии к коммунизму) // Правда. – 1924. – № 167 – С. 2-3.
3. Беляева Н.А., Лаврик Л.А., Ляпустин С.Н. // Таможенное дело в Дальневосточной Республике. – Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2018. – 116 с.
4. В Дальневосточной Республике // Социалистический Вестник – 1921 - №8 – С. 12
5. Мартов Ю.О. Вашингтонская конференция // Социалистический Вестник. – 1921 – №14/15. – С. 7.8.
6. Мартов Ю.О. Россия в Лозанне // Социалистический Вестник. – 1923. – № 1. – С. 1-3.
7. Мартов Ю.О. Успехи «патриотической» работы // Социалистический Вестник – 1921 - № 18 – С. 11
8. Меньшевики в большевистской России. 1918 – 1924. Меньшевики в 1919 – 1920 гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – 936 с.
9. Меньшевики в большевистской России. 1918 – 1924. Меньшевики в 1921 – 1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – 622 с.
10. Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП. В 2 частях. 1922- 1951 гг. Часть 1. – М.: РОССПЭН, 2010. – 840 с.
11. Речь Ф.И. Дана на VII съезде Советов. // Социалистический Вестник. – 1921. – № 2. – С. 3-8.
12. Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918-1926. – М.: МФД, 2002. – 632 с.
13. Странник. Социально-политическое обозрение. Рабочая политика в частных предприятиях // Социалистический Вестник. – 1921. – № 20. – С. 6-8.
14. Социалистический Вестник. – 1921. – №5. – С. 15-16.
15. Социалистический Вестник. – 1921. – №6. – С. 16.
16. Социалистический Вестник. – 1921. – №14/15. – С. 16.
17. Социалистический Вестник. – 1922. – №16. – С. 15.
18. Социалистический Вестник. – 1922. – №17. – С. 17.
19. Abramovic R.R. The Soviet Revolution. 1917 – 1938 // Routledge, 2019. – 494 p.
20. Marc Jansen. Government partners of the Bolsheviks: The Russian socialist revolutionaries in the Far Eastern Republic, 1920-1922 // International review of social history. – Vol. 26. – №3. – 1983: Cambridge University Press. – P. 296-303.

Чи Юйчао, аспирант

Департамент истории и археологии

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

chi_yuchao@mail.ru

Хисамутдинов Амир Александрович, д-р ист. наук, профессор

Департамент истории и археологии

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

khisamut@yahoo.com

ВЫСШЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ХАРБИНЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

УДК 34(091)

DOI 10.48344/BSPU.2021.60.52.025

Аннотация. В статье рассматривается Юридический факультет в Харбине. После Октябрьской революции в Харбин прибыли сотни тысяч русских беженцев, в том числе многие русские юристы. С помощью этих русских юристов открывало первое высшее учебное заведение в Харбине, первый китайский юридический исследовательский центр для России и первое настоящее русское высшее учебное заведение в Китае. Статья написана с использованием материалов из библиотек России и Китая.

Ключевые слова и фразы: высшее юридическое образование в Харбине, Юридический факультет в Харбине, русский юрист, китайское право, русская эмиграция.

Chi Yuchao, Postgraduate student

Department of History and Archeology

Far Eastern Federal University (Vladivostok)

chi_yuchao@mail.ru

Amir Khisamutdinov, Dr. Sc. In History, Professor

Department of History and Archeology

Far Eastern Federal University (Vladivostok)

khisamut@yahoo.com

HIGHER LEGAL EDUCATION IN HARBIN IN THE EARLY 1920S

Abstract. The article examines the Faculty of Law in Harbin. After the October Revolution, hundreds of thousands of Russian refugees arrived in Harbin, including many Russian lawyers. With the help of these Russian lawyers, he opened the first higher education institution in Harbin, the first Chinese legal research center for Russia and the first real Russian higher education institution in China. This article was written using materials from libraries of the Russia and China.

Key words and phases: higher education in law in Harbin, Faculty of Law in Harbin, Russian lawyer, Chinese law, Russian emigration.

После Октябрьской революции и в начальном периоде волны миграции проблема образования молодых русских эмигрантов в Харбине уже привлекала русских учёных. В 1921 году в Праге прошёл первый Конгресс учёных русских эмигрантов в мире. На конгрессе приняли устав союза академических организаций и определили самую важную задачу Конгресса, которой являлась забота о учениках, студентах и педагогии русских эмигрантов во всём мире.

В 1924 году в Праге опять прошёл третий Конгресс, а ситуация изменилась, что в разных странах открылись русские школы. По статистике не так много высших учебных заведений во всём мире, которые открыли русские эмигранты и они появлялись только в трех крупных городах – Париже, Праге и Харбине Китая [1].

Харбин не только являлся центром транспортного узла Китайско–Восточной железной дорогой (КВЖД) и излюбленным городом русских эмигрантов в Китае, затем в начале 1920 г. в Харбине собирались большое количество русских эмигрантов. Для решения молодых поколений русских эмигрантов в Харбине по вопросам высшего образования, в начале 1920 г. русские учёные в Харбине сначала открыли Высшие экономико-юридические курсы (Юридический факультет в Харбине) и Русско-китайский техникум (ныне Харбинский политехнический университет).

В начале 1920 года, в Харбин приехали сотни тысяч русских беженцев из Сибири и Дальнего Востока России, в том числе включали русские юристы. Они не только основали первое высшее учебное заведение в Харбине, а тоже открыли первое настоящее русское высшее учебное заведение в Китае – Высшие экономико-юридические курсы (Юридический факультет в Харбине).

Управление Китайско–Восточной железной дороги финансировало Юридический факультет в Харбине. Первым ректором был Н.В. Устрялов (1890 – 1937, Москва), который являлся членом конституционно–демократической партии (видный деятель партии кадетов) и одним из идеологов сменовеховства [4]. Церемония открытия факультета состоялась 28 февраля 1920, а официально открылся в Харбине 1 марта 1920 г. как Высшие экономико-юридические курсы, первый набор составили 98 человек, среди которых было много вольнослушателей [3, с. 275]. Юридический факультет в Харбине тоже установил отношение научного сотрудничества с Государственным Дальневосточным университетом во Владивостоке и получил право, чтобы выдавать диплом Государственного Дальневосточного университета. С 1 июля 1922 года было переименовано в Юридический факультет в Харбине. В октябре 1922 года русская Красная Армия занимала город Владивосток и возвращен Советскому Союзу. Затем связь между Юридическим факультетом в Харбине и Государственным Дальневосточным университетом вынужден прекратилась, а Устав и система набора студентов ГДУ все продолжали применять. После открытия Юридический факультет в Харбине и быстро развивался в период 1920-1929 гг., количество студентов продолжало расти, с менее 100 студентов, до 179 в 1922 г., 260 в 1924, а в начале 1928 года уже 830 студентов обучались на Факультете.

Юридический факультет в Харбине состоял из Юридического отделения (Юридический подотдел, Восточно-юридический подотдел) и Экономического отделения (Коммерческий подотдел, Железнодорожный подотдел, Восточно-экономический подотдел) [5]. С 1923 года на юридическом отделении также открывались предмет китайского права с уникальными местными особенностями, которые включали государственное право Китая, административное право, гражданское процессуальное право, гражданское право и др. Благодаря большой финансовой поддержке от Управления КВЖД, чтобы подготовить больше специалистов для обслуживания Китайско-Восточной железной дороги, поэтому дисциплины по экономике Юридического факультета больше ориентировали на предметы, связанные с эксплуатацией КВЖД, местной экономикой и Советское право.

С 1 марта 1929 г. Юридический факультет в Харбине был преобразован в государственный, а название университета переименовано на Юридический факультет Особого района Восточных провинций. После того, как Советский Союз продал Китайско-Восточную железную дорогу марионеточному государству Маньчжоу-го в 1932 году, большое количество русских эмигрантов вернулись в Советский Союз или переехали за границу. Затем число русских в Харбине резко сократилось, привело к кризису студентов и преподавателей на Юридическом факультете в Харбине. 1 июля 1937 года Юридический факультет в Харбине за-

крывался. 11 декабря 1937 г. в отделе «Модерн» Харбина состоялся вечерний банкет для последних выпускников Юридического факультета в Харбине.

Хотя Юридический факультет в Харбине только существовал всего 17 лет, но факультет подготовил 297 окончивших, которые включали десяти национальностей: русские, маньчжуры, корейцы, татары, евреи, армяне, монголы, грузины, латвийцы, японцы, со стороны гражданства, помимо русских и Советских граждан, из окончивших – 20 китайцев, один японец, один кореец, один германский подданный, со стороны специальности, по юридическому отделению окончило 169 человек, по экономическому отделению – 128 человек [2].

Преподаватели Юридического факультета в Харбине состояли из группы известных русских юристов, среди их большинство окончили известные университеты в Европе и России, например, знаменитые профессора Н.В. Устрялов, Н.И. Миролубов, В.А. Рязановский, В.В. Энгельфельд, Г.К. Гинс, Н.П. Автономов и др. В период работы на Юридическом факультете в Харбине эти русские юристы написали большое количество монографии по китайскому праву, советскому праву, китайской культуре и опубликовали их в журнале «Известия Юридического факультета», «Вестника Маньчжурии», «Вестника Азии» и другие.

В начале 1920-х годов русскими юристами был основан Юридический факультет в Харбине, который являлся первым центром изучения китайского права для России. Юридический факультет не только решил проблему подготовки местных юристов и через педагогическую деятельность китайские народы тоже познакомили с развитием европейского, русского права и экономики.

В период работы Юридического факультета в Харбине многие учёные русских эмигрантов в Харбине написали большое количество монографии, статей по направлению китайской истории, юриспруденции, географии, экономики, политики, философии, литературы и китайского искусства, некоторые из этих работ русские эмигранты в Харбине принесли в СССР, а некоторые были привезены в США, Великобританию, Францию, Латвию, Литву и другие страны. Это очень помогает Советскому Союзу, западным странам ознакомиться с Китаем. Сейчас эти драгоценные научные труды сохранились в библиотеках и архивах многих стран. Открытие Юридического факультета в Харбине не только играло положительную роль в развитии высшего образования в Харбине, а в значительной степени способствовало обмену китайским и российским правами, в определенной степени стимулировало взаимопонимание, дружеское сотрудничество культуры и национальности между Китаем и Россией.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Ли Сингэн. Русские эмигранты в Китае (1917-1945). – Пекин, 1997. – С. 362. Кит.
2. Таскина Е.П. Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 55.
3. Хисамутдинов А.А. Русское высшее образование в Китае// Вопросы образования. 2015. № 4. – С. 274–291.
4. Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. История русских эмигрантов в Харбине. – Харбин, 2011. – С. 206. Кит.
5. Юридический факультет О.Р.С.М. (1920-1935). – Харбин: Художественная типография “Заря”. – М., 1935. – С. 2.

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Научного фонда общественных наук провинции Хэйлуньцзян КНР
(№ 20ZSB008)*

Шеломихин Олег Анатольевич, канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории России и специальных исторических дисциплин
Благовещенский государственный педагогический университет (Благовещенск)
arhmuzeum@gmail.com

Баранов Артур Валентинович, канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории России и специальных исторических дисциплин
Благовещенский государственный педагогический университет (Благовещенск)
art.historu@mail.ru

Муслинко Алексей Валентинович, преподаватель
Кафедра истории России и специальных исторических дисциплин
Благовещенский государственный педагогический университет (Благовещенск)
alex-carr1995@yandex.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНИКАХ

УДК373.5.016+908

DOI 10.48344/BSPU.2021.82.49.026

Аннотация. В статье анализируется и проводится обзор освящения событий Гражданской войны на Дальнем Востоке России в современных учебниках по истории для общеобразовательных организаций. На этой основе предлагается ряд рекомендаций, направленных на углубление знаний обучающихся по истории родного края.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война, Дальний Восток, учебник, краеведение, регион.

Oleg Shelomikhin, Cand. Sc. in History, Associate Professor
Department of the History of Russia and Special Historical Disciplines
Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)
arhmuzeum@gmail.com

Arthur Baranov, Cand. Sc. in History, Associate Professor
Department of the History of Russia and Special Historical Disciplines
Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)
art.historu@mail.ru

Alexey Musienko, lecturer
Department of the History of Russia and Special Historical Disciplines
Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)
alex-carr1995@yandex.ru

CIVIL WAR IN THE RUSSIAN FAR EAST IN MODERN DOMESTIC TEXTBOOKS

Abstract. The article analyzes and reviews the consecration of the events of the Civil War in the Russian Far East in modern history textbooks for educational organizations. On this basis, a number of recommendations are proposed aimed at deepening the knowledge of students on the history of their native land.

Key words and phases: Civil War, Far East, textbook, local history, region.

Гражданская война – эпохальное событие в истории нашей страны, наложившее отпечаток не только на современников, но и на последующие поколения людей, чьи предки жили

в это сложное время. Существует достаточно противоречивые оценки этого события в научных изданиях, научно-популярной литературе, публицистике, СМИ. В разного рода концепциях, рассматривающих различные стороны Гражданской войны, очень сложно разобраться даже специалисту-исследователю, посвятившему изучению этой проблемы всю свою жизнь. Еще более хуже обстоит дело с учащимися, которые только начали постигать историю. Как свидетельствуют события последних лет, представители молодого поколения нередко выбирают экстремистские и подобные им информационные ресурсы по той причине, что им очень сложно ориентироваться в этом обилии информации, зачастую непроверенной и весьма сомнительного содержания. Учителя и учебная литература, в первую очередь учебники, казалось бы, должны помочь им в понимании исторического прошлого своей страны, в особенности в переломные эпохи. Однако, на практике ситуация выглядит не совсем так, как этого ожидают родители, общество и государство.

Дальневосточный федеральный округ занимает почти 30% всей территории России. Казалось бы, некто не сомневается в важности этого региона, в его перспективах и огромном потенциале. Тем не менее современные учебники уделяют историческим сюжетам, связанным с ним достаточно скромное место (менее 5%). Немало школьников имеют самое общее представление о регионе, в котором они живут, либо ничего не знают о нем. В то же время во многих федеральных программах по развитию Дальнего Востока подчеркивается необходимость всесторонней поддержки населения этого края. Вместе с тем, закрепление жителей на определенной территории, как свидетельствует исторический опыт, предполагает знание истории региона, формирование интереса к ней. К сожалению, современные учебники не могут в полной мере справиться с решением этой задачи.

Историко-культурный стандарт подчеркивает особую важность преподавания региональной истории в контексте истории России. От этого зависит формирование гражданского общества в нашей стране, воспитание будущих поколений граждан, способных без предрассудков, объективно воспринимать культурное, этническое, конфессиональное многообразие мира. В соответствии с этим социальным запросом, региональная история является связующим звеном между личностью, обществом и государством, которое формирует интерес обучающихся к своей малой Родине и ее прошлому, помогает понять общероссийские проблемы и нужды через события своего края [4].

Обратимся к анализу существующего дидактического материала посвященного Гражданской войне на Дальнем Востоке России в 1918-1922 гг. В настоящее время в общеобразовательных учебных учреждениях действует несколько линеек учебников, одобренных Министерством просвещения РФ [6]:

1. История России. 10 класс / под ред. А.В. Торкунова [3].
2. Волобуев О.В. История России: начало XX – начало XXI вв. 10 класс [1].
3. Никонов В.А., Девятов С.В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в. [5].

Сюжетная линия учебников, связанная с событиями Гражданской войны по-разному представлена в учебных изданиях. Это касается объема материалов, использования специальных понятий и терминов, информации об исторических деятелях этого времени, освящение спорных вопросов, а также других аспектов, знания которых необходимо обучающимся для получения полной картины об изучаемом периоде.

Что касается объема изучаемого материала, меньше всего уделяется внимания Гражданской войне на Дальнем Востоке в учебнике О.В. Волобуева. Данному сюжету посвящен параграф 7-8 «Гражданская война и военный коммунизм», где интересующим нас событиям отводится всего лишь один абзац. Вряд ли это можно признать достаточным для полноценного исторического знания старшеклассников об истории своего региона. В частности, в отрывке просто констатируются факт создания Дальневосточной Республики для борьбы с белогвардейцами и интервентами, а также о поражениях противников Советской власти в регионе и указывается дата вхождения ДВР в состав РСФСР [1, с. 75].

В учебнике под редакцией А.В. Торкунова отдельные эпизоды Гражданской войны на Дальнем Востоке России «всплывают» в виде кратких тезисов в параграфе 7 «Гражданская

война». Например, «На Дальнем Востоке появились японцы, а за ними войска англичан, французов и американцев» [3, с. 61]. При этом практически ничего не говорится о политике интервентов на занятых территориях, об отношении к ним местного населения. Что касается Белого движения в регионе, – этот сюжет остается загадкой для школьников. Впрочем, ничего не говорится и о сторонниках Советской власти 1918-1919 гг. Подобная ситуация может вызвать только недоумение. Пролистав несколько страниц дальше, читатели встретятся с предложением, где говорится «о зверствах войск казачьих атаманов Б.В. Анненкова, А.И. Дутова, Г.М. Семенова, И.П. Калмыкова и Н.И. Красильникова» [3, с. 65]. Однако, столь подробный список совершенно ничего не скажет школьникам об этих исторических деятелях (конечно, если они не обратятся к справочной литературе). Опять-таки ничего не говорится о действиях Красной Армии. Наконец, в конце параграфа содержится абзац, в котором, как и в предыдущем учебнике, говорится о создании Дальневосточной Республики. Несмотря на это, в пособии хотя бы есть краткое упоминание (одно предложение) о разгроме Народно-революционной армией ДВР под командованием В.К. Блюхера белых у станции Волочаевка. Абзац заканчивается констатацией факта о присоединении ДВР к РСФСР [3, с. 66-67]. Вряд ли подобная трактовка событий может быть признана удовлетворительной? Даже у не самого внимательного читателя, а тем более школьника, она вызовет больше вопросов, чем ответов. Может сложиться впечатление, что Гражданская война в основном была «где-то там» (в европейской части страны), а на Дальнем Востоке ситуация была стабильной.

Издательство «Русское слово» выпустило учебник под редакцией С.П. Карпова, в котором, как и в предыдущих учебных пособиях, упоминаются сюжеты Гражданской войны. Здесь также акцентируется внимание на сюжетах, связанных с Дальневосточной Республикой примерно в том же объеме, что и в остальных публикациях [5, с. 88]. Тем не менее, существенным плюсом является упоминание об Русской эмиграции в Харбине и Шанхае, о создании обширной диаспоры выходцев из нашей страны в Китае, США, Канаде, Австралии, странах Латинской Америки [5, с. 90]. Подобный сюжет помогает школьникам понять весь драматизм того времени. К сожалению, на этом скудная информация о наших соотечественниках за рубежом заканчивается.

В одном из последних учебных изданий для общеобразовательных организаций «История России. 10 класс» (под редакцией А.В. Торкунова), вышедшим в 2019 г., его авторы постарались несколько расширить материал по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. В частности, в нем упоминается дискуссия по вопросу о периодизации рассматриваемого периода времени [2, с. 59]. Кроме того, в пособие включен отдельный параграф, посвященный Русской эмиграции первой волны и культуре русского зарубежья [2, с.171-176]. По замыслу его авторов данный учебник завершает линейку УМК по истории России. Однако, данное издание не входит в перечень учебных пособий, рекомендованных Министерством просвещения РФ. Кроме того, история Дальнего Востока в нем по-прежнему рассматривается фрагментарно в виде тезисов.

В изучении исторического материала большую роль играет закрепление полученных универсальных учебных действий. Для их формирования используется методический аппарат, представленный в учебных изданиях вопросами, заданиями и другими формами деятельности обучающихся. В рассматриваемых учебниках ситуация с ними обстоит по-разному. В учебном пособии под редакцией А.В. Торкунова (2016) какие-либо задания, связанные с рассматриваемыми историческими сюжетами, полностью отсутствуют. В учебнике издательства «Дрофа» (2016) представлено единственное задание по региональной тематике универсального характера – «Что происходило в вашем крае в период Гражданской войны?» [1, с. 77]. По всей видимости, его авторы полагают, что подобные задания ориентируют обучающихся на самостоятельный поиск необходимой информации в других источниках, которые еще нужно найти. В издании, подготовленном «Русским словом» (2019), содержатся два задания, напрямую связанные с историей Гражданской войны на Дальнем Востоке. Первое из них требует от школьников указать события, в результате которых завершилась война на Дальнем Востоке. Следующее задание предлагает обучающимся подготовить проект на

тему «События Гражданской войны в нашем крае», предполагающее использование специальной историко-краеведческой литературы и материалов музеев [5, с. 90]. Несмотря на отличия в методическом аппарате учебников приходится признать, что эти задания невозможно выполнить, привлекая материал самого пособия. Следовательно, учащиеся должны будут обращаться к дополнительной литературе или к информационным ресурсам сети Интернет, что ставит под сомнение качество тех материалов, которые им удастся найти.

Конечно, в учебниках федерального уровня призванных дать представления об истории нашей страны обучающимся невозможно в деталях рассмотреть все события, явления и процессы, происходившие в отдельных регионах. Однако фрагментарное изложение материала в виде тезисов противоречит концепции ИКС, тем более не во всех субъектах РФ, а также в их школах преподается региональный компонент. В результате образовался своего рода пробел в историческом краеведении. В тоже время задания ВПР по истории обязательно включают себя два задания по истории родного края, в том числе посвященные событиям новейшей отечественной истории. По сути возникает абсурдная ситуация – от обучающихся требуется знание по истории региона, а учебная литература, которая могла бы помочь им овладеть необходимым материалом, – отсутствует или ее качество оставляет желать лучшего.

Помощь в решении сложившейся проблемы могло бы оказать издание специальной учебной литературы по истории дальневосточных субъектов РФ, в которых более углубленно рассматривают события, явления и процессы, связанные с историей региона. Кроме того, в учебных планах по истории следует выделить соответствующие часы для изучения этих аспектов.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Волобуев, О.В. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник / О.В. Волобуев, С.П. Карпачев, П.Н. Романов. – М.: Дрофа, 2016. – 367 с.
2. История. История России. 10 класс. Учеб. пособие для общеобразоват. организаций. Базовый и углубл. уровни. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. А.В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2019. – 176 с.
3. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / под ред. А.В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2016. – 175 с.
4. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Историко-культурный стандарт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://knmc.centerstart.ru/sites/knmc.centerstart.ru/files/istoriko-kulturnyy_standart.pdf (Дата обращения: 11.05.2021).
5. Никонов В.А., Девятов С.В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в.: учебник для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углубленный уровни: в 2 ч. Ч. 1. 1914-1945 / под ред. С.П. Карпова. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2019. – 312 с.
6. Приказ Министерства просвещения РФ от 20.05.2020 г. № 254 «Об утверждении федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009140015> (Дата обращения – 11.05.2021).

Шестаков Алексей Вячеславович

Научно-исследовательский отдел истории

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова (Хабаровск)

a_shes@mail.ru

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ:
ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЭКСПОНАТОВ ГРОДЕКОВСКОГО МУЗЕЯ)**

УДК 908

DOI 10.48344/BSPU.2021.10.31.027

***Аннотация:** В период оформления и существования Дальневосточной республики одним из важных наглядных символов её независимости были государственный герб и флаг республики, утверждённые в конституции ДВР в 1921 г. В статье рассматривается история появления герба, делаются предположения о возможных авторах эскиза герба, рассматриваются особенности использования в денежной эмиссии в республике.*

***Ключевые слова и фразы:** Дальневосточная республика, ДВР, Государственный герб, конституция ДВР, кредитные билеты ДВР, А.М. Краснощёков, И.Д. Шадр.*

Alexey Shestakov

Research Department of History

Khabarovsk Regional Museum. N.I. Grodekova (Khabarovsk)

a_shes@mail.ru

**COAT OF ARMS OF THE FAR EASTERN REPUBLIC:
THE HISTORY OF THE EMERGENCE AND USE
(ON THE EXAMPLE OF THE EXHIBITS OF THE GRODEKOV MUSEUM)**

***Abstract.** During the period of the formation and existence of the Far Eastern Republic, one of the important visual symbols of its independence was the coat of arms and the flag of the republic, approved in the Constitution of the Far Eastern Republic in 1921. The article discusses the history of the coat of arms, makes assumptions about possible authors of the sketch of the coat of arms, considers the features in use in money issue in the republic.*

***Key words and phases:** Far Eastern Republic, FER, Coat of arms, Constitution of the FER, credit cards of the FER, A.M. Krasnoshchekov, I.D. Shadr.*

7 января 1920 г. председатель Иркутского губернского комитета РКП(б) Александр Михайлович Краснощёков вместе с представителями эсеро-меньшевистского Политцентра, захватившего Иркутск 5 января, выехал в Томск, где в консультациях с Реввоенсоветом 5-й Красной Армии и председателем Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б) И.Н. Смирновым решался вопрос о создании на Дальнем Востоке особого буферного государства на демократических началах. Директивы московского Центра требовали от Смирнова «по возможности избегать» вооруженного столкновения с Японией. [11, с. 9-14]. В результате И.Н. Смирнов согласился с идеей демократического буфера, который мог выступить посредником при переговорах с представителями государств Антанты о прекращении интервенции. Предполагалось, играя на противоречиях Токио и Вашингтона, не только отсрочить войну с Японией, но и вытеснить интервентов с Дальнего Востока мирным путём. На существование этой демократической республике отводилось не более месяца. 20 января Смирнов телеграфировал о

результатах совещания в Москву В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому и получил «добро» на «игру в буфер». Ответственным за организацию и деятельность новой республики назначили уполномоченного Сиббюро ЦК РКП(б) А.М. Краснощёкова. В начале марта по согласованию с Москвой было организовано Дальбюро РКП(б), которое возглавил А.М. Краснощёков [10, с. 41-43; 11, с. 11].

2 марта 1920 г. Народно-революционная армия (НРА) Политцентра под командой штабс-капитана Н.С. Калашникова, организованная из различных повстанческих и добровольческих частей, заняла Верхнеудинск (совр. Улан-Удэ) [17, с. 280].

6 апреля 1920 г. в Верхнеудинске на съезде трудящихся Прибайкалья (западной части Забайкальской области) было провозглашено создание Дальневосточной республики (ДВР) и создано правительство ДВР под председательством А.М. Краснощёкова. Одним из первых мероприятий нового правительства стала подготовка к выработке конституции ДВР, которую также возглавил А.М. Краснощёков (работавший до революции адвокатом в США) [11, с. 12; 21, с. 109-113].

14 мая 1920 г. Дальневосточную республику (в написании того времени - А.Ш.) официально признало Советское правительство в Москве, о чём в Верхнеудинске стало известно 17 мая [4].

В августе 1920 к ДВР присоединилась Амурская область, в начале ноября 1920 г., после вывода японских войск из восточного Забайкалья, Забайкальская область. Тогда же столица ДВР была перенесена в г. Чита. После того как в октябре 1920 г. японские части оставили Хабаровск и западные районы Приморской области эта территория, без согласования с Временным правительством Дальнего Востока (Приморской областной земской управой), 22 ноября 1920 г. была изъята из состава Приморской области и включена в состав тогда же образованной в ДВР Приамурской области. После того, как 12 декабря Временное правительство Дальнего Востока (Приморская областная земская управа) сложило свои полномочия, к ДВР присоединились Владивосток и остальные части Приморской области. Окончательно территория ДВР оформилась после созыва Учредительного собрания Дальнего Востока 12 февраля 1921 г.

Одним из главных итогов работы Учредительного собрания было обсуждение и принятие 27 апреля 1921 г. Основного закона (конституции) Дальневосточной Республики. В фондах Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова хранится официальное издание конституции ДВР (ХКМ КП 10527), отпечатанное в Чите в 1921 г. Конституция ДВР состояла из 184 статей и 10 разделов. В статье 180 VIII-го раздела «О гербе и флаге Республики» говорится следующее: «Утверждается Государственный герб, описание которого следующее: на красном щите хвойный сосновый венчик, внутри которого на фоне утренней зари с появляющимся солнцем и с пятиконечной серебряной звездой (вверху фона) - скрещенные через снопы пшеницы якорь и одноконечное кайло вниз острием; на венке с правой стороны на красной перевязке буква „Д“, с левой „В“, внизу между черенками хвойных веток буква „Р“» [13, с. 38]. Однако же, не смотря на вышеизложенное, история Государственного герба Дальневосточной республики началась значительно задолго до 1921 г.

Законодательно герб и флаг ДВР были впервые оформлены постановлением № 4 Правительства ДВР ещё 11 ноября 1920 г., опубликованным 16 ноября в газете «Дальневосточная Республика», официальном органе Народно-Революционной власти Дальневосточной Республики. В отличие от статьи 180 конституции ДВР 1921 г., текст постановления «О Государственном гербе» 1920 г. имел следующие различия. Солнце было «только что» появляющимся, пятиконечная серебряная звезда – «сверху фона» и т.п. Сильнее всего изменилось описание венка. В 1920 г. он был описан, как «хвойный», а не как «хвойный сосновый» в редакции 1921 г. [20, л. 2об]. По очередности принятия это было одно из первых постановлений нового Правительства Дальневосточной республики, избранного Конференцией областных правительств Дальнего Востока 9 ноября 1920 г. Правительство состояло из 7 лиц и так же возглавлялось А.М. Краснощёковым [20, л. 2-2об].

Первые же известные нам сведения о гербе ДВР относятся к маю 1920 г. В середине мая верхнеудинское правительство поручило разработку проекта Временной Конституции ДВР двум министерствам – Министерству юстиции, возглавляемому Сергеем Юльевичем Широких-Полянским и Министерству внутренних дел под началом Вячеслава Ивановича Манторова (Малькова). В начале июня эти конституционные проекты были представлены правительству и затем сведены в единый проект Временной Конституции ДВР, состоявшей 54 статей и 6 глав [21, с.109-113]. По сведениям В.В. Сониной, глава VI проекта конституции называлась «о гербе и флаге» [21, с. 109]. Иллюстративное подтверждение этого факта мы обнаружили, работая с неполной подшивкой газеты «Дальневосточная Республика». Во вторник 25 мая вышел № 15 газеты в обычном оформлении, но через неделю, в среду 2 июня, в заглавии № 20 газеты посреди слова «ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ» появилось изображение герба ДВР [5; 6]. Такое оформление сохранялось только неделю и уже в воскресенье, 6 июня, заголовок очередного 22-го номера газеты был оформлен уже в старом стиле [7].

Герб и флаг ДВР появились, вероятно, как визуальное подтверждение независимости новой республики. Ещё 5 мая 1920 г. А.М. Краснощёков в телеграмме председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ленину жаловался на «политику шатания, нерешительности и разброда» в отношении ДВР [8, с. 174.]. Ситуация с Дальневосточной республикой резко изменилась 12 мая, после получения телеграммы японского командования с предложением начать переговоры об условиях эвакуации японских войск из Забайкалья [8, с. 179-183]. 14 мая Дальневосточную республику официально признала РСФСР, а 24 мая на железнодорожной станции Гонгота состоялась первая встреча представителей ДВР уже с японской делегацией [8, с. 190-193]. На этой встрече впервые использовался новый флаг ДВР. В фондах ХКМ им. Н.И. Гродекова хранится фотография членов делегации ДВР, стоящих перед своим вагоном на железнодорожной станции Гонгота (ХКМ КП 9507/203). Над входом в вагон закреплен флаг, где у древка на верхней четверти полотнища видны нанесённые буквы «ДВР». Правда, не треугольником, как было предписано в утверждённых образцах конца 1920 – начала 1921 гг., а последовательно.

Авторы эскиза герба и флага ДВР нам неизвестны, но есть несколько предположений.

С 1 по 7 мая в Верхнеудинске с целью «самой широкой агитации и пропаганды идей Народно-Революционной Демократической Власти и оказания материальной помощи Народно-Революционной Армии» была проведена «Неделя фронта». Подготовку к этому мероприятию активно освещал орган Дальневосточного Бюро при Ц.К. и Верхнеудинского комитета Российской компартии (большевиков) газета «Дальневосточная Правда». Для подготовки недели были привлечены и художники. В субботу 24 апреля в газете было размещено объявление от имени заведывающего художественной секцией Г. Темничка: «Всем художникам (также любителям) предлагается зарегистрироваться в течение двух суток (24 и 25 апр.) в Дальбюро» [1]. В результате 25 апреля на заседании оргкомиссии «Недели фронта» он уже докладывал, что «для работ отдела мобилизуются все художники, находящиеся в городе Верхнеудинске» [2]. В отчёте о результатах работы секции сообщалось в т.ч. о том, что для частей НРА были изготовлены «редкой художественной работы знамена, стяги разных форм, с богатой орнаментовкой» и др. Возглавил группу художников, куда входили и «иностранные рабочие», академик Курчак [3]. Каких либо сведений об академике Курчаке и заведующим художественной секцией Г. Темничка (Темничко) нам найти не удалось, но вполне вероятно, что именно этой группе предложили разработать эскизы герба и флага ДВР.

Другой вариант создания эскиза герба связан с историей разработки и печатания новых кредитных билетов Дальневосточной Республики. Ещё до образования ДВР Правительство Временной Земской Власти в конце марта 1920 г. постановило произвести самостоятельную денежную эмиссию. При этом было налажено сотрудничество с расположенной, в РСФСР, Иркутской Экспедицией заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ). В 1919 г. в Иркутске работало местное отделение Омской правительственной Экспедиции заготовления государственных бумаг, созданной 1 октября 1918 г. для производства денег для Временного Сибир-

ского правительства адмирала А.В. Колчака [4, с. 257]. При эвакуации ведомств из Омска в Иркутск в ноябре 1919 г. в местное отделение было отправлено 72 сотрудника Омской экспедиции, под общим руководством управляющего правительственной Экспедицией Сергея Степановича Ермолаева [4, с. 258-259].

В Иркутске Экспедиция заготовления государственных бумаг работала с конца 1919 г. по май 1921 г. и в основном обеспечивала денежной наличностью правительство А.В. Колчака, а затем Иркутский политический центр (до его ликвидации в январе 1920 г.) и советский Иркутский военно-революционный комитет [4, с. 261]. При этом она выполняла заказы и Дальневосточной республики.

В апреле 1920 г. Экспедиция сдала правительству ДВР огрифованные ею в Иркутске надписью «Временная Земская Власть Прибайкалья» кредитные билеты, произведённые ещё в США по заказу Временного правительства, достоинством в 25 и 100 рублей [16, с. 47; 17, с. 281]. 100-рублевые купюры поступили в обращение в ДВР в апреле, билеты номиналом 25 руб. – в мае 1920 г. [16, с. 49]. Оборот «буферок» на крайне незначительной территории Прибайкалья, ограниченный приём их в советской России и категорический отказ от приёма в Монголии привёл к падению их курса почти сразу же после выпуска в денежное обращение [17, с. 284].

Когда в июне 1920 г. в Иркутске заканчивалась огрифовка «американских» кредитных билетов, ЭЗГБ приступила там же уже к производству новых кредитных билетов ДВР полной эмиссионной группы, номиналами купюр в 1, 3, 5, 10, 500 и 1000 руб. [16, с. 50; 17, с. 285-286]. На этих кредитных билетах уже размещалось изображение герба ДВР – «сноп колосьев на фоне перекрещивающихся кирки и якоря» [17, с. 284].

Газета «Дальневосточная Республика» в начале июля 1920 г. опубликовала первые сведения об этой эмиссии: «Министерством финансов получены и в ближайшем времени предполагаются к выпуску в обращение новые денежные знаки Дальневосточной республики 3- и 10-рублевого достоинства» [12]. 27 июля было опубликовано постановление властей ДВР, согласно которому новые денежные знаки выпускались «в целях замены обращающихся в республике денежных знаков различных образцов знаками, соответствующими по своему внешнему виду новым республиканским формам государственного строя Дальневосточной республики» [12].

Как установил Д.И. Петин, первой, к концу июня 1920 г., была отпечатана партия 3-рублевых кредитных билетов ДВР. Денежный знак достоинством 5 руб. был утвержден в июле 1920 г., но изготавливаться начал только в декабре 1920 г. В июле же начали печатать 10 и 1000-рублёвые купюры, в августе – рублевые и 500-рублевые, также утверждённые в июле 1920 г. [15, с. 133].

В коллекции бон Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова хранятся экземпляры полной эмиссионной группы кредитных билетов ДВР, а также расчётные знаки Дальневосточной Республики номиналом в 25 и 50 рублей. Они были отпечатаны в национализированной типографии торгового дома Чурин и Ко в Благовещенске в сентябре-октябре 1920 г., и также содержат рисунок государственного герба ДВР.

В 1923 г. в Иркутске корреспондент журнала «Советский бонист» А. Катков осмотрел на выставке в местном Музее Революции односторонние образцы и фотографии почти полного комплекта образцов новых бон Российского правительства адмирала А.В. Колчака (1, 3, 5, 25, 100 и 1000 рублей), приготовленный к печати Иркутской ЭЗГБ в конце 1919 г. Ещё тогда А. Катков обратил внимание на то, что рисунок левой стороны 1-го рубля образца 1919 г. почти зеркально повторяется на рисунке левой стороны рубля ДВР образца 1920 г., где были изменены только надписи под словом «рубль». То же относилось и к рисунку 3-рублёвой купюры. На выставке были представлены в основном «односторонки» с двуглавыми орлами государственного герба двух типов – Временного правительства и двуглавого орла с крестом и надписью над верхушкой креста «Симъ победиши» [9, с. 2-3].

В этом плане определённый интерес представляет оформление 3-рублевых кредитных билетов ДВР, выпускавшихся первыми в эмиссионной группе в мае-июне 1920 г. и имевших наиболее близкое сходство с денежными знаками Российского правительства адмирала А.В. Колчака, эскизы которых были разработаны сотрудниками ЭЗГБ в Омске [15, с. 133; 22; 18]. При этом самым крупным изменением в рисунке банкноты было только появление нового герба, идеально вписавшееся в место, занимаемое до этого изображением двуглавого орла. При сравнении этих двух купюр возникает предположение о том, что рисунок герба ДВР первоначально был разработан для размещения именно в эскизе кредитного билета 3-рублёвого достоинства, который вскоре с минимальными изменениями был запущен в производство.

Конкурс на составление проекта нового герба России по указанию А.В. Колчака был проведён в Омске «Общество художников и любителей искусств Степного края» с февраля по май 1919 г. Вариант двуглавого орла, где корону заменил крест, а скипетр – меч представил казанский художник Г.А. Ильин и его проект победил на конкурсе. Разработанный им герб с надписью: «Симь победиши» предложили утвердить на сессии Национального собрания после победы над большевиками и окончания Гражданской войны, но ещё до несостоявшейся победы он был помещён на денежных купюрах достоинством 3, 5 и 300 рублей, выпущенных правительством Колчака в Омской Экспедиции заготовления государственных бумаг в 1919 г. [19, с. 72]. В конце 1919 г. Г.А. Ильин эвакуировался в Читу, а затем в Японию и США, и принимать участие в разработке денежных знаков и символики ДВР уже не мог.

Одновременно с работой Г.А. Ильина с Омской ЭЗГБ разработка рисунка для новых денег была поручена находившемуся весной 1919 г. в Омске скульптору Ивану Дмитриевичу Шадру (Иванову). Об этом писала Владивостокская газета «Дальневосточное обозрение» в номере от 22 мая 1919 г., сообщая следующее: «Министерством финансов поднят вопрос о выпуске бумажных денежных знаков нового образца. Этим деньгам будет присвоено название кредитных билетов "Возрождения России". Разработка рисунка для новых денег поручена художнику-скульптору И. Шадру» [19, с. 73; 22]. Вероятно, именно варианты «шадринской» разработки кредитных билетов «Возрождение России» и рассматривал А. Катков в Иркутске в 1923 г. С 1922 г. И.Д. Шадр работал главным художником 2-й Московской фабрики Гознака при Наркомате финансов, куда переехала часть сотрудников Иркутской Экспедиции заготовки государственных бумаг в середине 1921 г., а в конце 1922 – начале 1923 гг. участвовал в создании герба СССР [14, с. 261; 19, с. 73]. Учитывая это, мы можем предположить, что в начале 1920 г. И.Д. Шадр продолжил сотрудничество с Иркутской ЭЗГБ и, вероятно, принимал участие не только в оформлении новых кредитных билетов ДВР, но и непосредственно в создании эскиза государственного герба ДВР.

Исследование истории Государственного герба и флага Дальневосточной республики ещё ждёт своего продолжения, как и история применения государственной символики ДВР в повседневной жизни республики.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Дальне-Восточная Правда (Верхнеудинск). № 8, 24 апреля 1920 г
2. Дальне-Восточная Правда (Верхнеудинск). № 10, 27 апреля 1920 г
3. Дальне-Восточная Правда (Верхнеудинск). № 12, 1 мая 1920 г.
4. Дальне-Восточная республика (Верхнеудинск). № 13, 18 мая 1920 г.
5. Дальне-Восточная республика (Верхнеудинск). № 15, 25 мая 1920 г.;
6. Дальне-Восточная республика (Верхнеудинск). № 20, 2 июня 1920 г.
7. Дальне-Восточная республика (Верхнеудинск). № 24, 6 июня 1920 г.

8. Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 - ноябрь 1922 г.): Документы и материалы. В 2-х частях. Ч. I. Февраль-ноябрь 1920 г. – Владивосток: Дальнаука, 1993. – 312 с.
  9. Катков А. Не родившиеся колчаковки // Советский бонист. 1923. № 11-12, – С. 2 - 4.
  10. Кокоулин В.Г. Создание Дальневосточной Республики // Россия и АТР. – 2003. – № 2(40). – С 41-54.
  11. Мухачев Б.И. А.М. Краснощёков – председатель Дальсовнаркома и правительства ДВР // Россия и АТР. 2007. № 4. – С. 9-14.
  12. Николаев Р.В. Временные рубли временного государства // Водяной знак. – № 3. – (35) март 2006.
  13. Основной закон (конституция) Дальне-Восточной Республики / Утверждён Учредительным собранием Дальнего Востока 27 апреля 1921 года. – Чита: Государственная типография, б/д. - 72 с.
  14. Петин Д.И. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот вопрос с мертвой точки...»: Положение Экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 года // Новейшая история России. – 2017. – № 3. – С. 256 - 270.
  15. Петин Д.И. К вопросу о производстве денежных знаков Дальневосточной республики в Иркутске (июль 1920 г. - март 1921 г.) // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 432. – С. 130-137.
  16. Петин Д.И. Эмиссионная политика дальневосточного «буфера» в 1920 г.: новые факты // Новейшая история России. – 2012. – № 2. – С. 41–56.
  17. Погребецкий А. И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924). – Харбин: Издание Общества изучения Маньчжурского края и Дальневосточно-Сибирского Общества «Книжное дело», 1924. – 429 с.
  18. Пробные денежные знаки Государства Российского // Fox Notes. 2005. [Электронный ресурс] [https:// www.fox-notes.ru/](https://www.fox-notes.ru/). / URL:http://fox-notes.ru/img_rus/RUSSLAND_SIBIR_MUSTER_D16082017.htm (Дата обращения: 01. 04.2020).
  19. Ражнёв Г.В., Ранчугова, Н.Г. Двуглавые орлы в геральдике правительства адмирала А.В. Колчака // Военно-исторический журнал. – № 1. –2014. – С. 72-74.
  20. Собрание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной Республики № 1. 1 декабря 1920 г. С.4. / Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР за 1920, 1921 и 1922 г.г. - Чита: Читинская государственная тип., 1920-1922, (НСБ ГАХК).
  21. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. – 352 с.
  22. Шиканова И.С. Денежная реформа Колчака // Fox Notes. 2005. [Электронный ресурс] [https:// www.fox-notes.ru/](https://www.fox-notes.ru/). / URL: http://fox-notes.ru/spravka/TXT_FN170114_00002.htm (Дата обращения: 01. 04.2020).
-

Яхимович Сергей Юрьевич, канд. ист. наук, доцент
Кафедра социально-гуманитарных и экономических дисциплин
Дальневосточный юридический институт МВД России (Хабаровск)
sergyahim-69@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА СОВЕТИЗАЦИИ РОССИЯН НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ (1920-Е – НАЧАЛО 1930-Х ГОДОВ)

УДК 94(47)
DOI 10.48344/BSPU.2021.71.65.028

***Аннотация.** В статье рассматривается исторический опыт идеологического воздействия на раннее советское общество в условиях иностранного государства на примере колонии граждан СССР в Маньчжурии. Характеризуются основные институты и методы пропаганды советских ценностей.*

***Ключевые слова и фразы:** Маньчжурия, КВЖД, советская колония, идеология, агитация и пропаганда.*

Sergey Yakhimovich, Cand. Sc. in History, Associate Professor
Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk)
sergyahim-69@yandex.ru

THE IDEOLOGICAL COMPONENT OF THE PROCESS OF SOVIETIZATION OF RUSSIANS IN THE TERRITORY OF NORTH-EASTERN CHINA (1920s – EARLY 1930s)

***Abstract.** The article examines the historical experience of ideological influence on the early Soviet society in the conditions of a foreign state on the example of a colony of Soviet citizens in Manchuria. The main institutions and methods of propaganda of Soviet values are characterized.*

***Key words and phases:** Manchuria, CER, Soviet colony, ideology, agitation and propaganda.*

На разных этапах истории нашего государства всегда присутствовал какой-либо идеологический курс. В современной Российской Федерации статья 13 действующей Конституции запрещает любую государственную или обязательную идеологию [12]. Однако она же гарантирует доступность и защиту тех базовых духовных ценностей, которые, по сути, являются эквивалентом национальной идеи российского полиэтнического государства. Вопрос о необходимости объявления идеологической парадигмы поднимался на различных уровнях общественного диалога не раз, но идеология не рождается и не утверждается в одночасье, поэтому работа в этом направлении ведётся осторожно, с учётом исторического опыта. Проблема выбора идеологических координат России остаётся актуальной и изучение исторических эпизодов проявлений элементов этих координат (особенно политических) может способствовать лучшему осмыслению данной сферы.

Одним из таких примеров, признаваемым сегодня, как минимум, неоднозначным по своим последствиям, является советский эксперимент по привитию в сознание людей коммунистических идей одной политической партии в глобальных масштабах, как в границах своей страны, так и за её пределами. В частности, в рамках колоний выходцев из России, оказавшихся по ряду причин на китайской территории. Впервые крупная русская колония

появилась в Маньчжурии по договору Российской империи с правительством Китая в результате строительства и обслуживания прошедшей по его землям Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Колония существенно выросла в ходе гражданской войны 1918 – 1922 гг. в России за счёт беженцев и отступивших сюда частей белых армий. Административно зона дороги в конце 1920 г. была выделена в Особый район Восточных провинций (ОРВП) Китайской Республики. После перехода КВЖД в 1924 г. под совместное советско-китайское управление по двусторонним договорам, российская колония окончательно раскололась на эмигрантскую (состоявшую из бесподданных – апатридов), советскую (перешедших в гражданство СССР) и китайскую (тех, кто принял гражданство Китая и наименьшую из трёх). Впоследствии, немалая часть эмигрантов, проживавших в Маньчжурии, а также Тяньцзине, Шанхае и др. районах Китая, под влиянием агитации периодически переходила в советское гражданство и со временем, вплоть до 1962 г., несколькими волнами массово возвращалась на историческую родину [1].

Нахождение на северо-восточной территории Китая многотысячной колонии граждан СССР (на 1929 г. это около 50 тыс. чел. [9, л. 6; 10, л. 2]) требовало от советского руководства определённой программы и специальных органов по осуществлению её мировоззренческой советизации, т.е. целенаправленного процесса превращения новоявленных граждан в преданных членов социалистического общества искренне разделяющих коммунистические ценности и организованных по советской общественно-государственной модели. Первостепенное значение в осуществлении этой цели отводилось распространению и усвоению большевистской марксистско-ленинской идеологии. Однако основная проблема заключалась в том, что по итогам советско-китайских соглашений (май и сентябрь 1924 г.) коммунистическая пропаганда на территории Маньчжурии была запрещена [11, с. 333, 463]. В результате агитация в бывшей полосе отчуждения КВЖД велась нелегальными или полулегальными способами через разветвлённую сеть как разрешённых, так и подпольных советских организаций.

Курировала пропагандистскую работу среди маньчжурских россиян (и советских граждан и сочувствующих эмигрантов) нелегальная и законспирированная коммунистическая организация – Харбинское губбюро РКП(б)/ВКП(б), реорганизованная в 1926 г. в Северо-Маньчжурский комитет ВКП(б). Соответствующие директивы по агитации она получала от Далькрайкома и Центрального комитета партии. Наиболее удобно в местных политических условиях эти указания можно было реализовывать через официально разрешённые властями профессиональные союзы, созданные на линии КВЖД по советскому образцу и просуществовавшие здесь до 1935 г. Советские профсоюзы, действовавшие в Северной Маньчжурии, объединяли большую часть советской колонии и насчитывали в своих рядах к середине 1929 г. (пик советского влияния в регионе) около 25 тыс. чел. Среди 14 профессиональных объединений самым весомым и хорошо организованным был Производственный союз работников железнодорожного и водного транспорта (Дорпрофсоюз) КВЖД, в который входили до половины всех членов профсоюзов ОРВП. Значительное внимание партийными органами уделялось идеологической обработке молодёжи. В этом направлении активно работало несколько общественно-политических структур: комсомольская организация (нелегально); отделы молодёжи при профсоюзах, пользовавшиеся практически автономными правами; пионерское и октябрятское движение в границах советских школ, состоявших на балансе КВЖД. Кроме того, функционировали различные просветительские и благотворительные общества, соответствовавшие советской политической модели, которые прямо или косвенно распространяли социалистические ценности среди своих членов, например, – МОПР (Международная организация помощи революционерам), ОИМК (Общество изучения Маньчжурского края), ОСОАВИАХИМ, женские объединения, кооперативное движение и т.п. [2, с. 136-143; 17, с. 94-122].

Практически во всех этих организациях руководящими работниками являлись коммунисты, под полным контролем которых и проходила их деятельность [7, л. 79; 13, л. 16]. Ос-

новые приёмы агитационной работы были завуалированы под культурно-просветительскую деятельность, на которую негласно выделялись финансовые средства из доходов от деятельности КВЖД или из бюджета (до 10 %) советских общественно-политических организаций. При профсоюзных и общественных клубах работало огромное количество различных кружков (спортивных, драматических, профсоюзной грамотности и др.), пунктов ликвидации неграмотности, библиотек и т.п. Актёрскими труппами и самодеятельностью ставились спектакли советских авторов, организовывался просмотр кинофильмов советского производства. В закрытых помещениях проводились лекции и митинги политического характера. Для подготовки партийно-профсоюзных и комсомольских активистов, занимавшихся агитацией, организовывались специальные нелегальные кружки и курсы политической грамотности. Более массовые элементы пропагандистского воздействия сводились к распространению советской символики и празднованию знаменательных дат (1 мая, 7 ноября, день рождения В.И. Ленина, день молодёжи и др.) [3, л. 6-14; 13, л. 93, 149-152; 14, л. 18]. На особом месте стояла антирелигиозная кампания, сопровождавшаяся специальными лекториями, сценическими постановками, печатными листовками и индивидуальными беседами. Из советских школ исчез предмет «Закон Божий», заменённый на «Обществоведение» [4, л. 7; 5, л. 171; 15, л. 53].

Большим подспорьем для идеологической советизации российского населения Северо-Восточного Китая явилась возможность легального издания на месте просоветской прессы и на первых этапах завоз из СССР книжной продукции и периодической печати (газеты «Труд», «Известия» и др.). Многие газеты и журналы, освещавшие жизнь в Советском Союзе и отражавшие достижения социалистического строя, издававшиеся в Харбине и распространявшиеся по всему региону, неоднократно временно закрывались или вовсе ликвидировались китайской полицией, как источник запрещённой пропаганды коммунистических идей. В разное время наиболее популярными из них и обладавшими относительно большим тиражом были газеты «Молва», «Новости жизни», «Трибуна», «Эхо» и др. [2, с. 143]. Вместе с тем, следует отметить, что харбинские просоветские издания в силу политической обстановки не могли полноценно отражать пропагандистские установки, т.к. иначе могли подвергнуться уголовному преследованию. Ещё одной проблемой было слабое субсидирование многих газет в первой половине 1920-х гг., что в рыночных условиях заставляло издания солидную часть полос занимать платными объявлениями и рекламой, как это было, например, с «Трибуной» – рупором Дорпрофсожа КВЖД [7, л. 94 об.].

Китайские власти, как правило, болезненно реагировали на проявления большевистской пропаганды в Маньчжурии. Имевшие ярковыраженную политическую окраску профсоюзы в ОРВП периодически закрывались, а полиция регулярно вторгалась в клубные мероприятия, не только контролируя, но и в случае необходимости пресекая их, руководствуясь законодательством и статьями советско-китайских соглашений о взаимном недопущении идеологической агитации [6, л. 32-34; 8, л. 169]. С переходом региона под японский контроль с 1932 г. возможность агитационной деятельности советских структур сильно снизились. С 1933 г. Япония начала полномасштабное вытеснение политико-экономического влияния СССР с северо-восточных территорий Китая и борьба с коммунистической идеологией стояла на одном из первых мест. Уже к началу 1935 г. японо-маньчжоугоским режимом были закрыты все советские культурно-просветительские учреждения и запрещены соответствующие мероприятия [16, с. 100-101]. После вынужденной продажи Советским Союзом КВЖД в марте 1935 г. большая часть советских граждан покинула Маньчжурию, а оставшиеся были фактически лишены широкого пропагандистского влияния. Тем не менее во второй половине 1930-х гг. в некоторых городах Северо-Восточного Китая постепенно начинают открываться различные клубы и ассоциации граждан СССР, где посредством радиопередач и другой скудно попадавшей информации продолжалось знакомство с социалистическим мировоззрением.

Таким образом, до кардинального изменения политической ситуации в маньчжурском регионе в 1932 – 1933 гг., несмотря на противодействие китайских властей, активно прохо-

дила идеологическая советизация проживавших здесь граждан СССР. Основными источниками пропагандистского воздействия стали имевшиеся здесь советские общественно-политические организации. С оккупацией Маньчжурии японскими войсками эта деятельность вскоре была почти приостановлена.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск, 2007.
2. Балакшин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. – Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк, 1958.
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-734. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАРФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 18.
5. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 184.
6. ГАХК. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 32.
7. ГАХК. Ф. П-458. Оп. 1. Д. 15.
8. ГАХК. Ф. П-1965. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 218.
10. ГАХК. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 23.
11. Документы внешней политики СССР. Т. 7 (1 января – 31 декабря 1924 г.). – М., 1963.
12. Конституция Российской Федерации 1993 г. (с поправками от 14 марта 2020 г.) // Гарант.Ру. Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/10103000/#friends> (Дата обращения: 28.03.2021).
13. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 67. Д. 53.
14. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 376.
15. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 323. Оп. 3. Д. 2.
16. Ткаченко Г.И. Советские трудящиеся на КВЖД в борьбе за укрепление пролетарской солидарности с китайским народом (1924 – 1935 гг.). – М., 1988.
17. Яхимович С.Ю. Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924 – 1935 гг.). – Хабаровск, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Абинякин Роман Михайлович (Орёл) ПРИКАЗЫ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ОБ ОСОБОМ УЧЕТЕ БЫВШИХ БЕЛЫХ ОФИЦЕРОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-1922 ГГ.....	9
Аверченко Сергей Викторович (Воронеж) ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ АВИАЦИОННОЙ ТЕХНИКИ В ВООРУЖЁННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ БЕЛЫХ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В 1918-1922 ГГ.....	13
Барабанский Саян Андреевич (Владивосток) СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕЩЕВОГО И ПРОДУКТОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ И БЕЛОЙ АРМИЙ НА ВОСТОЧНОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В 1918-1920 ГГ.....	19
Белевщук Галина Павловна (Владивосток) РАБОЧИЙ ВОПРОС В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	25
Бесчастнов Николай Николаевич (Астрахань) ВИЛЬЯМ ГРЭВС О МЯТЕЖЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА.....	30
Вацулик Ярослав (Брно, Чешская Республика), Васильченко Максим Анатольевич (Москва) РЕПАТРИАЦИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНЕРОВ ИЗ РОССИИ В 1919-1920 ГГ...	35
Виноградов Павел Валентинович (Владивосток) ЗНАЧЕНИЕ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ПОРТА В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ГРУЗОПЕРЕВОЗКАХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАБОТКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ГРУЗОВ).....	42
Гребенкин Алексей Николаевич (Орёл) ХАРБИН КАК ЦЕНТР РУССКОГО ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	48
Долгова Анжела Валерьевна (Москва) ВЛИЯНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ЖИТЕЛЕЙ УРАЛА И ЗАБАЙКАЛЬЯ В 1919-1920 ГГ.....	54
Друзьяка Андрей Викторович (Благовещенск) СУДЕБНАЯ СИСТЕМА АМУРСКОЙ ТРУДОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (АПРЕЛЬ-СЕНТЯБРЬ 1918 Г.).....	60
Зайнутдинов Динар Рафаилович (Казань) БУРЯТИЯ В СИБИРСКО-ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1917-1920 ГОДЫ).....	65
Землянский Вадим Леонидович (Москва) ВЫБОРЫ ЧЛЕНОВ ПРИАМУРСКОГО ЗЕМСКОГО СОБОРА НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1922 ГОДУ.....	76
Кавецкая Вера Вячеславовна (Владивосток) ВОЗМОЖНОСТИ ФОНДОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА ИМЕНИ В.К. АРСЕНЬЕВА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФЕНОМЕНА ДВР И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.....	82
Киселев Андрей Леонидович (Южно-Сахалинск) ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ БАНКОВ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ РОССИИ ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1922-1925 ГГ.).....	86

Кузин Андрей Васильевич (Благовещенск) ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СОСТОЯНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГРУППИРОВКИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ.....	94
Кузнецов Дмитрий Владиславович (Благовещенск) ФЕНОМЕН РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КИТАЕ.....	98
Кургузов Павел Владимирович (Улан-Удэ) 1-Й ПАРТИЗАНСКИЙ РАЙОН АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ (ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИ- ЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОВСТАНЧЕСКОГО ШТАБА В 1918-1919 ГГ.).....	112
Лян Ин (Владивосток), Хисамутдинов Амир Александрович (Владивосток) ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БИОГРАФИИ КИТАЕВЕДА С. ПОЛЕВОГО.	120
Паршуков Владимир Александрович (Ульяновск) БИОГРАФИИ АТАМАНОВ ЕНИСЕЙСКИХ КАЗАЧЬИХ СТАНИЦ В КИТАЕ.....	124
Пиллер Илья Константинович (Благовещенск) ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ.....	130
Сапрыкина Марина Геннадиевна (Нижний Новгород) ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В «ЭГО-ДОКУМЕНТАХ» ИЗ ФОНДА Я.К. КОКУШКИНА.....	133
Сороколетова Алена Александровна (Владивосток) ОБРАЗ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	142
Токмаков Валерий Сергеевич (Благовещенск) СУДЬБЫ ЖЕНЩИН-КАЗАЧЕК В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ.....	151
Фургалев Иван Михайлович (Ростов-на-Дону) ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ РСДРП И ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА.....	155
Чи Юйчао (Владивосток), Хисамутдинов Амир Александрович (Владивосток) ВЫСШЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ХАРБИНЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.....	161
Шеломихин Олег Анатольевич (Благовещенск), Баранов Артур Валентинович (Благовещенск), Мусиенко Алексей Валентинович (Благовещенск) ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНИКАХ.....	164
Шестаков Алексей Вячеславович (Хабаровск) ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПОНАТОВ ГРОДЕКОВСКОГО МУЗЕЯ).....	168
Яхимович Сергей Юрьевич (Хабаровск) ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА СОВЕТИЗАЦИИ РОССИЯН НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ (1920-Е – НАЧАЛО 1930-Х ГОДОВ).....	174

**ИСТОРИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
И
ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ:**
материалы Всероссийской
научно-практической конференции
(Благовещенск, 13 мая 2021 г.)

Ответственные редакторы: Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов

Редактор: О.А. Рыкова

Дизайн обложки – Д.В. Кузнецов

Лицензия ЛР № 040326 от 19.XII.1997 г.

Подписано к печати 1.06.2021

Формат бумаги 60x84 1/8

Бумага тип. № 1

Уч. - изд. л. 13,61

Тираж 100 экз.

Заказ № ...

Издательство Благовещенского государственного педагогического университета.
Типография БГПУ. 675000, Амурская обл., г. Благовещенск,
ул. Ленина, 104

В сборник включены доклады преподавателей и научных сотрудников, а также аспирантов, магистрантов, студентов, принявших участие во Всероссийской научно-практической конференции «История Гражданской войны на Дальнем Востоке и история русской эмиграции» (Благовещенск, 13 мая 2021 г.).

Конференция была посвящена 100-летию окончания Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке, вошла в серию мероприятий, запланированных на 2020-2022 гг. и приуроченных к 100-летию Великой Российской революции и Гражданской войны, организованных Дальневосточным отделением Российского исторического общества (РИО) совместно с Российской академией наук (РАН), научными организациями и вузами Дальневосточного федерального округа.

